РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1922

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» въ ПАРИЖѢ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1922

Imprimerie «Presse Franco-Russe», 216, Boulevard Raspail, Paris

Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны.
Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны.

Императоръ Николай II и Его Правительство

(По даннымъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи).

Я давно собирался опубликовать тѣ данныя, которыя были установлены Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіей, образованной Временнымъ Правительствомъ для расслѣдованія дѣйсгвій бывшихъ Министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Однако до послѣдняго времени осуществить это намѣреніе мнѣ не удавалось, какъ вслѣдствіе происходившихъ въ Россіи событій, такъ и по обстоятельствамъ личной моей жизни.

Къ сожалѣнію всѣ накопленные мною матерьялы въ видѣ копій документовъ и писемъ, а также собственныя мои замѣтки погибли во время почти безпрерывныхъ за послѣдніе годы скитаній, приведшихъ меня за границу. Конечно за это время многое изгладилось изъ памяти, многое помнится неясно, но выводы, къ которымъ я пришелъ на основаніи установленныхъ слѣдствіемъ фактовъ, сохранились прочно. Нерѣдко дѣлясь этими доводами съ людьми различныхъ слоевъ, я убѣдился, что не только дѣятельность Чрезвычайной Комиссіи совершенно неизвѣстна широкимъ кругамъ, но даже и неопровержимо установленные слѣдствіемъ факты являются совершенно новыми для большинства, которое до сихъ поръ готово вѣрить въ давно опровергнутыя легенды.

Мнѣ казалось, что сообщаемые мною факты вызывали серьезный интересъ, почему я, по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, сдѣлалъ въ Константинополѣ въ присутсвіи сравнительно немногочисленныхъ слушателей докладъ, озаглавленный «Императоръ Николай II и правительство по даннымъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи». Въ настоящее время, подъ вліяніемъ настойчивыхъ указаній моихъ слушателей, я рѣшился опубликовать этотъ докладъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ прочитанъ. Я помѣстилъ въ немъ тольк о то

что помню безспорно и, хотя цитаты дѣлаю по памяти, но ручаюсь за полное сохраненіе общаго смысла и духа цитируемаго.

Сознавая всю недостаточность разработки поставленной мною темы, я не оставляю мысли при болѣе благопріятныхъ условіяхъ возстановить по возможности весь матерьялъ, прошедшій черезъ Комиссію, и тѣмъ исполнить долгъ моей совѣти передъ свѣтлой личностью благороднаго Царя Страдальца.

А. Ф. РОМАНОВЪ.

Константинополь, 2 іюня 1920 года.

I.

Всѣмъ еще памятно какъ въ первые дни «великой безкровной революціи» послѣ жесточайшихъ убійствъ вѣрныхъ присягѣ и долгу чиновъ полиціи, послѣдовательно были арестованы революціонной толпой прежніе Министры, нѣкоторые Товарищи Министровъ, Директора Департаментовъ, Вице-Директора и другія должностныя лица стараго режима. Въ числѣ первыхъ былъ доставленъ въ Государственную Думу Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Бывшій Министръ Юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Когда объ этомъ доложили «возглавлявшему революцію» Предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, то, очевидно, арестъ Щегловитова показался ему настолько нелѣпымъ, что онъ даже разсмѣялся и сказалъ: — «ну это простое недоразумѣніе, сейчасъ все выясню» и направился къ фактическому главѣ революціи Керенскому. Однако выяснить это простое недоразумѣніе оказалось не такъ просто и въ результатѣ Щегловитовъ и другіе арестованные были переведены въ Петропавловскую крѣпость. Многіе изъ этихъ арестованныхъ «по недоразумѣнію» не увидѣли болѣе свободы и изъ тюрьмы ушли въ могилу.

Въ надеждѣ подвести какой-нибудь фундаментъ подъ революціонные аресты, Временное Правительство учредило Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію для разслѣдованія дѣйствій бывшихъ Министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Задачей Комиссіи было раскрытіе тѣхъ тяжкихъ преступленій, которыя молвою и печатью, при содѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, приписывались прежней власти. Кромѣ того, по утвержденію нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей, цѣлью учрежденія Комиссіи

было введеніе въ правовое русло народнаго гнѣва противъ дѣятелей стараго режима и избавленіе ихъ отъ самосуда. Какъ показало послѣдующее, это были только красивыя слова, столь обильно расточавшіяся въ то время. Смѣшно было говорить о народномъ гнѣвѣ противъ тѣхъ, кого народъ, строго говоря, и не зналъ. Если даже допустить, что нѣкоторые изъ прежнихъ Министровъ были извѣстны революціонной толпѣ, то, само собою разумѣется, что она не могла знать Директоровъ, Вице-Директоровъ, и болѣе мелкихъ должностныхъ лицъ, которыя оказались арестованными. Противъ нихъ несомнѣнно былъ не народный, а личный и партійный гнѣвъ, ввести который въ русло права и предотвратить самосуды партійные руководители во всякомъ случаѣ могли, не прибѣгая, до установленія въ судебномъ порядкѣ какой-либо конкретной вины, къ Петропавловской крѣпости и ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, о которыхъ я буду говорить впослѣдствіи.

Для правильной оцѣнки матеріаловъ, которые были добыты Комиссіей и которые въ краткихъ чертахъ будутъ мною изложены, считаю нужнымъ остановиться на томъ, кѣмъ и какъ добывались эти матерьялы а также каково было отношеніе къ работѣ и къ ея результатамъ со стороны различныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ Комиссіи. Мнѣ кажется это тѣмъ болѣе важнымъ, что нѣкоторые члены Комиссіи распространяли и распространяютъ свѣдѣнія явно тенденціозныя и извращенныя, преслѣдуя свои узкопартійныя цѣли и стремясь къ оправданію какъ самой революціи, такъ и своей дѣятельности въ ней.

Во главѣ Комиссіи былъ поставленъ Московскій присяжный повѣренный Н. К. Муравьевъ. Комиссія распадалась на три части: слѣдственную часть, наблюдательную часть и президіумъ.

Слѣдственная часть состояла изъ лицъ судебнаго вѣдомства въ числѣ до 20 человѣкъ. Число ихъ съ развитіемъ дѣятельности Комиссіи все возрастало. Сюда были приглашены весьма почтенные судебные дѣятели: предсѣдатели Окружныхъ Судовъ, члены Судебныхъ Палатъ, лица прокурорскаго надзора, судебные слѣдователи и т. п. Эти лица производили разслѣдованія, допросы, осмотры, обыски, — съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ Устава Уголовнаго Судопроизводства.

Первоначально у создателей и руководителей Комиссіи, главнымъ образомъ Керенскаго, было стремленіе привлекать къ этому дѣлу лишь судебныхъ дѣятелей, «умученныхъ отъ Щегловитова», но за отсутствіемъ достаточнаго количества такихъ «умученныхъ»,

дѣйствительно способныхъ къ работѣ, пришлось обратиться къ помощи даже тѣхъ, имена которыхъ съ тогдашней точки зрѣнія, безъ всякаго впрочемъ разумнаго основанія, считались одіозными. Само собою разумѣется, что это старались дѣлать въ тихомолку и по возможности не разглашать, боясь Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, представители котораго, особенно первое время, весьма интересовались дѣятельностью Комиссіи.

При докладѣ о работахъ Комиссіи на съѣздѣ Совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ въ Петроградѣ, Муравьевъ подчеркнуто заявилъ, что Комиссія состоитъ изъ представителей общественности и затѣмъ вскользь упомянулъ объ участіи въ ней нѣкоторыхъ «заслуживающихъ полнаго довѣрія организованной демократіи» судебныхъ дѣятелей.

Всѣмъ извѣстно то недовѣріе къ судебнымъ дѣятелямъ, которымъ былъ проникнутъ присяжный повѣренный Керенскій и его приспѣшники. Достаточно вспомнить слова Керенскаго, сказанныя имъ въ Москвѣ въ зданіи судебныхъ установленій о томъ, что въ судѣ только «сословіе присяжныхъ повѣренныхъ сохранило честь». Это недовѣріе послужило основаніемъ для образованія второй части Комиссіи — части наблюдательной — состоявшей преимущественно изъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, въ большинствѣ соціалистовъ разныхъ толковъ и главнымъ образомъ евреевъ. Лица, входившія въ эту часть, являлись какъ бы прокурорскимъ надзоромъ, наблюдавшимъ и руководившимъ предварительнымъ слѣдствіемъ, но въ дѣйствительности они по большей части были «соглядатаями» и на обязанности ихъ лежало предупреждать «лицепріятіе» судебныхъ дѣятелей и возможную съ ихъ стороны «контрреволюціонность». Они присутствовали при допросахъ свидѣтелей и вообще при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ.

Наконецъ, третья часть комиссіи — президіумъ — состояла, главнымъ образомъ, изъ общественныхъ элементовъ. Въ нее входили: предсѣдатель, присяжный повѣренный, Муравьевъ и члены: членъ Государственной Думы Ф. И. Родичевъ, академикъ С. Ф. Ольденбургъ, сенаторъ С. В. Ивановъ, литераторъ Щеголевъ, генералъ Апушкинъ, присяжный повѣренный Крахмаль, сенаторъ эпохи Временнаго Правительства Соколовъ, и два непартійныхъ юриста-техника: прокуроръ Харьковской Судебной Палаты, впослѣдствіи сенаторъ Б. Н. Смиттенъ и прокуроръ Виленской Судебной Палаты А. Ф. Романовъ.

Предсѣдатель, Муравьевъ, капризный и изнѣженный соціалъ-де-

мократъ, обладая минимальными знаніями, сдѣлалъ свою адвокатскую карьеру исключительно на политическихъ процессахъ. Слушать онъ могъ только свои безконечныя рѣчи, полныя искусственнаго воодушевленія, и подсказку многочисленныхъ помощниковъ, разрабатывавшихъ для него юридическую сторону вопросовъ. Состоя предсѣдателемъ Комиссіи, онъ буквально на заднихъ лапкахъ танцовалъ передъ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и униженно поддерживалъ добрыя отношенія съ представителями большевизма. Впослѣдствіи я узналъ, что еще до революціи многіе Московскіе адвокаты не находили возможнымъ подавать Муравьеву руку.

Ф. И. Родичевъ, кадетъ, извѣстный пылкій ораторъ, старался по возможности отстаивать въ Комиссіи справедливость, но присутствовалъ въ засѣданіяхъ рѣдко.

Академикъ С. Ф. Ольденбургъ, тоже кадетъ, аккуратнѣйшій и старательнѣйшій, но не искушенный въ юридическихъ тонкостяхъ, человѣкъ. Нѣсколько дней онъ былъ министромъ Народнаго Просвѣщенія при Временномъ Правительствѣ, отстаивалъ новое правописаніе, но лично писалъ букву «ѣ» тамъ, гдѣ она полагается.

Сенаторъ С. В. Ивановъ, бывшій предсѣдатель Петроградской Городской Думы, нѣкогда подписалъ протестъ противъ смертной казни, за что былъ переведенъ изъ судебнаго департамента въ общее собраніе Сената и поэтому считалъ себя пострадавшимъ за правду. Это заставляло его во всемъ прошломъ видѣть только мракъ, а въ настоящемъ и будущемъ — свѣтъ. Впрочемъ послѣ Іюльскаго возстанія большевиковъ оптимизмъ его нѣсколько поколебался.

Литераторъ Щеголевъ, соціалистъ-революціонеръ, редакторъ журнала «Былое», подходилъ ко всякому дѣлу съ точки зрѣнія использованія его въ опредѣленномъ духѣ для журнала. При старомъ Правительствѣ онъ какъ-то былъ арестованъ и, несмотря на усиленныя просьбы со ссылкою на разстройство питанія, не былъ освобожденъ немедленно, какъ этого добивался. Поэтому при новомъ режимѣ сталъ принципіальнымъ противникомъ освобожденія изъ подъ стражи дѣятелей прежней власти и нерѣдко, со спокойнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, говорилъ: «пусть посидятъ, я же сидѣлъ».

Генералъ Апушкинъ былъ назначенъ при Временномъ Правительствѣ Начальникомъ Главнаго Военно-Суднаго Управленія. Большого участія въ дѣятельности Комиссіи не принималъ; сначала много и съ пафосомъ говорилъ о завоеваніяхъ революціи, о рево-

люціонномъ самосознаніи, но потомъ какъ-то осѣлъ и стушевался.

Присяжный повѣренный Крахмаль, еврей, и «Сенаторъ» Соколовъ являлись представителями Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и были плоть отъ плоти и кровь отъ крови этого Совѣта, особенно Соколовъ. Тупо-упорный, упорно-тупой и нагло самоувѣренный Соколовъ — авторъ приказа № 1, которымъ было начато разложеніе арміи. До революціи Соколовъ принадлежалъ къ партіи большевиковъ, потомъ перешелъ будто-бы къ меньшевикамъ. Въ комиссіи Соколовъ не слушалъ никакихъ доводовъ и на все отвѣчалъ сплошнымъ «распни его», если только «онъ» былъ изъ стараго режима. Какъ извѣстно, этотъ Соколовъ былъ впослѣдствіи жестоко избитъ тѣми самыми солдатами, надъ разложеніемъ которыхъ онъ такъ много потрудился.

Остановлюсь нѣсколько на обстоятельствахъ, при которыхъ я былъ приглашенъ въ Комиссію, такъ какъ они весьма показательны для дѣятелей Временнаго Правительства.

При старомъ режимѣ я былъ назначенъ прокуроромъ Виленской Судебной Палаты. Въ виду занятія Вильны нѣмцами, Палата находилась въ Москвѣ. Послѣ революціи до меня дошли слухи о томъ, что меня собираются уволить и на мое мѣсто назначить какого-то присяжнаго повѣреннаго. И вдругъ совершенно неожиданно для меня и къ крайнему моему удивленію въ одной изъ Московскихъ газетъ появилось сообщеніе о командированіи меня въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію. Послѣ этого спустя, кажется, двѣ недѣли присяжный повѣренный Ждановъ, только что вернувшійся изъ каторги (онъ былъ осужденъ за участіе въ разбоѣ, который почему-то назывался экспропріаціей) сообщилъ мнѣ что онъ, по порученію предсѣдателя Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Муравьева, везъ мнѣ какой-то пакетъ, но потерялъ его по-дорогѣ; думаетъ, что это былъ ордеръ Министра о командированіи меня въ Комиссію, почему и проситъ меня теперь же зайти къ пріѣзжающему въ Москву Муравьеву. Эти — на видъ мелкія обстоятельства — потеря должностнымъ лицомъ оффиціальнаго пакета и командированіе судебнаго дѣятеля безъ всякаго его спроса оказались явленіями весьма симптоматическими. Сколько разъ потомъ пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ потери новыми дѣятелями весьма важныхъ бумагъ, которыя какъ то затеривались въ Министерствахъ, чего не бывало раньше. Напримѣръ одна бумага изъ слѣдственной Комиссіи (чуть ли не найденная въ перепискѣ Государя копія проекта соглашенія съ союзниками на случай побѣды) была передана въ руки Милюкому; впослѣдствіи

Милюковъ совершенно забылъ объ этомъ, а въ Министерствѣ утверждали, что «Министръ бумагу куда-то засунулъ». Невольно вспоминалось торжественное заявленіе того же Милюкова въ Государственной Думѣ передъ революціонной толпою: «ручаюсь по крайней мѣрѣ за то, что при мнѣ ни одна государственная тайна не станетъ извѣстна врагамъ». Не допуская мысли о возможности выдачи тайны Милюковымъ, необходимо, однако, признать что при такомъ способѣ храненія бумагъ многого не убережешь. Сованіе бумагъ въ карманы пиджаковъ и жилетовъ для новыхъ дѣятелей было явленіемъ общимъ, но особенно страдалъ этимъ недостаткомъ предсѣдатель Комиссіи Муравьевъ. Командированіе-же судебныхъ дѣятелей безъ всякаго ихъ спроса — это были только цвѣточки того безцеремоннаго отношенія къ чинамъ судебнаго вѣдомства, которое проявлялъ Керенскій. При немъ судебные дѣятели массами удалялись со службы безъ всякихъ объясненій, иногда на основаніи телеграммы какого-нибудь присяжнаго повѣреннаго, утверждавшаго, что такой-то непріемлемъ общественными кругами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Керенскій, не стѣсняясь, дѣлалъ попытки давленія на судейскую совѣсть, примѣръ чего я приведу ниже.

Почему Керенскій въ отношеніи меня положилъ гнѣвъ на милость — мнѣ осталось неизвѣстнымъ и я могу только догадываться по нѣкоторымъ намекамъ. Повидимому имѣвшіе еще тогда вліяніе Сенаторы рекомендовали меня и разсказали, что я до революціи отказался ѣхать въ Ставку въ помощь Сенатору Трегубову, состоявшему при ген. Алексѣевѣ, несмотря на выгодныя матерьяльныя условія. Очевидно въ этомъ была усмотрѣна моя оппозиціонность.

Возвращаюсь къ президіуму. На обязанности его лежало общее руководство работой, распредѣленіе ея между слѣдователями, окончательное разрѣшеніе вопросовъ о привлеченіи въ качествѣ обвиняемыхъ, о принятіи мѣръ пресѣченія и о дальнѣйшемъ направленіи оконченныхъ дѣлъ. Кромѣ того президіумъ разсматривалъ всякаго рода прошенія, донесенія, выслушивалъ доклады и т. под.

Какъ же добывались Комиссіей подлежавшіе разсмотрѣнію ея матерьялы? Во первыхъ, производились слѣдствія по тѣмъ обвиненіямъ, которыя предъявлялись такъ называемыми общественными кругами, напримѣръ о государственной измѣнѣ Штюрмера, о разстрѣлѣ толпы во время революціи (Протопоповскіе пулеметы), о взяточничествѣ бывшаго Министра Юстиціи Добровольскаго,

о Ленскихъ событіяхъ (разстрѣлъ рабочихъ), о дѣлѣ Бейлиса и т. под., во вторыхъ просматривались дѣла во всѣхъ Министерствахъ приблизительно за послѣдніе 10-15 лѣтъ, разсматривались документы, нанесенные отовсюду революціонной толпой, отобранные при обыскахъ, представленные самими свидѣтелями и обвиняемыми и т. д. Въ распоряженіи Комиссіи были между прочимъ въ громадномъ количествѣ ленты переговоровъ по прямымъ проводамъ.

Особенно цѣнный матерьялъ дала переписка Государя. Лѣвой частью Комиссіи былъ возбуженъ вопросъ о производствѣ обыска у Государя. Остальные члены президіума самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ такой мѣры и одержали верхъ. Между тѣмъ, Муравьевъ черезъ революціоннаго коменданта Царско-Сельскаго дворца намекнулъ Государю (замѣчательно, что даже Муравьевъ не рѣшился на большее, чѣмъ намекъ) о желательности, въ цѣляхъ выясненія дѣятельности Министровъ, получить всю имѣющуюся у него переписку. Государь — фактъ, который я особенно подчеркиваю — собтвенноручно разложилъ всѣ письма и документы въ конверты, сдѣлалъ на каждомъ изъ нихъ надпись, съ кѣмъ переписка и какіе документы, и прислалъ все въ Комиссію, не скрывъ ничего. Утверждаю, что скрыто не было ничего, такъ какъ среди переписки оказалось много глубоко интимнаго а также и того, что въ глазахъ тогдашней власти очень и очень могло повредить Государю.

Изъ ранѣе мною сказаннаго, изъ краткой характеристики дѣятелей, не трудно заключить, каково было отношеніе различныхъ элементовъ Комиссіи къ работѣ и къ ея результатамъ.

Въ этомъ отношеніи всѣ лица, входившія въ составъ Комиссіи, рѣзко распадались на двѣ группы: одну — стремившуюся со свойственною судебной профессіи привычкой, къ объективному выясненію истины, и другую, возглавлявшуюся Муравьевымъ, — желавшую всѣми правдами и неправдами, во что бы то ни стало, установить преступность всѣхъ и вся и отомстить всѣмъ дѣятелямъ стараго режима. Ни о какомъ правовомъ руслѣ у лицъ этого направленія не было и рѣчи. Муравьевъ хватался въ отчаяніи за голову, когда я и Сенаторъ Смиттенъ доказывали отсутствіе въ томъ или иномъ дѣлѣ указаній на признаки преступленія со стороны прежней власти. «Сенатора» Соколова убѣдить ни въ чемъ не было возможности. Онъ обычно, въ такихъ случаяхъ твердилъ «а всетаки это преступно, потому что возставшая за свою свободу революціонная демократія и т. д.» Эта группа, къ которой принадлежали почти всѣ наблюдав-

шіе, выискивала преступленія гдѣ только могла и, надо отдать имъ справедливость, нѣкоторые на этомъ пути проявляли фанатическое рвеніе, не считаясь ни съ чѣмъ и усматривае преступленія чуть ли не въ самомъ существованіи прежней власти. Каково было это стремленіе и чѣмъ оно нерѣдко вызывалось видно изъ поведенія Муравьева на съѣздѣ Совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Докладывая съѣзду, Муравьевъ, зная уже большую часть добытаго Комиссіей матерьяла, которымъ опровергались всѣ тяжкія обвиненія, направленныя противъ стараго режима, все же прямо заявилъ: «ко мнѣ обращаются жены нѣкоторыхъ Министровъ съ вопросомъ, почему ихъ мужья подъ стражею, а другіе на свободѣ. На это, я, товарищи, отвѣчаю: ахъ не безпокойтесь — всѣхъ привлечемъ и всѣхъ посадимъ». Эти слова вызвали громъ товарищескихъ аплодисментовъ.

Весьма показателенъ эпизодъ, произшедшій при разсмотрѣніи прошенія бывшаго Министра Юстиціи Н. А. Добровольскаго. Добровольскій обвинялся во взяточничествѣ, но всѣ первоначально выдвигавшіяся противъ него улики были на слѣдствіи рѣшительнымъ образомъ опровергнуты. Дѣло предполагалось направить на прекращеніе. И вотъ при этихъ условіяхъ президіумъ разсматривалъ прошеніе Добровольскаго объ освобожденіи его изъ подъ стражи. Предсѣдатель Муравьевъ, видя отсутствіе Соколова, пытался было отложить разсмотрѣніе прошенія. Однако, это не удалось, такъ какъ ему настойчиво было указано на наличность кворума и безъ Соколова. Тогда Муравьевъ прибѣгъ къ другому способу. Онъ предложилъ, прежде разсмотрѣнія дѣла по существу, обсудить вопросъ, не надлежитъ ли возбудить противъ Добровольскаго преслѣдованіе за помѣщеніе въ прошеніи оскорбительныхъ для Комиссіи выраженій; оскорбленіе усматривалось Муравьевымъ въ томъ, что Добровольскій называлъ свое содержаніе подъ стражей лишеннымъ законнаго основанія. Я указалъ тогда президіуму на циркуляръ Министерства Юстиціи, воспрещавшій возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ арестантовъ за оскорбительныя выраженія. Такое распоряженіе было сдѣлано, какъ гласилъ циркуляръ, во вниманіе къ тому естественному состоянію духа, въ которомъ находится заключенный, тѣмъ болѣе что самыя оскорбительныя выраженія могли быть слѣдствіемъ справедливаго раздраженія противъ дѣйствительно неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ. Циркуляръ требовалъ не уклоняться отъ разсмотрѣнія такихъ жалобъ по существу. Этотъ гуманный циркуляръ былъ

подписанъ столь ненавистнымъ Муравьеву Министромъ Юстиціи И. Г. Щегловитовымъ. Муравьевъ былъ нѣсколько сконфуженъ и вынужденъ былъ поставить на голосованіе вопросъ объ освобожденіи Добровольскаго изъ подъ стражи. Противъ освобожденія были, конечно, самъ Муравьевъ и подошедшіе къ тому времени Соколовъ и Щеголевъ, но большинствомъ голосовъ постановлено было Добровольскаго освободить. Тогда Муравьевъ недовольно-капризнымъ жестомъ бросаетъ переписку секретарю со словами: «ну такъ и запишите, но пока не исполняйте». По настоянію моему и Сенатора Смиттена Добровольскій былъ, однако, на слѣдующій день освобожденъ, на наше же требованіе объяснить, на какомъ основаніи онъ позволилъ себѣ единолично пріостановить постановленіе Комиссіи, Муравьевъ въ концѣ концовъ проговорился, что хотѣлъ предварительно узнать какъ къ освобожденію отнесется Министръ Юстиціи. Вотъ типичный образчикъ уваженія новыхъ дѣятелей къ самостоятельности и независимости судей. Но на этомъ соціалъ-демократъ Муравьевъ не остановился и, когда встрѣтилъ въ помѣщеніи Комиссіи освобожденнаго уже Добровольскаго, то заявилъ ему, что онъ не можетъ никуда ѣхать, «не представившись Керенскому». Муравьевъ, конечно, зналъ, что попасть къ Керенскому Добровольскому не удастся. Мы посовѣтовали Добровольскому не обращать вниманія на слова Муравьева и уѣзжать куда ему хочется. Онъ такъ и поступилъ, заручившись отъ насъ удостовѣреніемъ о неимѣніи никакихъ препятствій къ его выѣзду со стороны Комиссіи.

Когда мы рѣшили настоять на освобожденіе Б. В. Штюрмера, то Керенскій, прослышавъ объ этомъ, прибѣжалъ въ Комиссію и увѣрялъ, что освобожденіе произведетъ тяжелое впечатлѣніе на «широкія демократическія массы» и «можетъ взорвать правительство».

Кстати любопытно отмѣтить, что для освобожденія изъ подъ стражи недостаточно было преодолѣть сопротивленіе нѣкоторыхъ членовъ Комиссіи и Правительства, но необходимо было еще получить согласіе коменданта и самочиннаго гарнизона Петропавловской крѣпости. Тѣ просто брали взятки и до полученія ихъ, постановленія Комиссіи нерѣдко не приводились въ исполненіе. Объ этомъ тогда же было сообщено Министрамъ Юстиціи и Военному съ требованіемъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ виновныхъ но власть такъ трепетала передъ всякими самочинными организаціями, что не было даже назначено слѣдствія.

Изъ всего сказаннаго совершенно ясно, въ какомъ направленіи должна была идти работа Комиссіи. Можно съ увѣренностью ут-

верждать, что въ такихъ условіяхъ наличность въ дѣлѣ хотя бы намековъ на улики послужила бы основаніемъ для привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ всѣхъ бывшихъ Министровъ и другихъ должностныхъ лицъ, а между тѣмъ набившія всѣмъ оскомину обвиненія предъявлены не были, ибо не было даже намековъ на улики, дѣятели же Временнаго Правитешьства не дошли еще до упрощенной системы расправы, усвоенной большевиками.

III.

По самому своему наименованію слѣдственная Комиссія должна была вѣдать только дѣйствія Министровъ и другихъ должностныхъ лицъ и не касалась личности и дѣятельности Государя. Но съ перваго же дня — я считаю это къ счастію — умнѣйшему и талантливѣйшему слѣдователю Р. поручено было изслѣдованіе источниковъ «безотвѣтственныхъ» вліяній при Дворѣ.

Съ такимъ лакейскимъ, хамскимъ любопытствомъ и торжествомъ жаждали нѣкоторые члены Комиссіи вывести предъ всенародныя очи предполагаемый ими позоръ Царской Семьи. Надежды ихъ, однако, не оправдались.

Считаю нужнымъ оговориться, что я никогда не видѣлъ Государя вблизи: все, что я скажу о немъ есть только выводъ изъ показаній многочисленныхъ, опрошенныхъ Комиссіей свидѣтелей, множества документовъ и писемъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ. Для судебныхъ дѣятелей этотъ методъ изученія привыченъ и всякій, знакомый съ судомъ, знаетъ, что письменныя и вещественныя доказательства — эти мертвые свидѣтели — говорятъ нерѣдко громче и правдивѣе свидѣтелей живыхъ. Кромѣ того судебный опытъ показываетъ, что разсмотрѣніе дѣла въ судѣ, во всей совокупности доказательствъ, открываетъ глаза на изслѣдуемую личность даже тѣмъ, которые, казалось, хорошо знали изслѣдуемаго, но знали его только съ одной стороны. Многіе факты изъ жизни обвиняемаго или потерпѣвшаго предстаютъ предъ ними въ иномъ совершенно свѣтѣ и, выходя изъ суда, они невольно говорятъ: «такъ вотъ какой онъ былъ».

Каковъ же былъ Царь? Прежде всего это была натура, склонная къ мистицизму, это былъ богоискатель, а вѣдь богоискательство это такая чисто русская черта. На пути исканія Бога, мы видимъ у Него и увлеченіе спиритизмомъ и медіумами, но въ концѣ концовъ

Онъ приходитъ къ глубокой религіозности въ духѣ народной православной вѣры, со всѣми ея красотами и съ нѣкоторыми, быть можетъ, ея предразсудками. Объ этомъ ярко свидѣтельствуютъ какъ все Его поведеніе — благоговѣйное исполненіе всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, — такъ и поведеніе всѣхъ окружавшихъ Его, особенно тѣхъ, которые хотѣли быть Ему угодными. Прочтите Его письма и письма къ Нему и вы увидите, что значитъ для Него Богъ и Божья воля.

Глубокая религіозность Царя — это общеизвѣстный фактъ и о ней распространяться нечего. Я хочу только сказать, что религіозность эта была искренней и проникала все Его существо. Одинокому на своей высотѣ, пережившему массу страданій за семью, за Себя, за государство, видѣвшему вокругъ лесть, обманъ, ожесточенную борьбу изъ-за великихъ и богатыхъ милостей, безсильному нерѣдко разрѣшить тотъ или иной важный вопросъ, находившемуся вѣчно подъ гнетомъ исканій, противорѣчивыхъ совѣтовъ, многочисленныхъ просьбъ, взаимной хулы окружающихъ, Ему оставалось прибѣгать къ Богу. Богъ вразумитъ, Богъ научитъ, Богъ сохранитъ Его семью, и Царство, родину и народъ. Онъ, Царь — помазанникъ Божій.

Усталый отъ всѣхъ окружающихъ Его противорѣчій, извѣрившійся въ людяхъ, часто Его обманывавшихъ, оцѣнившій по достоинству измѣнчивое непостоянство логическихъ доводовъ своихъ совѣтчиковъ, приходившихъ на основаніи этихъ доводовъ къ противоположнымъ выводамъ, Онъ замкнулся въ себѣ и искалъ помощи только у Бога. При рѣшеніи того или иного вопроса, Онъ часто отказывается бороться противъ доводовъ людей и почти всегда въ такихъ случаяхъ говоритъ и пишетъ: — ««Мнѣ вспало на душу», «мнѣ пришло на умъ» — сдѣлать то-то и то-то и дальше никакихъ соображеній, никакихъ доводовъ, такъ какъ съ ними будутъ спорить, будутъ бороться.

Царь былъ истинный демократъ. Онъ любилъ простой народъ, простыхъ людей, эти милліоны подлиннаго, въ Его глазахъ, народа. Вѣдь онъ — ихъ Царь, они вѣрятъ такъ, какъ вѣритъ Онъ, они вѣрятъ Ему, Ему преданы, видятъ въ Немъ помазанника Божьяго. Объ этомъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствовали тѣ безграмотныя письма, которыя получали со всѣхъ сторонъ Царь и Царица; безхитростныя каракули были полны выраженія любви къ Царю, къ Царицѣ и къ Наслѣднику. Число такихъ писемъ достигало громадной цифры во время войны. И развѣ могъ Государь сомнѣваться въ ихъ искренности; вѣдь всѣ они были написаны невѣдомыми Ему

людьми, ничего не ищущими, безъ всякихъ личныхъ цѣлей, единственно по порыву простой народной души. Послѣ революціи тѣми же каракулями выводилась гнусная брань противъ Царя и Царской Семьи. Надо надѣяться, что эти новыя письма не доходили до Царя, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя попадали въ Комиссію, такъ какъ я распорядился ихъ не отсылать.

Царь любилъ простыхъ людей. Всѣ знавшіе близко Царя свидѣтельствуютъ, что особенное расположеніе Онъ всегда чувствовалъ къ людямъ сравнительно плохо одѣтымъ, съ неважными манерами; Его влекло къ нимъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно описанное генераломъ Носковымъ свиданіе Царя съ Французскимъ Министромъ-соціалистомъ Тома. Тома въ болѣе длинномъ чѣмъ полагается, сюртукѣ, съ длинными волосами, со всклокоченной бородой — и Царь проявляетъ искреннее расположеніе къ своему гостю и за столомъ завязываетъ съ нимъ оживленный, почти дружескій разговоръ.

А свиданіе Царя съ Керенскимъ? Развѣ это не лучшее подтвержденіе указанной черты. Среди ужасныхъ для Него и Его семьи событій революціи къ Царю является, казалось бы Его злѣйшій врагъ, но онъ просто одѣтъ, какая-то тужурка, рѣзкія быстрыя движенія, горячая рѣчь о народѣ, и Царь говоритъ: «жаль, что у меня не было такого Министра, который такъ прямо говорилъ бы мнѣ правду». Фактъ этотъ я передаю со словъ революціоннаго коменданта Царско-Сельскаго дворца. Если онъ, что вполнѣ возможно, былъ вымышленъ для возвеличенія силы вліянія Керенскаго, то все же подобный разговоръ вполнѣ отвѣчалъ единодушнымъ отзывамъ о характерѣ Государя.

Царь всегда и во всемъ искалъ правды и склоненъ былъ больше вѣрить людямъ простымъ. Припоминаю обстоятельства пріема Имъ одного Сенатора, по манерамъ и внѣшности производившаго впечатлѣніе человѣка искренняго и простого. Бесѣда сразу приняла какой-то интимный характеръ. Царь очень интреесовался, какъ отнеслись рабочія массы къ одному изъ его Манифестовъ, и просилъ сказать правду. Сенаторъ отвѣтилъ, что Манифестъ хорошъ, но всѣ боятся, что онъ не будетъ исполненъ. Царь, ходившій по кабинету, быстро обернулся и съ доброй, прямо дружеской улыбкой произнесъ: «да, да, это правда, часто не исполняютъ того, что Я хочу; но не безпокойтесь, на этотъ разъ Я заставлю исполнить».

Царь не былъ врагомъ рабочихъ. Волненія рабочихъ въ октябрѣ 1916 года — эта репетиція революціи — вызвали у Него не же-

ланіе репрессіи, а жажду знать правду о причинахъ безпорядковъ. Поручая разслѣдованіе одному изъ Сенаторовъ, Царь требовалъ отъ него выяснить дѣйствительныя нужды рабочихъ и сказать Ему всю правду.

О любви Царя къ простому народу очень ярко свидѣтельствовали дворцовые слуги. Отзывы ихъ въ этомъ отношеніи прямо восторженные и я самъ видѣлъ слезы умиленія и горя на ихъ глазахъ, когда они вспоминали о необычайной добротѣ и трогательной деликатности Государя. Эта же черта проявилась, когда, покидая въ послѣдній разъ Царское Село, Государь не забылъ подарить своему слугѣ урожай съ огорода, который Онъ собственноручно воздѣлывалъ послѣ революціи.

Царь былъ глубокій патріотъ. Онъ очень не хотѣлъ войны. Какой искренностью звучитъ Его телеграмма къ Вильгельму: «мобилизація произведена не противъ Германіи. Отъ Тебя зависитъ миръ. Прими всѣ мѣры къ предотвращенію ненужнаго кровопролитія. Любящій Тебя Ника». И сухо, съ твердой рѣшимостью Онъ телеграфируетъ послѣ объявленія войны Вильгельму, возлагая на него всю отвѣтственность за войну. Письма Государя во время войны полны искренней радости по поводу нашихъ побѣдъ и тяжко, но съ вѣрою въ помощь Божью, переживаетъ Онъ наши пораженія.

Наконецъ, Царь былъ идеальный семьянинъ. «Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ Нашимъ» — эти слова послѣдняго Манифеста Царя не были только словами. Взаимная любовь — основная черта всей Царской Семьи. Прочтите письма, телеграммы, которыми они обмѣниваются при разлукѣ каждый день. Сколько въ нихъ заботы другъ о другѣ, взаимнаго безпокойства, сколько интимной уютности дружной, хорошей, русской семьи. Государь очень любилъ проводить свои вечера въ тѣсномъ кругу семьи и читать вслухъ дѣтямъ русскихъ классиковъ.

«Я сегодня гулялъ въ саду по нашей любимой дорожкѣ и мнѣ было такъ грустно, что Васъ не было около меня» — такъ или примѣрно такъ телеграфируетъ Царь Своей Семьѣ. И эта коротенькая фраза говоритъ очень много. Я могъ бы привести массу такихъ писемъ и телеграммъ, но память не удержала ихъ текста, прочно сохранивъ только выводъ изъ всего перечтеннаго.

И такъ основное для Царя: вѣра, народъ, отечество и семья. Въ этомъ весь Царь.

Въ такъ называемыхъ общественныхъ кругахъ принято было утверждать, что Царь двуличенъ, лицемѣренъ, упрямъ, безволенъ

и даже жестокъ. Многіе, дѣйствительно, удостовѣрили передъ Комиссіей, что нерѣдко Государь говорилъ одно, а потомъ неожиданно дѣлалъ другое.

Эта сторона характера Государя легко находитъ себѣ объясненіе, если постараться представить живо Его положеніе. Вѣчно среди происходившей вокругъ него борьбы личныхъ интересовъ, стремясь избавиться отъ безконечно повторяемыхъ попытокъ воздѣйствовать на Него, желая прекратить ихъ, Онъ, конечно, могъ обѣщать, только бы избавиться сейчасъ, но хотѣлъ идти своимъ путемъ, какъ казалось Ему, указаннымъ Богомъ или собственной совѣстью. Хорошо, хорошо, только оставьте меня сейчасъ, ну а тамъ я сдѣлаю по своему, какъ «вспало на душу», «какъ внушилъ мнѣ Преподобный» такъ, вѣроятно, думалъ Онъ въ эти минуты.

Отсюда же и видимое упрямство, которое, быть можетъ, было проявленіемъ той настойчивости и воли, въ отсутствіи которыхъ Его упрекали. Любопытно отмѣтить, что тѣ, кому Государь не вѣрилъ, доводы которыхъ разбивались о немотивированное, но часто правильное и справедливое «мнѣ такъ вспало на душу» считали Его упрямымъ. Если же еще при этомъ Онъ охотнѣе слушалъ другихъ, то къ упрямству присоединяли и безволіе. Въ этомъ отношеніи показанія такихъ лицъ очень легко расшифровываются.

Государь не былъ жестокъ. Рѣшительно никакихъ указаній на это слѣдствіемъ добыто не было; напротивъ того всѣ близко Его знавшіе единодушно свидѣтельствовали о необычайной Его добротѣ и мягкости. «Кровавый Царь» какъ писали прокламаціи и какая это была ложь! За все царствованіе Государя Николая Александровича крови пролилось меньше, чѣмъ даже за первые дни «безкровной» революціи и лилась она, конечно, не по желанію, а тѣмъ болѣе не по жестокости Царя.

Единственный фактъ, за который ухватились было Муравьевъ и его единомышленники, — это найденная въ бумагахъ записка графа С. Ю. Витте, о томъ, что онъ считаетъ долгомъ доложить Государю, что руководитель возстанія въ Черноморскомъ флотѣ лейтенантъ Шмитъ страдаетъ, какъ «говорятъ со всѣхъ сторонъ» психическимъ разстройствомъ. На этой запискѣ Государь положилъ резолюцію: «Если бы Шмитъ былъ психически боленъ, это установилъ бы судъ». Всякій, знакомый съ судебнымъ дѣломъ и со склонностью обвиняемыхъ симулировать сумасшествіе, пойметъ, что жестокость была здѣсь ни при чемъ. Если такую, вполнѣ правильную резолю-

цію, считать жестокостью, то надо признать, что всѣ прокуроры и всѣ судьи жестоки.

Единственно въ чемъ можно было бы упрекнуть Государя — это въ неумѣніи разбираться въ людяхъ. Это, впрочемъ, искусство трудное и мало кому бываетъ дано; всегда легче бываетъ ввести въ заблужденіе чистаго человѣка, чѣмъ человѣка дурного, способнаго самого на обманъ, а Государь былъ безспорно совершенно чистымъ. Развѣ не чистота души сказалась, напримѣръ, въ упомянутой мною присылкѣ всѣхъ писемь и документовъ въ Комиссію; развѣ не величіе и чистота души въ обстоятельствахъ отреченія отъ престола за Себя и за сына. Вѣдь будь у Царя хотя бы доля коварства и жажды власти, а не одна лишь мысль о служеніи народу, то конечно Онъ не отнесся бы съ такою добросовѣстностью къ вопросу о разлукѣ съ сыномъ и, формально давъ на это согласіе, попытался бы черезъ сына вернуть Себѣ власть. Нѣтъ Онъ этого не только не дѣлаетъ, но, повидимому, Ему чистому, добросовѣстному человѣку и въ мысль не приходитъ возможность такъ обмануть революціонеровъ.

Повторяю, Царь — это вѣра, народъ, отечество и семья, и только, принявъ такую характеристику Царя, возможно объяснить и его отношеніе къ Распутину, и къ Государственной Думѣ, и къ революціи, и къ собственному отреченію, не прибѣгая къ представленію о Царѣ, какимъ Его изображали въ прокламаціяхъ — въ видѣ какого.то изверга, утратившаго всѣ человѣческія чувства, для котораго нѣтъ ничего святого.

Не скрою, что, входя въ составъ Слѣдственной Комиссіи, я самъ находился подъ вліяніемъ слуховъ, захватившихъ всѣхъ и былъ предубѣжденъ противъ личности Государя. Утверждаю, однако, что не я одинъ, на основаніи изученія матерьяловъ, пришелъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Еврей, соціалистъ-революціонеръ, присяжный повѣренный, которому было поручено Муравьевымъ обслѣдованіе дѣятельности Царя, послѣ нѣсколькихъ недѣль работы, съ недоумѣніеиъ и тревогой въ голосѣ сказалъ мнѣ «что мнѣ дѣлать, я начинаю любить Царя».

Царица — натура менѣе сложная и личность Ея, быть можетъ, болѣе правильно освѣщена въ глазахъ общества. Она фанатически-религіозна. Въ комнатѣ у нея все время горятъ лампады и иногда по цѣлымъ ночамъ Она горячо молится передъ иконами и безпрерывно кладетъ земные поклоны. Она до полнаго самоотреченія любитъ своего сына. Она властолюбива и готова въ глубинѣ души считать Себя равной Екатеринѣ II. Она вмѣшивается въ управленіе.

Передъ окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о назначеніи Министровъ кандидаты нерѣдко представлялись Ей. Передъ назначеніемъ А. Н. Хвостова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Царица говоритъ ему: «Вы будуте назначены, но при условіи взять себѣ въ помощники Бѣлецкаго. Это еинственный человѣкъ который можетъ Насъ охранить». Въ Москвѣ обостряется продовольственный вопросъ. «Примите самыя энергическія мѣры. Александра». — телеграфируетъ Государыня Протопопову.

Наконецъ, Распутинъ. Это самое замѣтное лицо въ великой трагедіи Царской Семьи. Распутинъ — двуликій. Съ одной стороны, типичный русскій крестьянинъ — богоискатель, сектантъ, способный на подвиги аскетизма, съ другой стороны — человѣкъ, стоящій по ту сторону добра, разгульный пьяница, безъ всякихъ привязанностей, безъ чувства благодарности — типичный хамъ, предтеча русскаго большевика, человѣкъ, который, говоря словами Достоевскаго, не знаешь: въ монастырь ли пойдетъ или деревню сожжетъ.

Свидѣтели удостовѣряли, что Распутинъ у себя на родинѣ, послѣ разгула, скрывался въ лѣсахъ и предавался молитвѣ и покаянію; паломничалъ къ святымъ мѣстамъ; написалъ свои религіозныя размышленія и неосновательнымъ оказалось предположеніе что эти размышленія были чужія, понадерганныя изъ священныхъ книгъ. Экспертиза это опровергла.

Распутинъ обладалъ громадной способностью къ внушенію, временами былъ подлиннымъ гипнотизеромъ, при этомъ говорилъ совершенно своеобразнымъ картиннымъ языкомъ. Иліодоръ писалъ про него: «Бесѣдуя съ Распутинымъ на религіозныя темы, я иногда чувствовалъ, что самъ становлюсь Распутинцемъ». А. Н. Хвостовъ, бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, утверждалъ, что въ присутствіи Распутина: «чувствовалъ какой-то гнетъ, изъ подъ котораго не могъ вырваться». Жена одного генерала при допросѣ ея Комиссіей, называла Распутина: «старцемъ, прошедшимъ всѣ степени добра», утверждала, что онъ исцѣлилъ ее. Она нѣсколько лѣтъ лежала больная безъ ногъ, тщетно обращалась къ врачамъ въ Россіи и за границей и начала ходить только послѣ того, какъ обратилась къ Распутину. На вопросъ, знала ли она, что Распутинъ пьяница и разгульный человѣкъ — отвѣчала: «Нѣтъ не знала и этому не вѣрю» Когда же Муравьевъ заявилъ ей: «Я Вамъ говорю, что это установленный фактъ», она спокойно отвѣтила: «Для меня не имѣетъ никакого значенія то, что Вы говорите. Я была больна и выздоро-

вѣла; онъ — старецъ». Свидѣтели удовтовѣрили, что Распутинъ весьма благотворно вліялъ на здоровье Наслѣдника.

Примѣчательно, что свидѣтели, говорившіе о Распутинѣ, давали о немъ совершенно противоположныя показанія. Для однихъ — это святой, для другихъ это — чортъ. Распутинъ несмомнѣнно былъ двуличій. Однимъ своимъ ликомъ — ликомъ святого — онъ былъ обращенъ къ Царской Семьѣ. Царь не могъ къ нему не привязаться: религіозность, вѣра въ простой народъ, любовь къ семьѣ — все это фатально толкало Его къ Распутину. Въ Его глазахъ Распутинъ былъ представителемъ мужицкой простой вѣры, представителемъ многомилліоннаго простого народа, любящаго и вѣрующаго Царю и ничего не ищущаго въ противоположность политиканствующей интеллигенціи; Распутинъ былъ, наконецъ, спасителемъ любимаго сына. Развѣ на этой почвѣ не могло и не должно было выросги чрезвычайное довѣріе Царя къ Распутину. Многіе пытались открывать Ему глаза на Распутина и Онъ не могъ не знать того, о чемъ говорила едва не вся Россія. Джунковскій, Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, представлялъ даже по этому поводу особый докладъ, многіе писали письма, но Царь вѣрилъ своему впечатлѣнію и упорствовалъ.

Но будемъ справедливы, вѣдь, если Царь уже вѣрилъ Распутину, то легко ли было Ему повѣрить тѣмъ, въ комъ Онъ долженъ былъ видѣть людей, боявшихся распутинской правды и желавшихъ его столкнуть, чтобы взять въ свои руки вліяніе на Царя.

Изъ всѣхъ показаній свидѣтелей, стоявшихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, видно, что Распутинъ держалъ себя во дворцѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Онъ не былъ тамъ ни пьянъ ни распутенъ. Тамъ онъ говорилъ о Богѣ и о нуждахъ народныхъ. Людямъ, привыкшимъ не только къ придворному этикету, но вообще къ болѣе или менѣе приличному поведенію въ обществѣ, поведеніе Распутина въ Царской Семьѣ казалось вопіющимъ. Распутинъ чуть ли не хлопалъ Царя по плечу, разваливался на диванѣ, говорилъ: «Ну, ты хозяинъ меня не гони, я еще у тебя посижу» и т. под. Но для Царя все это были лишь признаки простоты, безхитростности и правдивости. Такой не обманетъ, онъ весь на лицо, на распашку, что на душѣ, то и на языкѣ; простой, а тѣ остальные такіе сложные, непонимающіе того, что понимаетъ онъ; онъ знаетъ, что нужно народу, а они не знаютъ, а нѣкоторые и не хотятъ знать. И чѣмъ больше они не любятъ этого мужика, чѣмъ больше стараются очернить его, столкнуть, устра-

нить — тѣмъ больше Царь вѣритъ ему, тѣмъ крѣпче держится за него. Также смотрѣла и Царица.

Нѣтъ, ни Царь ни Царица не знали о пьянствѣ и разгулѣ Распутина. Сами Они этой стороны не видѣли, а говорившимъ не вѣрили. Да и говорившіе не всегда говорили правду и не останавливались даже передъ подлогами.

Такъ напримѣръ среди разнаго рода бумагъ, отобранныхъ при обыскѣ, была найдена фотографія, на которой, въ обстановкѣ оконченнаго обѣда или ужина — столъ съ остатками ѣды, недопитыми стаканами, — изображены Распутинъ и какой-то священникъ съ какими-то смѣющимися женщинами. Сзади ихъ балалаешники. Впечатлѣніе кутежа въ отдѣльномъ кабинетѣ.

При ближайшемъ изслѣдованіи этой фотографіи, было обнаружено, что на ней вытравлены двѣ мужскія фигуры: одна между Распутинымъ и стоящей рядомъ съ нимъ сестрой милосердія, а другая — между священникомъ и стоящей рядомъ съ нимъ дамою. Въ дальнѣйшемъ оказалось, что фотографія была снята въ лазаретѣ имени Государыни послѣ завтрака по поводу открытія. Кажется полковникъ Л. и еще другой господинъ взяли подъ руки — одинъ Распутина и сестру милосердія, а другой — священника и одну даму, привели ихъ въ столовую, старались ихъ разсмѣшить и въ такомъ видѣ ихъ сфотографировалъ заранѣе приглашенный фотографъ. Затѣмъ инициаторы вытравили свои изображенія и предполагали представить фотографію Государынѣ въ доказательство безпутнаго поведенія Распутина. Нужно ли было прибѣгать къ такому сложному способу, если бы Царица знала эту сторону поведенія Распутина.

Тутъ мы подходимъ къ самому больному мѣсту въ жизни Царской Семьи, къ гнусной легендѣ, которой готовы были повѣрить даже тѣ, отъ кого этого никакъ нельзя было ожидать, къ той позорной клеветѣ, которая заставляла, какъ показали свидѣтели, несчастную Царицу плакать цѣлыя ночи горькими, безсильными слезами. Право стыдно приводить доказательства въ опроверженіе этой нелѣпости. Отмѣчу только, что, по отзыву свидѣтелей всѣ росказни о неприличномъ поведеніи Распутина въ спальнѣ Великихъ Княженъ — слошная ложь; онъ никогда тамъ и не бывалъ.

Подобная же гнусная клевета, связанная съ именемъ Распутина, распространялась и про другихъ лицъ. Одну дѣвушку, имени которой я не назову, позорили безмѣрно. Даже вывели ее въ какомъ-то отвратительномъ спектаклѣ-обозрѣніи, называвшемся, кажется, — Распутиніада». И вотъ всѣ письма этой дѣвушки къ Распутину

были разсмотрѣны Комиссіей и совершенно вѣрно оцѣнилъ ихъ слѣдователь, сказавъ: «Если бы у меня была дочь, и писала такія письма къ Распутину, я ею бы гордился, настолько эти письма глубоки и чисты».

А трогательная икона, положенная на гробъ Распутина Царской Семьей, неужели это совмѣстимо съ тою грязью, которою ихъ хотѣли забросать!

Кто же создалъ эту легенду? Враги Царя, враги Распутина, друзья Распутина и самъ Распутинъ. Этотъ богобоязненный во дворцѣ, распущенный внѣ дворца мужикъ, напиваясь пьянъ, пускался нерѣдко въ самое неудержимое хвастовство: «я папашѣ сказалъ то-то», «это мнѣ Сашка вышивала», такъ и сыпалось изъ его устъ. Былъ установленъ такой случай: «хошь я тебѣ Ольгу вызову» говоритъ Распутинъ своему провинціальному гостю и вызываетъ по телефону какую-то женщину, выдавая ее за Великую Княжну Ольгу.

Вотъ откуда могли идти эти слухи, тѣмъ болѣе, что внѣ дворца всѣ видѣли разгулъ Распутина и, конечно, воображали его такимъ же и въ Царскомъ дворцѣ, гдѣ сами не бывали. Достаточно вспомнить (это было еще въ 1905 году и было своевременно сообщено Министру Юстиціи прокуроромъ Московской Судебной Палаты), какъ Распутинъ посѣщалъ съ какими-то дамами Московскія бани и демонстрировалъ свое искусство бороться съ плотью. Что же эти, съ позволенія сказать, «дамы» должны были думать и говорить о Гришкѣ, попавшемъ въ такой почетъ у Царя и Царицы.

Кстати отмѣчу, что книга Иліодора «Святой Чортъ» была провѣрена Комиссіей документально и оказалась наполненной вымысломъ; множество телеграммъ, которыя приводитъ въ ней Иліодоръ, никогда въ дѣйствительности посылаемыми не были. Провѣрка производилась по номерамъ телеграммъ, а кромѣ того комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи не только телеграфныя ленты, но даже подлинники всѣхъ посланныхъ телеграммъ.

III

Въ чемъ же обвиняли Царя и Царицу? Обвинять Царя въ какомъ либо преступленіи не рѣшались даже Муравьевъ и Соколовъ. Они и, такъ называемое общественное мнѣніе, ставили Царю въ вину, конечно, не юридическую, личные Его недостатки — отношеніе къ Распутину и главнымъ образомъ то, что онъ былъ, по ихъ мнѣнію,

плохой правитель, не умѣлъ управлять страною и понять дѣйствительныя нужды народа. Разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ въ мою задачу и я только скажу, допустимъ даже, что Царь плохо управлялъ страною и довелъ ее до революціи; ну, а они, пришедшіе Ему на смѣну, управляли лучше, знали истинныя нужды народа, и къ чему привели государство?

Винили Государя за Его отношенія къ Государственной Думѣ, какъ представительницѣ народа. Однако извѣстно, что Государь бралъ Министровъ и изъ членовъ Государственной Думы. Назначеніе Протопопова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ было внушено Ему именно какъ актъ довѣрія къ Думѣ. Распутинъ сказалъ «Надо и Думу уважить» и Протопоповъ былъ назначенъ. Да и кто виноватъ въ заблужденіи Царя — онъ ли однажды назначившій ранѣе неизвѣстнаго Ему близко Протопопова или Государственная Дума хорошо знавшая Протопопова, работавшая съ нимъ изо дня въ день и, несмотря на это, дважды почтившая Протопопова избраніемъ въ товарищи предсѣдателя? Нельзя скрыть, что Государь часто въ своихъ письмахъ проявлялъ скептическое отношеніе къ Думскимъ дѣятелямъ. «Г. г. Родзянкамъ и ихъ присным», какъ часто Онъ ихъ называетъ, Онъ не вѣритъ. Не вѣритъ, что они дѣйствительно представляютъ интересы народа. Ему кажется, что это политиканы, борящіеся за власть, за свои личные интересы, не думающіе о народѣ и его не знающіе. Они предъявляютъ какія-то требованія, непонятныя народу, тому подлинному народу, который такъ понятенъ и близокъ Ему, Царю. Безконечныя рѣчи, случайныя голосованія, партійныя демонстраціи — все это кажется Ему такимъ не отвѣчающимъ духу русскаго народа.

Тѣмъ же недовѣріемъ къ политиканствующей интеллигенціи и вѣрою въ преданность народа можно объяснить, почему Государь, не смотря на прямое и справедливое предупрежденіе Родзянки, сталъ во время войны во главѣ войскъ. Родзянко написалъ Государю письмо (составляли его кажется нѣсколько лицъ), въ которомъ «умолялъ Царя не брать на Себя Верховнаго командованія». Въ случаѣ военныхъ неудачъ» писалъ Родзянко «возможныхъ во всякой войнѣ, не будетъ отвѣтственнаго военачальника, котораго могли бы покарать Вы, Государь и вся отвѣтственность падетъ на Васъ; карающая рука народа всею тяжестью опустится на Васъ, а это не только грозитъ неминуемой опасностью Вашему трону, но и всей династіи». Не могъ повѣрить Царь этимъ словамъ; не могъ Онъ сомнѣваться, при Его вѣрѣ въ преданность народа, что не вско-

лыхнется патріотизмъ народный, когда войсками водительствовать будетъ самъ Царь.

Царицу вполнѣ опредѣленно обвиняло общественное мнѣніе въ самомъ тяжкомъ преступленіи — государственной измѣнѣ. Изъ устъ въ уста передавали, что въ Царскосельскомъ дворцѣ имѣется прямой проводъ съ Берлиномъ и что Государыня, получая свѣдѣнія о предстоящихъ передвиженіяхъ нашихъ войскъ, сообщаетъ объ этомъ заблаговременно Вильгельму; что у нея существуетъ даже карта, на которой она флажками отмѣчаетъ военные планы нашего верховнаго командованія. Къ такимъ «вѣскимъ» уликамъ добавляли, что Она заплакала при видѣ тяжко раненныхъ военноплѣнныхъ нѣмцевъ, была съ ними очень ласкова, проявляла усиленныя заботы объ улучшеніи положенія военноплѣнныхъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ, и, наконецъ, что по Ея почину, воспрещено было обыскивать при выѣздѣ за-границу германскихъ сестеръ милосердія, пріѣзжавшихъ въ Россію для осмотра лагерей военоплѣнныхъ.

Что же дало слѣдствіе? Осмотромъ Царскосельскаго дворца никакого прямого провода съ Берлиномъ и слѣдовъ не обнаружено и никто изъ проживавшихъ тамъ ничего о проводѣ не слыхалъ. Карта дѣйствительно существовала, но на ней, какъ оказалось, были отмѣчены тѣ города, гдѣ открывались лазареты Имени Государыни. При видѣ тяжело раненныхъ нѣмцевъ у Государыни дѣйствительно бывали слезы на глазахъ и Она съ плѣнными говорила очень ласково, но такія же слезы видѣли у Нея и при посѣщеніи русскихъ раненныхъ воиновъ и съ ними Она была столь же привѣтлива. Это подтверждается и многочисленными письмами солдатъ къ Царицѣ. Что касается заботъ о военноплѣнныхъ, то была найдена лишь записка неизвѣстнаго автора, написанная по русски, съ указаніемъ на невозможныя условія содержанія военноплѣнныхъ нѣмцевъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ. Эта записка дѣйствительно была передана Государыней Военному Министру съ просьбой принять надлежащія мѣры, если сообщенное въ запискѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Къ вопросу о запрещеніи обыскивать сестеръ милосердія Государыня никакого отношенія не имѣла; мѣра эта, какъ выяснилось, была слѣдствіемъ взаимнаго соглашенія Россійскаго и Германскаго Красныхъ Крестовъ и отнюдь не касалась осмотра вещей, а лишь личнаго обыска, который первое время производился обѣими сторонами въ тягостной формѣ, чуть ли не раздѣванія до гола.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтелями было установлено, что Царица не только не питала симпатіи къ Императору Вильгельму, но явно

тяготилась всегда его обществомъ. Особенно Ее раздражало въ немъ то, что, неудачно остря, онъ всегда смѣялся своей остротѣ первый, и вообще онъ Ей казался человѣкомъ крайне грубымъ. Къ Германскимъ родственникамъ и знакомымъ своимъ Она, естественно, не могла относиться безразлично и не интересоваться ихъ судьбой. Такъ, когда въ Балтійскомъ морѣ потерпѣло аварію Германское военное судно «Магдебургъ», то въ числѣ плѣнныхъ оказался раненный офицеръ, который на вопросъ, какъ его зовутъ, отвѣтилъ: «Габе нихтъ». И вотъ среди просмотрѣнныхъ въ Комиссіи телеграммъ была обнаружена телеграмма Государыни, адресованная Шведской принцессѣ: «Сегодня посѣтила Габе-нихта, передайте, что онъ чувствуетъ себя хорошо».

Никакихъ другихъ «уликъ» противъ Государыни добыто слѣдствіемъ не было, и какъ все это было далеко отъ государственной измѣны! Всѣ помнили только нѣмецкое происхожденіе Государыни, но упускали изъ виду Ея англійское воспитаніе, Ея долгое пребываніе у Англійской королевы-бабушки — и ихъ взаимную любовь, а главное игнорировали Ея безграничную любовь къ сыну, котораго, естественно, Она желала видѣть Монархомъ великой и сильной державы; вредить Россіи значило бы въ ея глазахъ, вредить Царю, себѣ и своему сыну.

IV.

Окружавшіе Царя и Царицу люди дѣлились на три группы: вѣрившіе въ Распутина, невѣрившіе, но имъ пользовавшіеся, и невѣрившіе и съ нимъ боровшіеся. Эти группы боролись другъ съ другомъ, но не отличались внутренней солидарностью.

Не стану говорить обо всѣхъ этихъ лицахъ, такъ какъ это не входитъ въ мою задачу. Упомяну только о болѣе типичныхъ и замѣтныхъ.

Общественное мнѣніе удѣляло очень много вниманія Вырубовой и ее склонны были обвинять въ самыхъ невѣроятныхъ злодѣяніяхъ. Но надо было видѣть эту женщину, поговорить съ нею, знать съ какимъ христіанскимъ смиреніемъ она переносила въ Петропавловской крѣпости невѣроятныя издѣвательства гарнизонныхъ солдатъ, чтобы совершенно потерять довѣріе ко всему, что о ней разсказывали. Религіозная, религіозно-восторженная Вырубова была орудіемъ въ рукахъ Распутина. Ей внушили, что она обладаетъ выдающимся

государственнымъ умомъ и она наивно давала Государынѣ навязанные ей самой совѣты, считая ихъ плодомъ собственной мысли.

Распутинъ изъ особыхъ источниковъ получалъ на свое содержаніе, кажется двѣнадцать тысячъ въ годъ. Комиссіей не установлено, чтобы онъ за свое содѣйствіе въ дѣлахъ бралъ деньги, но имѣлись указанія, что окружавшіе Распутина брали за его записочки. «Милай, дорогой, сдѣлай ты этому человѣку то-то», писалъ Распутинъ Министрамъ и другимъ вліятельнымъ лицамъ, но къ чести многихъ изъ нихъ, надо сказать записки эти очень часто не имѣли никакого успѣха. Распутина угощали, поили, возили по кафе-шантанамъ; возможно, что и онъ и окружавшіе его обдѣлывали разныя матерьяльныя дѣлишки; недаромъ, когда Распутинъ бывалъ внѣ дворца и внѣ общества лицъ, вѣрившихъ въ его «старчество», онъ много говорилъ о концессіяхъ, акціяхъ, облигаціяхъ и тому подобныхъ предметахъ. Но вѣдь какова бы ни была власть, всегда дѣльцы стремятся такъ или иначе пристроиться къ ней, чтобы извлекать свою пользу и устраивать свои дѣла.

Типичнымъ дѣльцомъ этого рода являлся князь М. М. Андронниковъ. Любопытна была его квартира. Дѣловой кабинетъ, полный аккуратно разставленныхъ дѣлъ по различнымъ вѣдомствамъ; князь нигдѣ не служитъ, онъ не адвокатъ, но онъ какъ-то и гдѣ-то производитъ какія-то дѣла, имѣетъ большія связи. Далѣе будуаръ, почти какъ у свѣтской женщины, и, наконецъ, за ширмой у постели чуть ли не моленная: аналой, евангеліе, на евангеліи — сочиненіе князя «Размышленія передъ исповѣдью», а внутри этого благочестиваго произведенія случайно забытая порнографическая фотографія. Многосторонность князя была изумительна: то онъ издаетъ или пытается издавать въ Петроградѣ какую-то газету, то въ Туркестанѣ подноситъ какому-то вліятельному лицу икону — масса способовъ завязать связи, пріобрѣсти знакомства и вліяніе. Слѣдователя, допрашивавшаго его, князь называлъ «своею совѣстью», «Вы, Ваше Превосходительство, моя совѣсть. Ничего укрыть отъ Васъ не могу, Вы все знаете. Позвольте Ваше имя въ поминаніе запишу».

Интересный діалогъ произошелъ между слѣдователемъ и кн. Андронниковымъ по поводу изданія имъ газеты. «Что это Вы, князь, вздумали газету издавать?» «Идеи желалъ проводить Ваше Превосходительство». «Побойтесь Бога, князь, какія же у насъ съ вами идеи? вотъ ужъ на какую сумму идей то мы съ Вами насчитали». «Вы моя совѣсть, Ваше Превосходительство, вѣрно — дѣла проводить пред-

полагалъ». Слѣдователь записываетъ. «Только запишите, Ваше Превосходительство, что дѣла чистыя».

Съ дворцовымъ комендантомъ Воейковымъ, Андронниковъ завязываетъ знакомство такъ. Онъ пишетъ: «Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я узналъ о назначеніи Вашемъ на отвѣтственный постъ дворцоваго коменданта. Наконецъ-то на этотъ постъ назначено лицо, которое и т. д. Принося Вамъ искреннія поздравленія и пожеланія, прошу Васъ не отказать назначить мнѣ время, когда я могъ бы поговорить съ Вами по весьма важнымъ вопросамъ».

Въ отвѣтъ на это Андронниковъ получаетъ коротенькую записку отъ секретаря Воейкова: «Дворцовый Комендантъ приказалъ мнѣ благодарить Ваше Сіятельство за принесенныя поздравленія и выраженныя пожеланія и увѣдомить Васъ, что, будучи обремененъ работой по службѣ, онъ лишенъ возможности принять Васъ лично».

Андронниковъ не смущается и пишетъ негодующее письмо: «Милостивый Государь, я никакъ не ожидалъ, что на вырвавшееся отъ души привѣтствіе я получу отвѣтъ не отъ Васъ, а отъ Вашего секретаря. Имѣйте въ виду, что я человѣкъ вполнѣ независимый, ничего для себя не ищу и, если я просилъ принять меня, то исключительно по весьма важнымъ государственнымъ вопросамъ. Бесѣдами и перепиской со мною не брезгали даже лица, принадлежащія къ царствующимъ домамъ. Надѣюсь, что Вы все-же назначите мнѣ время и т. д.».

Послѣ этого между Андронниковымъ и Воейковымъ возникаетъ довольно оживленная переписка. Андронниковъ, конечно, не имѣетъ вліянія. Онъ просто сплетникъ съ хорошимъ чутьемъ. Передъ назначеніемъ на постъ Военнаго Министра генерала Шуваева, Андронниковъ пишетъ Воейкову: «Единственный, по моему, подходящій кандидатъ на постъ Военнаго Министра — генералъ Шуваевъ. Это честный солдатъ». Шуваевъ назначенъ и затѣмъ, когда положеніе его становится непрочнымъ, Андронниковъ пишетъ, между прочими сплетнями: «Кстати о Военномъ Министрѣ. Онъ очень напоминаетъ Епископа (имя пропускаю) и единственная, кажется, его заслуга въ томъ, что служащіе Военнаго Министерства перестали выписывать юмористическіе журналы: они теперь умираютъ со смѣху, читая резолюціи Шуваева».

Всѣ эти Андронниковы, Бадмаевы, Манасевичи и имъ подобные — все это мелкіе дѣльцы, изобилующіе при всякомъ государственномъ строѣ; они устраиваютъ свои дѣлишки, бѣгаютъ другъ къ другу, шепчутся, ссорятся, интригуютъ и больше ничего. Съ ихъ

дѣлами знакомится иногда прокуроръ, какъ это было еще до революціи съ Манасевичемъ. Комиссія же привлечь ихъ къ отвѣтственности за какое либо преступленіе не нашла основаній.

Болѣе замѣтные люди при дворѣ — графъ Фредериксъ и Воейковъ. Уличить ихъ въ чемъ либо преступномъ стало одной изъ первѣйшихъ задачъ Муравьева и Соколова, послѣ того какъ обнаружилось ничтожество Андронникова и Ко. Тщательные поиски привели, наконецъ, къ успѣху и «преступленіе» было найдено. У графа Фредерикса были поваръ и, кажется, два лакея, къ которымъ онъ очень привыкъ. Они подлежали мобилизаціи, но по просьбѣ графа Воейковъ зачислилъ ихъ въ штатъ дворцовой полиціи и оставилъ въ услуженіи. Согласно разъясненію Сената, фиктивное зачисленіе на должность, освобождающую отъ призыва, составляетъ служебный подлогъ. Это обвиненіе и было предъявлено графу Фредериксу, Воейкову и другимъ, которые такъ или иначе были прикосновенны къ освобожденію означенныхъ лицъ. Муравьевъ и Соколовъ очень торжествовали, что наконецъ обнаружено преступленіе сановниковъ стараго режима, и нимало не смущались, что оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, чего они ожидали. Имъ важна была месть всѣмъ старорежимнымъ, а соусъ, подъ какимъ они поднесутъ эту месть революціонной демократіи, мало ихъ занималъ съ тѣхъ поръ какъ они убѣдились, что государственныхъ преступленій они найти не могутъ, ибо ихъ не было.

V.

Наконецъ, Правительство. Противъ многихъ членовъ Правительства выдвигалось то же обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Въ основу этого обвиненія была положена извѣстная рѣчь Милюкова въ Государственной Думѣ, каждое утвержденіе которой сопровождалось вопросомъ: «глупость ли это или измѣна?».

Всѣ факты, указанные въ этой рѣчи, были провѣрены Комиссіей слѣдственнымъ путемъ, не нашли себѣ никакого подтвержденія и оказались основанными лишь на слухахъ, неизвѣстно отъ кого исходившихъ, что долженъ былъ признать на допросѣ и самъ Милюковъ. Что же это: глупость или измѣна?

Много говорилось объ умышленной неподготовленности къ войнѣ, объ отсутствіи снаряженія и вооруженія. Всѣмъ однако извѣстно, что этой неподготовленностью страдали не только мы, но въ той же мѣрѣ и наши союзники и, что она являлась результатомъ непра-

вильныхъ разсчетовъ спеціалистовъ относительно возможной продолжительности войны. Мало того, Комиссіей было установлено, на основаніи самыхъ точныхъ цыфровыхъ данныхъ, что, когда обнаружилась затяжка войны, правительство дало несравненно болѣе снаряженія и вооруженія и съ значительно меньшими затратами, нежели военно-промышленные комитеты и другія общественныя организаціи, платившія бѣшенныя по тѣмъ временамъ вознагражденія своимъ служащимъ и рабочимъ.

Не сомнѣваясь въ искренности патріотическаго порыва многихъ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей, надо однако твердо помнить, что правительство дало несравненно больше чѣмъ общественныя организаціи, а потому предположеніе объ умышленномъ оставленіи арміи безъ снарядовъ — явно нелѣпо.

Равнымъ образомъ не дало никакихъ указаній на государственную измѣну и разслѣдованіе о заграничной поѣздкѣ Протопопова, дѣятельности въ этомъ направленіи Манасевича-Мануйлова и т. п. Если бы въ этомъ отношеніи было обнаружено хоть что либо похожее на улику, то, зная рвеніе Керенскаго, Муравьева и Соколова, можно съ достовѣрностью утверждать, что они привлекли бы въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ и Штюрмера, и Протопопова, и многихъ другихъ, а между тѣмъ этого не было и Комиссіи приходилось выискивать суррогаты обвиненія.

Напримѣръ, въ отношеніи Штюрмера, не смотря на тщательную погоню за уликами, только и было обнаружено, что онъ просилъ о назначеніи къ себѣ въ товарищи лица, по прежней своей дѣятельности считавшагося нѣкоторыми германофиломъ, но въ этомъ назначеніи Государь Штюрмеру отказалъ.

И такъ никакой государственной измѣны не было, что должны были признать и революціонные дѣятели Комиссіи. Каковы же были изобрѣтенные ими суррогаты? Вь отношеніи Штюрмера одно время обвиненіе чуть не приняло юмористическаго оттѣнка. Штюрмеръ былъ человѣкъ совсѣмъ не крупный и трусливый; онъ, по удостовѣренію свидѣтелей, больше всего интересовался, какъ провелъ день Распутинъ и любилъ читать перлюстрованныя письма. Во время его управленія Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ возникла мысль, осуществленная впослѣдствіи большевиками, — взять всѣ газеты и кинематографы въ руки правительства, — но тогда это предполагалось сдѣлать въ болѣе деликатной формѣ — а именно путемъ скупки газетъ и кинематографовъ. Хотя это неосуществленное предположеніе и остановило на себѣ вниманіе

Муравьева, но онъ не рѣшился доказывать, что подобное предположеніе преступно. Обвинять, съ точки зрѣнія Муравьева, все же было необходимо. И вотъ къ этому времени получены были свѣденія, что на квартирѣ у Штюрмера обнаружены: картина изъ зданія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, посуда съ царскимъ гербомъ и какая-то мебель изъ губернаторскаго дома того города, гдѣ Штюрмеръ былъ губернаторомъ, — и чуть не возникла соблазнительная мысль обвинить Штюрмера въ кражѣ. Предположеніе это пришлось, однако отбросить. Зато выручило комиссію указанное выше пристрастіе Штюрмера къ чтенію перлюстрованныхъ писемъ.

Перлюстрація частныхъ писемъ была установлена секретнымъ указомъ Императрицы Екатерины II. Цѣлью перлюстраціи было, какъ говорилось въ указѣ, ознакомленіе съ истинными нуждами населенія, которое въ частныхъ письмахъ не стѣсняется говорить правду. Перлюстрація производилась въ строжайшей тайнѣ и продолжалась по инерціи до самаго переворота; производили ее особые чиновники при отдѣленіи иностранной цензуры и о существованіи ея мало кто зналъ точно и только догадывались. Наиболѣе интересныя письма копировались или изъ нихъ дѣлались выписки. Самыя письма отправлялись затѣмъ по назначенію, а копіи и выписки представлялись въ центръ, гдѣ ежегодно составлялся весьма обстоятельный всеподданнѣйшій докладъ о положеніи различныхъ государственныхъ вопросовъ по частнымъ свѣдѣніямъ. Въ распоряженіи Комиссіи имѣлось нѣсколько такихъ докладовъ и надо сознаться, что они составлены были весьма интересно и дѣйствительно касались вопросовъ государственной важности. Перлюстраціи подвергались главнымъ образомъ письма къ высшимъ должностнымъ лицамъ и къ виднымъ общественнымъ дѣятелямъ; политическій сыскъ въ перлюстраціи игралъ совершенно второстепенную роль.

Каждые Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Директоръ Департамента, знавшіе о существованіи перлюстраціи, привлекались Комиссіей по обвиненію въ бездѣйствіи власти за то, что не приняли надлежащихъ мѣръ къ устраненію неправильныхъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ, а всякій, отдававшій тѣ или иныя распоряженія въ связи съ перлюстраціей, — въ превышеніи власти. Такое обвиненіе было предъявлено Б. В. Штюрмеру, А. А. Макарову и многимъ другимъ.

Опытъ массоваго привлеченія очень понравился Муравьеву и его единомышленникамъ, такъ какъ этимъ путемъ легко разрѣшалась поставленная ими задача. Они задумали привлечь въ качествѣ обвиняемыхъ всѣхъ лицъ, когда либо входившихъ въ составъ Совѣта

Министровъ за изданіе во время перерывовъ занятій Государственной Думы постановленій законодательнаго свойства (ст. 87 Основ. Зак.). По этому поводу производилось даже предварительное слѣдствіе и стоило большой борьбы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, чтобы заставить Муравьева отказаться отъ подобной нелѣпости; дѣйствія основанныя на законѣ, въ данномъ случаѣ на ст. 87 Осн. Зак., при самомъ первобытномъ юридическомъ мышленіи не могутъ быть признаны преступными.

По этому поводу очень любопытенъ былъ допросъ въ качествѣ свидѣтеля И. Л. Горемыкина. Муравьевъ вмѣсто того, чтобы задавать ему вопросы, разразился громовой обвинительной рѣчью. Горемыкинъ не безъ ехидства прервалъ его вопросомъ: «Вы это меня обвиняете или допрашиваете?». Когда же Муравьевъ нѣсколько разъ съ пафосомъ воскликнулъ: — «На какомъ основаніи Вы провели такіе-то и такіе-то законы по 87 ст.?», то Горемыкинъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ потребовалъ огласить текстъ этой статьи и отвѣтилъ: «На точномъ основаніи этой статьи».

Вообще надо отмѣтить, что большинство представителей старой власти на допросахъ держали себя съ большимъ достоинствомъ и часто своими остроумными отвѣтами ставили Муравьева въ весьма смѣшное положеніе.

Такъ напримѣръ, бывшій Министръ Юстиціи А. А. Хвостовъ, говоря о подготовкѣ къ выборамъ въ пятую Государственную Думу, между прочимъ сказалъ, что его тяготило это дѣло, такъ какъ при выборахъ всегда приходится прибѣгать къ тѣмъ или инымъ мѣрамъ, которыя ему какъ частному лицу претятъ. Тогда Муравьевъ спросилъ: «Извѣстно ли Вамъ, что послѣдніе выборы въ Германіи прошли безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства и увеличили значительно число соціалъ-демократическихъ депутатовъ?». На это Хвостовъ съ улыбкой отвѣтилъ: «Вамъ, конечно, лучше извѣстно, что было въ Германіи; давать же побѣду соціалъ-демократіи не входило въ мои разсчеты, да врядъ-ли это и полезно для государства». Въ этомъ отвѣтѣ заключался очень ѣдкій намекъ на связи Муравьева съ нѣмцами, дѣла которыхъ онъ велъ во время войны, что даже вызвало нареканія со стороны нѣкоторыхъ членовъ адвокатскаго сословія. Далѣе, на упрекъ Муравьева въ проведеніи по 87 статьѣ новыхъ штатовъ полиціи, Хвостовъ, пояснивъ причины, вызвавшія необходимость изданія въ спѣшномъ порядкѣ этого постановленія (чины полиціи покидали массами службу и поступали на фабрики и заводы, гдѣ платили тогда бѣшенныя деньги), доба-

вилъ: «видимо я въ то время не зналъ, что этотъ вопросъ можно такъ успѣшно разрѣшить учрежденіемъ милиціи».

Напротивъ того, поведеніе на допросѣ, напримѣръ, Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко произвело тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ Родзянко все время поддѣлывался подъ тонъ Муравьева и выдвигалъ на видъ свою революціонность. Почти съ хвастовствомъ онъ разсказывалъ, какъ онъ не подалъ во дворцѣ руки Протопопову и т. под. и все время старался смѣшить Муравьева своими юмористическими отзывами о дѣятеляхъ стараго режима.

Возвращаюсь къ обвиненіямъ противъ правительства. Большія надежды возлагались Комиссіей на, такъ называемые, Протопоповскіе пулеметы, еврейскіе погромы, дѣло Бейлиса и дѣло о разстрѣлѣ рабочихъ на Ленскихъ пріискахъ.

«Протопоповскіе пулеметы» — это ходячее утвержденіе, будто въ первые дни революціи народъ разстрѣливали изъ пулеметовъ, поставленныхъ заранѣе по распоряженію Протопопова на чердакахъ и крышахъ домовъ и на церковныхъ колокольняхъ. Комиссія настолько интересовалась этимъ дѣломъ, что даже вызвала свидѣтелей чрезъ публикацію въ газетахъ. Слѣдствіемъ выяснена была исторія каждаго найденнаго въ городѣ пулемета, по ихъ номерамъ, и оказалось, что всѣ они были похищены изъ военныхъ складовъ революціонной толпой въ первые дни революціи. Протопоповъ дѣйствительно могъ бы обвиняться по этому дѣлу, но единственно лишь прежнимъ правительствомъ за бездѣйствіе власти имъ проявленное и выразившееся въ непринятіи никакихъ рѣшительно мѣръ къ подавленію начавшихся уличныхъ безпорядковъ. Комиссія же по этому поводу никакого обвиненія ему не предъявила и предъявить не могла.

При разслѣдованіи дѣятельности Протопопова обнаружено было, между прочимъ, что на сообщеніи одного предводителя дворянства о взяточничествѣ полиціи его уѣзда, Протопоповъ положилъ резолюцію: «все это вздоръ». Комиссія ухватилась за этотъ случай и поручила произвести разслѣдованіе, дѣйствительно ли это былъ «вздоръ», но разслѣдованіе повидимому не закончилось до большевистскаго переворота. Далѣе выяснилось, что «агентурныя» свѣдѣнія о «какихъ-то» сношеніяхъ Манасевича-Мануйлова съ «какимъ-то» заграничнымъ журналистомъ Протопоповъ такъ же оставилъ безъ разслѣдованія. Это разслѣдованіе было произведено Комиссіей и вполнѣ точно установлено, что указанныя сношенія Манасевича-Мануйлова ничего преступнаго въ себѣ не заключали.

По поводу обоихъ случаевъ Протопопову было, однако, предъявлено обвиненіе въ бездѣйствіи власти.

Разслѣдованіе отношеній правительства къ еврейскимъ погромамъ было поручено Комиссіей еврею, присяжному повѣренному. Послѣ довольно продолжительной работы присяжный повѣренный явился въ Комиссію и съ грустью заявилъ, что онъ пересмотрѣлъ все, самыя секретныя даже переписки и кромѣ рѣшительныхъ требованій правительства предупреждать всѣми мѣрами погромы и массы секретныхъ циркуляровъ въ томъ же смыслѣ ничего не нашелъ. Онъ представилъ объ этомъ письменный докладъ президіуму.

Въ связи съ этимъ вспоминаю еврейскій погромъ въ Кишиневѣ въ 1903 году. Я былъ въ то время товарищемъ прокурора Кишиневскаго Окружнаго Суда. О ходѣ предварительнаго слѣдствія мы почти ежедневно съ большими подробностями доносили Министру Юстиціи. Когда въ одномъ изъ донесеній была приведена заключительная фраза собственноручно написаннаго показанія одного изъ свидѣтелей гласившая, «евреевъ били при Фараонахъ, бьютъ теперь и будутъ бить всегда», то немедленно же изъ Министерства была прислана шифрованная телеграмма «войдите въ обсужденіе вопроса о томъ, не является ли свидѣтель такой-то подстрекателемъ къ погрому». Вотъ какъ относилось Правительство того времени къ погромамъ!

Въ результатѣ явно нелѣпаго обвиненія правительства въ устройствѣ погромовъ Комиссія привлекла, въ качествѣ обвиняемаго въ превышеніи власти, Вице-Директора Департамента Полиціи Кафафова за то, что онъ подписалъ циркуляръ губернаторамъ слѣдующаго содержанія: «Изъ поступившихъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣній (свѣдѣнія эти дѣйствительно поступили изъ Ставки) видно, что въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ евреи ведутъ усиленную пропаганду противъ правительства, искусственно поднимаютъ цѣны на предметы первой необходимости, скупаютъ мелкія деньги и т. под. Объ изложенномъ сообщается для свѣдѣнія». Даже не юристу понятно, что видѣть въ такомъ циркулярѣ превышеніе власти, когда это было прямое исполненіе обязанности, ни въ какомъ случаѣ нельзя. Признавать же циркуляръ призывомъ къ погромамъ не рѣшился даже Муравьевъ и дѣло о Кафафовѣ, по настоянію моему и Сенатора Смиттена, было прекращено.

Дѣло Бейлиса — о немъ очень много кричали; на него всегда ссылались въ доказательство паденія нравовъ въ судебномъ вѣдомствѣ. И что же это дѣло дало въ смыслѣ обвиненія прежней власти?

Оказалось, что И. Г. Щегловитовъ, по соглашенію съ Н. А. Маклаковымъ, распорядился въ цѣляхъ предупрежденія подкупа присяжныхъ засѣдателей, установить за ними негласное наблюденіе. Въ исполненіе сего, во время засѣданій суда, присяжнымъ засѣдаселямъ въ ихъ совѣщательной комнатѣ прислуживали не курьеры суда, а переодѣтые въ форму курьеровъ два жандармскихъ унтеръ-офицера. Кромѣ того, когда гражданскому истцу Замысловскому понадобилась какая-то старинная книга, то онъ обратился съ просьбою оказать ему содѣйствіе къ отысканію этой книги. Черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ книга была отыскана у заграничныхъ букинистовъ и на это истрачено казенныхъ денегъ рублей пятьдесятъ. Наконецъ, эксперту профессору Косоротову была уплочена Министерствомъ незначительная сумма въ возмѣщеніе его расходовъ по поѣздкѣ въ Кіевъ. Во всѣхъ перечисленныхъ дѣйствіяхъ Комиссія усматривала противозаконное вмѣшательство въ ходъ судебнаго дѣла, т. е. превышеніе власти. Но ни искусственная постановка дѣла, ни подтасовка состава присяжныхъ засѣдателей, о чемъ такъ много тогда говорили, не подтвердились.

Щегловитова, какъ всѣмъ извѣстно, обвиняли въ нарушеніи начала несмѣняемости судей, т. е. въ увольненіи и перемѣщеніи ихъ безъ суда и безъ ихъ согласія. Слѣдствіе выяснило однако, что ни одного такого случая за все время состоянія Щегловитова въ должности Министра Юстиціи не было. Вообще же нарушеніе начала несмѣняемости судей за послѣднее время имѣло мѣсто только одинъ разъ и то при Министрѣ Юстиціи Акимовѣ. Это увольненіе по Высочайшему повелѣнію предсѣдателя Томскаго Окружнаго Суда Витте за его политическую дѣятельность.

Въ виду этого Муравьевъ пытался поставить въ вину Щегловитову, какъ нарушеніе несмѣняемости, назначеніе одного изъ предсѣдателей Департамента Палаты въ Сенатъ. Этотъ предсѣдатель подалъ прошеніе о назначеніи его Сенаторомъ, а затѣмъ, ссылаясь на болѣзнь жены, лишавшую возможности переѣхать въ Петербургъ, просилъ въ Сенатъ его не назначать. Между тѣмъ, спустя нѣкоторое время жена просителя умерла, произведенная же ревизія обнаружила невѣроятное запущеніе въ дѣлахъ Департамента. Тогда Щегловитовъ, считая дѣйствительнымъ первоначальное прошеніе, представилъ къ Высочайшему подписанію указъ о назначеніи этого предсѣдателя къ присутствованію въ Сенатѣ. Довольно сомнительный случай нарушенія несмѣняемости!

Правда нерѣдко Щегловитовъ взамѣнъ возбужденія дисципли-

нарнаго преслѣдованія за упущенія по службѣ, предлагалъ судьямъ подать прошеніе объ отставкѣ или о переводѣ и тѣ подавали. Въ такихъ случаяхъ весьма споренъ однако самый вопросъ, кто же именно нарушаетъ начало несмѣняемости: тотъ ли, кто предлагаетъ подать въ отставку или тотъ, кто подаетъ въ отставку изъ страха предстоящей дисциплинарной отвѣтственности.

Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что такихъ предложеній особенно много было сдѣлано никѣмъ инымъ, какъ Керенскимъ за его недолгое пребываніе въ должности Министра Юстиціи. Сенаторы, судьи и прокуроры удалялись имъ десятками и замѣнялись адвокатами. Достаточно указать, что изъ четырнадцати прокуроровъ Палатъ на мѣстѣ остались только два.

Затѣмъ Щегловитовъ обвинялся еще въ превышеніи власти, выразившемся въ томъ, что онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о прекращеніи до суда дѣла объ Одесскомъ градоначальникѣ Толмачевѣ. На Толмачева падало подозрѣніе, что съ его вѣдома былъ убитъ при переводѣ изъ одного полицейскаго участка въ другой уголовный преступникъ — извѣстный разбойникъ. Согласно Основнымъ Законамъ, Государю Императору принадлежитъ право помилованія осужденныхъ и общее прощеніе. Отсюда дѣлается выводъ, что прекращать дѣло до суда Государь не могъ и что слѣдовательно Министръ, представляя о прекращеніи дѣла, совершаетъ при безотвѣтственности Царя, превышеніе власти. Вопросъ юридически крайне спорный.

Другихъ обвиненій Щегловитову предъявить не могли за отсутствіемъ какихъ либо данныхъ. Между тѣмъ въ отношеніи Щегловитова было проявлено особое рвеніе въ смыслѣ отысканія изобличающихъ его уликъ и для этого, по распоряженію Муравьева, было даже разослано повсюду воззваніе о сообщеніи свѣдѣній, указывающихъ на преступное вмѣшательство Щегловитова въ дѣло суда. Въ отвѣтъ на это воззваніе, сколько помнится, поступило одно только «донесеніе» какого-то провинціальнаго мироваго судьи съ жалобой на то, что Щегловитовъ вычеркнулъ его изъ списка лицъ, представленныхъ къ награжденію орденомъ.

Ленское дѣло — дѣйствительно преступный разстрѣлъ рабочихъ: но именно при старомъ правительствѣ было поручено разслѣдованіе этого дѣла Сенатору Манухину, при старомъ же правительствѣ былъ преданъ суду ротмистръ Терещенковъ, распорядившійся стрѣлять въ толпу преждевременно изъ трусости или по какимъ

либо другимъ побужденiямъ. Усиленные поиски Комиссiи не дали по этому дѣлу никакихъ новыхъ данныхъ.

Попутно съ приведенными обвиненiями возникли и другiя, большею частью мелкiя. Такъ Военный Министръ Бѣляевъ обвинялся, напримѣръ, въ томъ, что по просьбѣ Императрицы опредѣлилъ на службу въ тылу призваннаго по мобилизацiи сына Распутина, а также содѣйствовалъ своему парикмахеру освободиться отъ призыва.

Самое большое вниманiе революцiонеровъ привлекалъ, конечно, Департаментъ Полицiи. Система секретныхъ сотрудниковъ, входившихъ въ составъ преступныхъ организацiй и продававшихъ своихъ друзей и товарищей, устройство побѣговъ «заагентуренному» (т. е. принятому въ число агентовъ) политическому преступнику и тому подобные факты дали возможность привлечь очень много лицъ за превышенiе власти.

Тутъ сказалось лицемѣрiе Муравьева и его единомышленниковъ. Они исходили изъ такихъ соображенiй: разъ на обязанности Департамента Полицiи лежала борьба съ революцiонными организацiями, то онъ не имѣлъ права оставлять безнаказанными и способствовать побѣгу лицъ завѣдомо состоявшихъ въ преступныхъ сообществахъ.

Получался курьезъ — обвиняли прежнюю власть въ недостаточности и нецѣлесообразности прiемовъ борьбы съ революцiонерами Но это соображенiе Муравьева не смущало — лишь бы обвиненiе было предъявлено и тѣмъ достигнута основная цѣль.

Дѣятельность Департамента Полицiи въ нѣкоторые перiоды его существованiя дѣйствительно носила вредный, а иногда и преступный характеръ. Остановлюсь на одномъ тяжкомъ грѣхѣ, покрытомъ давностью. Онъ лежитъ на Директорѣ этого Департамента Трусевичѣ. Въ Кiевѣ былъ устроенъ съ вѣдома Департамента побѣгъ политическаго преступника Рысса, обѣщавшаго свое сотрудничество въ охранѣ. Слѣдственная власть, не имѣя свѣдѣнiй о характерѣ этого побѣга и опираясь лишь на внѣшнiе факты, привлекла, въ качествѣ обвиняемыхъ въ умышленномъ упускѣ Рысса, городового и жандармскаго унтеръ-офицера, которые и были затѣмъ присуждены къ каторжнымъ работамъ. Послѣ допроса у слѣдователя объ обстоятельствахъ побѣга Рысса, начальникъ Кiевскаго охраннаго отдѣленiя Кулябко телеграфировалъ Трусевичу: «Далъ слѣдователю правдивое показанiе; подтвердить на судѣ подъ присягою не могу; прошу на время суда уволить въ заграничный отпускъ». На судѣ Кулябко не былъ, онъ числился въ отпуску. Послѣ же осужденiя

городового и жандарма, Кулябко вновь телеграфировалъ Трусевичу: «Вашему Превосходительству достаточно извѣстны обстоятельства побѣга Рысса. Осуждены невиновные. Прошу ходатайствовать объ ихъ помилованiи». Директоръ Департамента спокойно отвѣчаетъ: «Случай съ Рыссомъ вполнѣ законструированъ: возбуждать вопросъ о помилованiи считаю излишнимъ».

Другой случай менѣе ужасный. При томъ же Директорѣ одинъ изъ бывшихъ секретныхъ сотрудниковъ, совершившiй рядъ политическихъ убiйствъ, разыскивался слѣдственной властью. На запросъ о мѣстѣ пребыванiя обвиняемаго Департаментъ Полицiи отозвался невѣдѣнiемъ, но на слѣдующей же страницѣ дѣла оказалось прошенiе этого лица о выдачѣ пособiя и резолюцiя на немъ Директора: «Оставить безъ послѣдствiй и предварить, что, если онъ будетъ надоѣдать постоянными просьбами о пособiи, то о мѣстѣ его пребыванiя будетъ сообщено судебной власти».

Къ счастью, однако, такихъ дѣлъ было не много. Нѣкоторые же начальники полицiи, какъ напримѣръ генералъ Джунковскiй, самымъ рѣшительнымъ образомъ боролись съ злоупотребленiями сыска. Какъ извѣстно, Джунковскiй сообщилъ предсѣдателю Государственной Думы, что членъ Думы Малиновскiй — агентъ охраны, послѣ чего Малиновскiй скрылся за границу. (дѣло о Малиновскомъ Комиссiей было опубликовано).

Малиновскiй былъ ближайшiй сотрудникъ Ленина и замѣчательно, что отъ Ленина онъ получалъ директивы относительно тактики въ Думѣ, вполнѣ совпадавшiя съ указанiями Департамента Полицiи. Вообще разсмотрѣнiе дѣлъ Департамента приводитъ къ убѣжденiю, что большевики, можно сказать, были любимымъ дѣтищемъ этого учрежденiя. Особенно возился съ ними поэтъ политическаго сыска Бѣлецкiй. Поддерживая представителей крайнихъ ученiй, Бѣлецкiй черезъ своихъ агентовъ-большевиковъ стремился довести эти ученiя до явнаго абсурда и тѣмъ раскалывать революцiонныя партiи. Перечитывая секретныя дѣла, видишь, что наиболѣе рѣзкiя предложенiя, иногда явно нелѣпыя, исходятъ именно отъ секретныхъ сотрудниковъ. Задачей охранной полицiи и ея ошибкой было желанiе во что бы то ни стало все знать и держать все революцiонное движенiе въ рукахъ. Бѣлецкiй съ гордостью говорилъ при его допросѣ: «Революцiонеры думали, что они самостоятельно принимаютъ то или другое рѣшенiе, расходятся на тѣхъ или иныхъ вопросахъ. Нѣтъ, это все дѣлалъ я черезъ своихъ агентовъ».

Поэтому не мудрено, если на одномъ изъ секретнѣйшихъ съѣз-

довъ подъ предсѣдательствомъ Ленина изъ пятнадцати человѣкъ — четырнадцать — были агенты охраны, что было установлено документально. Не мудрено, если въ одномъ лѣлѣ провинціальнаго охраннаго отдѣленія были найдены подрядъ подшитыя донесенія четырехъ агентовъ, изъ которыхъ каждый, донося объ образовавшемся преступномъ сообществѣ, указываетъ на остальныхъ трехъ, какъ на главныхъ руководителей сообщества.

Надо отмѣтить тотъ неоспоримый фактъ, что среди секретныхъ сотрудниковъ охраны почти не было людей, поступившихъ на службу Департамента, а затѣмъ уже внѣдрившихся въ партійныя организаціи. Сотрудники набирались обыкновенно изъ этихъ самыхъ организацій и часто не представлялось возможнымъ рѣшить, кому же служитъ данное лицо, — революціи или охранѣ. Вѣроятно многіе изъ секретныхъ сотрудниковъ и сами не знали этого, такъ какъ служили только своей корысти.

Замѣчательно, что Бѣлецкій пользовался революціонерами какъ сотрудниками охраны, а Ленинъ сотрудниками охраны, какъ активными революціонерами. Особенно показателенъ въ этомъ отношенiи случай съ Малиновскимъ. Послѣ обнаруженія службы Малиновскаго въ охранѣ и бѣгства его заграницу, надъ нимъ былъ назначенъ партійный судъ подъ предсѣдательствомъ Ленина, по обвиненію въ предательствѣ, и Малиновскій былъ оправданъ. Уже послѣ революціи Малиновскій вновь былъ преданъ партійному суду и судъ, опять подъ предсѣдательствомъ того же Ленина вторично оправдалъ Малиновскаго. Этотъ приговоръ Ленинъ счелъ нужнымъ даже опубликовать за границею въ газетахъ. Между тѣмъ, будучи допрошенъ въ Комиссіи въ качествѣ свидѣтеля, Ленинъ совершенно прозрачно намекнулъ, что онъ зналъ о сотрудничествѣ Малиновскаго, но считалъ, что тотъ приноситъ больше пользы революціи чѣмъ охранѣ.

Изъ современныхъ дѣятелей большевизма многіе также были причастны къ Департаменту Полиціи. Такъ служившій въ Кіевскомъ охранномъ отдѣленіи чиновникъ Демидюкъ и жандармскій офицеръ этого отдѣленія, фамиліи котораго я къ сожалѣнію не помню, будучи по требованію Комиссіи одновременно допрошены, одинъ въ Кіевѣ, а другой въ Иркутскѣ, оба показали, что нѣкоторыя свѣдѣнія агентурнаго характера доставлялъ, какъ имъ говорили въ охранномъ отдѣленіи, Розенфельдъ-Каменевъ. Самъ Лейба Бронштейнъ-Троцкій и народный комиссаръ просвѣщенія Луначарскій оказались, какъ было установлено осмотромъ соотвѣтствующихъ книгъ за-

писанными въ алфавитѣ Нижегородскаго охраннаго отдѣленія въ качествѣ секретныхъ сотрудниковъ, которымъ на будущее время не слѣдуетъ давать никакихъ порученій.

Всѣ эти факты невольно наводили Комиссію на путь изслѣдованія дѣятельности большевиковъ, но попытки наши въ этомъ направленіи встрѣчали крайне раздраженное сопротивленіе Муравьева.

Убѣдившись въ безплодности дальнѣйшей борьбы съ Муравьевымъ, я и Сенаторъ Смиттенъ вышли изъ состава Комиссіи, предварительно внеся предложеніе ликвидировать Комиссію и прекратить всѣ возбужденныя ею дѣла по незначительности предъявленныхъ обвиненій. Въ нашемъ предложеніи мы прямо указали, что всѣ обвиненія прежней власти въ тяжкихъ преступленіяхъ, добытыми Комиссіей матерьялами, рѣшительно опровергнуты.

Не знаю, что сталось впослѣдствіи съ цѣннѣйшими дѣлами и документами Комиссіи; слышалъ, что большевики захватили ихъ и что Муравьевъ сдалъ стенографическія записи показаній допрошенныхъ Комиссіей лицъ на храненіе, кажется, въ Историческій Музей въ Москвѣ.

Будущій изслѣдователь долженъ, однако, отнестись къ этимъ стенограммамъ съ особенной осторожностью. Онѣ никѣмъ не подписывались, никому изъ допрошенныхъ предъявляемы не были и редактировались четырьмя литераторами, въ числѣ коихъ былъ и Блокъ, впослѣдствіи пѣвецъ большевизма, написавшій гнусную поэму «Двѣнадцать».

VI.

Подводя итоги сказанному, считаю себя вправѣ утверждать, что революціоннымъ дѣятелямъ эпохи Временнаго Правительства не удалось не только осудить дѣятелей прежней власти, но, не смотря на самое горячее желаніе и энергію, даже и обнаружить хотя бы намеки на тѣ тяжкія преступленія, которыя приписывались ей накъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ и обманутымъ народомъ. Государственной измѣны, которая чуть ли не служила главнымъ оправданіемъ революціи, въ прошломъ не было. Пришедшіе же на смѣну прежней власти — это преступленіе совершили. Разложеніе арміи, сознательное допущеніе Временнымъ Правительствомъ пропаганды Ленина, непринятіе мѣръ противъ образованія въ столицѣ государства отрядовъ красной гвардіи изъ преступныхъ отбросовъ общества — и все это во время войны — несомнѣнные признаки

государственной измѣны, хотя бы и не по прямому умыслу. Если бы у насъ былъ судъ, то для осужденія этихъ дѣятелей не понадобилось бы созданія громоздкой Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи и подбора въ нее лицъ, проникнутыхъ ненавистью къ обвиняемымъ. Безпристрастный, хотя бы даже и начинающій судебный слѣдователь, безъ всякихъ затрудненій закрѣпилъ бы на письмѣ всѣ эти общеизвѣстныя улики.

И такъ революціи не удалось осудить прежнюю власть за тяжкія уголовно-наказуемыя дѣянія; не знаю, осудитъ ли ее исторія за политическую дѣятельность. Если даже она и осудитъ, то я твердо вѣрю, что на свѣтломъ имени благороднаго Царя Страдальца она не оставитъ ни одного пятна отъ той грязи, которой его хотѣли забрызгать «взбунтовавшіеся рабы».

Россія, вмѣстѣ со своимъ Царемъ, пережила величайшую трагедію. Царь не зналъ и не понялъ своего народа, народъ не зналъ и не понялъ своего Царя.

Въ глазахъ Царя народъ — это море обнаженныхъ головъ, согбенныхъ спинъ, заженныя свѣчи, теплящіяся лампады, строгіе лики иконъ, тяжкіе вздохи и тихій шепотъ молитвы: за Вѣру православную, — Его вѣру, за Царя — за Него, Царя, помазанника Божія, единственно отвѣтственнаго за судьбы своего народа, за отечество, столь Ему дорогое, за Русь Святую...

А народъ..........

Но настанетъ день и опять широко осѣнитъ себя Русскій народъ крестнымъ знаменіемъ и не тихо, а громко станетъ онъ молиться за Вѣру, Царя и Отечество.

Вѣрую и исповѣдую.

А. Ф. Романовъ.

Правда о Царской Семьѣ.

Состоя Товарищемъ Прокурора Екатеринославскаго Окружного Суда, 2-го Марта 1917 года ордеромъ Министра Юстиціи Керенскаго я былъ командированъ въ Петроградъ въ Чрезвычайную Слѣдственную Коммиссію по разслѣдованію злоупотребленій бывшихъ Министровъ, Главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Работая въ этой Коммиссіи, я получилъ спеціальное порученіе обслѣдовать источники «безотвѣтственныхъ» вліяній при Дворѣ, причемъ этому отдѣлу Коммиссіи было присвоено наименованіе: «Обслѣдованіе дѣятельности темныхъ силъ». Занятія Коммиссіи продолжались до послѣднихъ чиселъ Августа 1917 года, когда я подалъ рапортъ объ отчисленіи въ виду попытокъ со стороны Предсѣдателя Коммиссіи Муравьева побудить меня къ явно пристрастнымъ дѣйствіямъ. Мнѣ, какъ лицу, командированному съ правами судебнаго слѣдователя, было представлено производство выемокъ, осмотровъ, допросовъ свидѣтелей и т. д. въ цѣляхъ всесторонняго и безпристрастнаго освѣщенія дѣятельности всѣхъ лицъ, относительно которыхъ въ періодической печати и обществѣ составилось понятіе какъ о людяхъ, имѣвшихъ исключительное вліяніе на направленіе внутренней и внѣшней политики.

Мною было разобраны и осмотрѣны архивы Зимняго Дворца, Царскосельскаго и Петергофскаго Дворцовъ, а равно личная переписка Государя Императора, Императрицы, нѣкоторыхъ Великихъ Князей, а также переписка, отобранная при обыскѣ у Епископа Варнавы, графини С. С. Игнатьевой, доктора Бадмаева, В. Н. Воейкова и другихъ, высокопоставленныхъ лицъ.

При производствѣ разслѣдованія было обращено особое вниманіе на личность и дѣятельность Г. Е. Распутина и А. А. Вырубовой, также и на отношенія Царской Семьи къ Германской Императорской Фамиліи.

Считая, что задача моего обслѣдованія имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ освѣщенія событій, предшествовавшихъ революціи и сопровождавшихъ ее, я снималъ копіи со всѣхъ проходившихъ черезъ мои руки документовъ, а равно съ протоколовъ осмотровъ и свидѣтельскихъ показаній. Уѣзжая изъ Петрограда я захватилъ съ собой всѣ эти копіи въ Екатеринославль, гдѣ онѣ и хранились въ моей квартирѣ, но теперь, вѣроятно, разграблены при разгромѣ ея большевиками. Если, сверхъ ожиданій, копіи этихъ документовъ не уничтожены, то я предполагаю опубликовать ихъ впослѣдствіи въ печати полностью, не дѣлая никакихъ выводовъ, ни заключеній.

Теперь же я считаю необходимымъ представить краткій очеркъ характеристики главныхъ дѣятелей той области, которая печатью и общественнымъ мнѣніемъ называлась, «областью темныхъ силъ», причемъ, такъ какъ очеркъ этотъ составляется мною по памяти, то въ немъ, конечно, будутъ упущены, быть можетъ, интересныя подробности.

Прибывъ въ Петроградъ въ Слѣдственную Коммиссію, я приступилъ къ исполненію моей задачи съ невольнымъ предубѣжденіемъ относительно причинъ вліянія Распутина, вслѣдствіе читанныхъ мною отдѣльныхъ брошюръ, газетныхъ замѣтокъ и слуховъ, циркулировавшихъ въ обществѣ, но тщательное и безпристрастное разслѣдованіе заставило меня убѣдиться насколько всѣ эти слухи и газетныя сообщенія были далеки отъ истины.

Наиболѣе интересной личностью, которой приписывалось исключительное вліяніе на внутреннюю политику, былъ Григорій Распутинъ, а поэтому естественно, что однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ матеріаловъ для освѣщенія личности Распутина послужилъ журналъ негласнаго надзора, установленнаго за нимъ Охраннымъ отдѣленіемъ и веденнаго до самой его смерти. Наблюденіе за Распутинымъ велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось къ тщательной слѣжкѣ при выѣздахъ его изъ квартиры,а внутреннее осуществлялось при посредствѣ спеціальныхъ агентовъ, исполнявшихъ обязанности тѣлохранителей и лакеевъ. Журналъ этихъ наблюденій велся съ поразительной точностью изо дня въ день и въ немъ отмѣчались даже кратковременныя отлучки, хотя бы на два-три часа, причемъ обозначалось какъ время выѣздовъ и возвращеній, такъ и всѣ встрѣчи по дорогѣ.

Что касается внутренней агентуры, то послѣдняя отмѣчала фамиліи лицъ, посѣщавшихъ Распутина,и всѣ посѣтители аккуратно вносились въ журналъ. При этомъ,когда фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ не были извѣстны агентамъ, то описывались подробно примѣты посѣтителей.

Познакомившись съ этими документами, а также допросивъ рядъ свидѣтелей, фамиліи которыхъ въ документахъ упоминались, я пришелъ къ заключенію, что личность Распутина, въ смыслѣ всего душевнаго склада, не была такъ проста, какъ объ этомъ говорили и писали.

Изслѣдуя нравственный обликъ Распутина, я естественно обратилъ вниманіе на историческую послѣдовательность тѣхъ явленій и фактовъ которые въ конечномъ итогѣ открыли для этого человѣка двери Царскаго дворца, причемъ я выяснилъ, что первымъ этапомъ въ эотмъ постепенномъ продвиженіи было знакомство съ извѣстными глубоко-религіозно настроенными и несомнѣнно умными Архіепископами Ѳеофановъ и Гермогеномъ. Убѣдившись на основаніи тѣхъ-же документовъ, что Григорій Распутинъ игралъ роковую роль въ жизни этихъ столповъ Православной Церкви, будучи причиной удаленія Гермогена въ одинъ изъ монастырей Саратовской Епархіи на покой, и низведенія Ѳеофана на положеніе провинціальнаго Епископа, тогда какъ эти истинно православные Епископы, замѣтивъ проснувшіеся въ Григоріи Распутинѣ низменные инстинкты, открыто вступили съ нимъ въ борьбу — я пришелъ къ заключенію, что въ жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губерніи, имѣло мѣсто какое то большое и глубокое душевное переживаніе, совершенно измѣнившее его психику и заставившее его обратиться ко Христу, т. к. только наличностью этого богопсканія у Распутина въ тотъ періодъ времени и можетъ быть объяснено сближеніе его съ указанными выдающимися Пастырями. Это мое предположеніе, основанное на сопоставленіи фактовъ, нашло себѣ подтвержденіе и въ безграмотно составленныхъ Распутинымъ воспоминаніяхъ о хожденіи къ Святымъ мѣстамъ. Отъ этой книги, написанной Распутинымъ, дышетъ наивностью, простотой, задушевной искренностью. Опираясь на содѣйствіе и авторитетность указанныхъ Архіепископовъ, Распутинъ былъ принятъ во Дворцахъ Великихъ Княгинь Анастасіи и Милицы Николаевны, а затѣмъ, черезъ посредство послѣднихъ, познакомился съ г-жею Вырубовой, тогда еще фрейлиною Танѣевой и произвелъ на нее, женщину истинно-религіозно настроенную, огромное впечатлѣніе;наконецъ онъ попалъ и въ Царскій Дворецъ.Здѣсь у него,видимо пробуждаются заглохшіе низкіе инстинкты и онъ превращается въ тонкаго эксплоататора довѣрія высокихъ Особъ къ его святости.

При этомъ надо замѣтить, что онъ свою роль выдерживаетъ съ удивительно продуманной послѣдовательностью. Какъ показало обслѣдованіе переписки по сему поводу, а затѣмъ, какъ подтвердили и свидѣтели, Распутинъ рѣшительно отказался отъ какихъ либо денежныхъ посо-

бій, наградъ и почестей, несмотря на прямыя обращенныя къ нему предложенія со стороны ихъ Величествъ. Тѣмъ самымъ онъ какъ бы подчеркнулъ свою неподкупность, безсребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая въ то же врмя Царскую Семью, что онъ единственный предстатель за нихъ передъ Престоломъ Всевышняго, что всѣ завидуютъ его положенію, всѣ интригуютъ противъ него, всѣ клевещутъ на него, и потому къ такимъ доносамъ надо относиться отрицательно. Единственно, что позволяетъ себѣ Распутинъ — это допускать оплату его квартиры изъ средствъ Собственной Его Величества Канцеляріи, а также принимать подарки собственноручной работы Царской Семьи — рубашки, пояса и пр.

Входилъ Распутинъ въ Царскій Домъ всегда съ молитвой на устахъ, обращался къ Государю и Императрицѣ на «ты», и прежде съ ними лобызался по Сибирскому обычаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлено, что онъ говорилъ Государю: «моя смерть будетъ и твоею смертью» и, что при Дворѣ онъ пользовался репутаціей человѣка, обладающаго даромъ предсказывать событія, облекая свои предсказанія въ загадочныя формы, по примѣру древней Пиѳіи.

Источникомъ средствъ для Распутина служили тѣ прошенія разныхъ лицъ о перемѣщеніи, назначеніи, помилованіи, которые писались на Высочайшее Имя и передавались во Дворецъ черезъ его руки. Въ цѣляхъ приданія большей авторитетности своему голосу Распутинъ, поддерживая такія ходатайства въ бесѣдѣ съ Ихъ Величествами, облекалъ ихъ въ формы предсказанія, подчеркивая, что удовлетвореніе этихъ просьбъ ниспошлетъ дары счастія и благополучія Царской Семьѣ и Россіи.

Къ сказанному необходимо добавить, что Распутинъ обладалъ въ сильной степени какой то непонятной внутренней силой въ смыслѣ воздѣйствія на чужую психику, представлявшей родъ гипнотическаго внушенія. Такъ, между прочимъ, мною былъ установленъ несомнѣнный фактъ излеченія имъ припадковъ пляски Св. Витта у сына близкаго знакомаго Распутина — Симановича, студента коммерческаго училища, причемъ всѣ явленія этой болѣзни исчезли навсегда, послѣ двухъ сеансовъ, во время которыхъ Распутинъ усыплялъ больного.

Запечатлѣнъ мною и другой яркій случай проявленія этой психической силы Распутина, а именно когда онъ былъ вызванъ зимой 1914-1915 гг. въ будку желѣзнодорожнаго сторожа Царскосельской дороги, гдѣ послѣ крушенія поѣзда лежала въ совершенно безсознательномъ состояніи съ раздробленными ногами и тазобедренной костью и съ тре-

щинами черепа Анна Александровна Вырубова. Около нея въ то время находились Государь и Государыня. Распутинъ, поднявъ руки кверху обратился къ лежащей Вырубовой со словами: «Аннушка, открой глаза» и тотчасъ она открыла глаза и обвела взоромъ комнату, въ которой лежала. Конечно, это произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на окружающихъ, а въ частности на Ихъ Величества и естественно содѣйствовало укрѣпленію его авторитета.

Вообще Распутинъ, несмотря на свою малограмотность, былъ далеко не зауряднымъ человѣкомъ и отличался отъ природы острымъ умомъ, большею находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно мѣтко выражаться, особенно давая характеристики отдѣльнымъ лицамъ. Его внѣшняя грубость и простота обращенія, напоминая порою юродиваго, были несомнѣнно искусственны, и имѣли цѣлью подчеркнуть свое крестьянское происхожденіе и неинтеллигентность.

Въ виду того, что въ періодической печати много говорилось о половой разнузданности Распутина, ставшей синонимомъ его фамиліи, на это обстоятельство, при производствѣ слѣдствія, было обращено надлежащее вниманіе, а богатѣйшій матеріалъ для освѣщенія его личности съ этой стороны оказался въ данныхъ того негласнаго наблюденія за нимъ, которое велось Охраннымъ Отдѣленіемъ; при этомъ выяснилось, что похожденія Распутина не выходили изъ рамокъ ночныхъ оргій съ дѣвицами легкаго поведенія и шансонетными пѣвицами, а иногда и съ нѣкоторыми ихъ его просительницъ. Что же касается его близости къ дамамъ высшаго общества, то въ этомъ отношеніи никакихъ положительныхъ матеріаловъ наблюденіемъ и слѣдствіемъ добыто не было. Но имѣются указанія, что онъ въ пьяномъ видѣ старался создать иллюзію своей интимной близости съ Высшими кругами, въ особенности передъ тѣми, съ которыми онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и которымъ онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Такъ, напримѣръ, при обыскѣ у Епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: «милый, дорогой, пріѣхать не могу, плачутъ мои дуры, не пущаютъ». Въ виду свѣдѣній, что Распутинъ въ Сибири мылся въ банѣ вмѣстѣ съ женщинами, возникло предположеніе о принадлежности его къ сектѣ хлыстовъ. Съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ, Чрезвычайной Слѣдственной Коммиссіей, былъ приглашенъ профессоръ по кафедрѣ сектантства Московской Духовной Академіи Громогласовъ; послѣдній ознакомился со всѣмъ слѣдственнымъ матеріаломъ и, считаясь съ тѣмъ, что совмѣстное мытье мужчинъ съ женщинами въ баняхъ является въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири общепринятымъ обычаемъ, не нашелъ

никакихъ указаній на принадлежность его къ хлыстамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изучивъ все написанное Распутинымъ по религіознымъ вопросамъ, Громогласовъ также не усмотрѣлъ никакихъ признаковъ хлыстовства.

Вообще Распутинъ по природѣ былъ человѣкъ широкаго размаха, двери его дома были всегда открыты, тамъ всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счетъ; въ цѣляхъ созданія вокругъ себя ореола благотворительности, по слову Евангелія: «рука дающаго да не оскудѣваетъ»,Распутинъ,постоянно получая деньги отъ просителей за удовлетвореніе ихъ ходатайствъ, широко раздавалъ эти деньги нуждающимся и вообще лицамъ бѣдныхъ классовъ, къ нему обращавшимся съ какими либо просьбами, даже и не матеріальнаго характера. Этимъ онъ создалъ себѣ популярность благотворителя и безсребренника. Кромѣ того, большія суммы, Распутинъ сорилъ по ресторанамъ и загороднымъ садамъ, вслѣдствіе чего никакихъ особенныхъ средствъ послѣ его смерти не осталось.

Слѣдствіемъ былъ собранъ обширный матеріалъ касавшійся просьбъ, проводившихся Распутинымъ при Дворѣ, но всѣ эти просьбы относились, какъ было выше указано, къ назначенію, перемѣщенію, помилованію, проведенію желѣзнодорожныхъ концессій и другимъ дѣламъ, но не было добыто никакихъ рѣшительно указаній на вмѣшательство Распутина въ политическія дѣла, не смотря на то, что вліянія его при Дворѣ несомнѣнно было огромно. Примѣры этого вліянія очень многочисленны. Такъ, между прочимъ, при обыскѣ въ канцеляріи Дворцоваго Коменданта генерала Воейкова было обнаружено нѣсколько писемъ на его имя такого содержаніяъ «Енералу Фавейку. Милой, дорогой, устрой ее. Григорій» На письмахъ оказались отмѣтки, сдѣланныя рукой Воейкова, сводившіяся къ указанію имени, отчества и фамиліи просителей, ихъ мѣстожительства, содержанія просьбы, отмѣтки объ удовлетвореніи просьбы и объ оповѣщеніи просителей. Нѣсколько писемъ, тожественнаго содержанія было найдно и у бывшаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмера, а равно и у другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Но всѣ эти письма касались исключительно просьбъ объ оказаніи личныхъ протекцій по поводу разныхъ случаевъ въ жизни лицъ, о которыхъ ходатайствовалъ Распутинъ.

Распутинъ всѣмъ лицамъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться болѣе или менѣе часто, давалъ прозвища; нѣкоторыя изъ нихъ получили права гражданства и при Дворѣ. Такъ напримѣръ, Штюрмера онъ называлъ «старикомъ», Архіепископа Варнаву — «мотылькомъ»,

Государя — «папой», Государыню — «мамой». Прозвище Варнавы «мотылекъ» было обнаружено въ письмѣ къ Вырубовой.

Слѣдственный матерьялъ свидѣтельствуетъ о большомъ вліяніи Распутина на Царскую Семью, но приводить къ несомнѣнному заключенію, что источникомъ этого вліянія было высокое религіозное настроеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искреннее убѣжденіе Ихъ въ святости Распутина, какъ единственнаго дѣйствительнаго предстателя и молитвенника за Государя и Россію передъ Богомъ. Доказательство этой святости усматривалось Царской Семьей въ отдѣльныхъ случаяхъ исключительнаго воздѣйствія Распутина на психику приближенныхъ ко Двору лицъ, какъ напримѣръ приведеніе къ сознаніе Вырубовой, затѣмъ несомнѣнно благотворное вліяніе на здоровье Наслѣдника и рядъ удачныхъ предсказаній.

Этимъ вліяніемъ Распутина на Царскую Семью старались конечно пользоваться ловкіе люди, способствуя тѣмъ самымъ развитію въ немъ низменныхъ инстинктовъ. Особенно ярко это сказалось въ дѣйствіяхъ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Н. Хвостова и Директора Департамента Полиціи Бѣлецкаго, которые, чтобы упрочить свое положеніе при Дворѣ, вошли въ соглашеніе съ Распутинымъ и предложили ему такія условія: выдавать ежемѣсячно изъ секретнаго фонда Департамента Полиціи по 3000 р. въ мѣсяцъ и единовременныя пособія въ различныхъ суммахъ по мѣрѣ надобности съ тѣмъ, чтобы Распутинъ проводилъ при Дворѣ кандидатовъ, которыхъ они будутъ указывать на желательные для нихъ посты. Распутинъ согласился и дѣйствительно первые два-три мѣсяца выполнялъ принятыя на себя обязательства, но затѣмъ, убѣдившись, что такое соглашеніе для него не выгодно, какъ значительно сокращавшее кругъ его кліентуры, онъ, не предупреждая Хвостова и Бѣлецкаго,сталъ дѣйствовать самостоятельно на свой рискъ и страхъ.

Убѣдившись, въ неискренности Распутина, и опасаясь, что въ концѣ концовъ тотъ можетъ начать дѣйствовать противъ него, Хвостовъ рѣшилъ открыто выступить съ нимъ въ борьбу, полагаясь въ этомъ отношеніи на доброе къ себѣ расположеніе Царской Семьи, а съ другой — разсчитывая на содѣйствіе Государственной Думы, — членомъ которой онъ былъ, и которая относилась къ Распутину съ крайней ненавистью. При создавшемся положеніи вещей, въ очень тяжеломъ положеніи оказался Бѣлецкій, не вѣрившій въ обаяніе и мощь Хвостова при Дворѣ и наоборотъ надлежаще расцѣнивавшій обаяніе Распутина на Царскую Семью. Послѣ недолгаго раздумья, Бѣлецкій рѣшилъ измѣнить своему начальнику, перейдя всецѣло на сторону Распутина. Занявъ такую

позицію, Бѣлецкій, выражаясь языкомъ Распутина, поставилъ себѣ цѣлью — «свалить Министра Хвостова». Въ конечномъ результатѣ борьбы Распутина и Бѣлецкаго противъ Хвостова и явился такъ много нашумѣвшій въ газетахъ пресловутый заговоръ на жизнь старца.

Инсценировка этого заговора была организована Бѣлецкимъ слѣдующимъ образомъ. Онъ привлекъ для этой цѣли совершенно опустившагося въ нравственномъ отношеніи «бывшаго человѣка» инженера Гейне, содержателя игорныхъ притоновъ въ Петроградѣ, и тайно командировалъ его въ Христіанію, также къ «бывшему человѣку» — разстригѣ-монаху извѣстному Илліодору, въ міру — Сергѣю Труфанову, бывшему другу Распутина. Результатомъ этой поѣздки была посылка ряда телеграммъ изъ Христіаніи Гейне въ Петроградъ за подписью Иліодора, въ которыхъ очень прозрачно говорилось о будто бы готовящемся покушеніи на жизнь Распутина. Такъ напримѣръ, въ одной изъ телеграммъ Иліодора къ Гейне говорилось почти дословно слѣдующееъ «нанятые сорокъ человѣкъ ждутъ, ропщутъ, переводите 30.000». Всѣ эти телеграммы какъ поступившія изъ нейтральной страны во время войны, до выдачи ихъ адресатамъ, въ копіяхъ, сообщались въ Департаментъ Полиціи, но затѣмъ безъ надлежащаго обслѣдованія, какъ то полагалось, согласно законамъ военнаго времени, прямо вручались инженеру Гейне. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, Гейне, имѣя въ рукахъ эти телеграммы, является въ видѣ раскаявшагося грѣшника въ пріемную Распутина, и представляя доказательства наличности заговора принесенными съ собою телеграммами, чистосердечно сознается «старцу», что участвовалъ въ заговорѣ на его жизнь, передаетъ всѣ подробности и кончаетъ заявленіемъ, что во главѣ заговора стоитъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ А. Н. Хвостовъ. Всѣ эти данныя были сообщены Распутинымъ Царской Семьѣ и повлекли за собой отставку Хвостова. Какъ подробность инсценировки этого заговора интересенъ слѣдующій фактъ: въ телеграммахъ, поступившихъ на имя Гейне изъ Христіаніи указанъ былъ рядъ фамилій лицъ, проживавшихъ въ Царицынѣ, и входившихъ будто бы въ сношенія съ Иліодоромъ и даже пріѣзжавшихъ къ нему въ Христіанію для осуществленія заговора. Однако произведенное по сему поводу, по горячимъ слѣдамъ, разслѣдованіе черезъ жандармскую полицію, не только не подтвердило правдивости этихъ показаній, но съ полной очевидностью показало, что поименованныя лица изъ Царицына никуда не выѣзжали, какъ о томъ свидѣтельствовали акты осмотра домовыхъ книгъ и другихъ документовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что А. Н. Хвостовъ былъ лично очень цѣнимъ и уважаемъ Государемъ, и въ особенности Императрицей, которая, по свидѣтельству лицъ близко стоящихъ ко Двору, считала его религіозно настроеннымъ и въ высшей степени преданнымъ Царской Семьѣ и Россіи. Слѣдующій, однако, эпизодъ показываетъ насколько Хвостовъ прежде всего заботился и оберегалъ свои личные интересы. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ жандармскаго генерала Комиссарова и предложилъ, немедленно переодѣвшись въ штатское платье, поѣхать къ Распутину и привести его къ Митрополиту Питириму. Исполняя порученіе, Комиссаровъ вмѣстѣ съ Распутинымъ прошелъ въ митрополичьи покои, гдѣ въ одной изъ комнатъ ихъ встрѣтилъ служка Митрополита, который, принявъ ихъ, удалился во внутренніе покои съ докладомъ Его Высокопреосвященству. Вскорѣ послѣ того, въ ту же комнату вошелъ самъ Митрополитъ Питиримъ и здѣсь, когда ему Распутинъ представилъ генерала Комиссарова, послѣдній замѣтилъ какъ Митрополиту было непріятно появленіе въ его покояхъ жандармскаго генерала. Тѣмъ не менѣе Митрополитъ пригласилъ ихъ слѣдовать за собою, и когда они вошли въ гостиную, то увидѣли сидѣвшаго на диванѣ Хвостова. При видѣ Распутина, Хвостовъ сталъ нервно смѣяться и переговариваться съ Митрополитомъ, а затѣмъ, пробывъ не долгое время, просилъ Комиссарова сопровождать его домой. Комиссаровъ, оказавшійся въ крайне неловкомъ положеніи, совершенно не понималъ происшедшаго. Дорогою Хвостовъ спросилъ Комиссарова «Вы что нибудь, генералъ, понимаете?», и получивъ отрицательный отвѣтъ, заявилъ: «знаемъ теперь въ какихъ отношеніяхъ состоитъ Митрополитъ Питиримъ съ Распутинымъ: вѣдь когда Вы съ нимъ пріѣхали и служка доложилъ ему о Вашемъ пріѣздѣ, то Митрополитъ, не имѣющій по его словамъ ничего общаго съ Распутинымъ, сказалъ мнѣ: разрѣшите отлучиться на нѣсколько минутъ, т. к. ко мнѣ пріѣхалъ именитый грузинъ, и теперь мы знаемъ какіе грузины ѣздятъ къ Его Высопреосвященству». — Этотъ эпизодъ сталъ мнѣ извѣстенъ изъ допроса генерала Комиссарова.

Изъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей, Хвостовъ былъ наиболѣе близокъ къ Распутину. Что же касается до столь нашумѣвшихъ отношеній Распутина къ Штюрмеру, то въ дѣйствительности они не выходили изъ области обмѣна любезностями. Штюрмеръ, считаясь съ вліяніемъ Распутина, исполнялъ его просьбы относительно устройства отдѣльныхъ лицъ, ихъ назначеній, посылалъ иногда Распутину фрукты, вино и закуски, но рѣшительно никакихъ данныхъ о вліяніи Распути-

на на направленіе внѣшней политики Штюрмера, слѣдствіемъ добыто не было.

Не больше была связь съ Распутинымъ и у Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, котораго Распутинъ почему то называлъ «Калининъ», хотя надо сказать, что Распутинъ относился къ Протопопову съ большой симпатіей и всячески старался защищать его, хвалить и выгораживать передъ Государемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо положеніе Протопопова колебалось. Распутинъ дѣлалъ это почти всегда въ отсутствіе Государя изъ Царскаго Села путемъ предсказаній Императрицѣ, имѣвшихъ характеръ изрѣченій, гдѣ сначала говорилось о другихъ, а затѣмъ уже переходилось къ восхваленіямъ личности Протопопова.

Протопоповъ отличался удивительной слабостью воли, хотя всю свою долгую карьеру проходилъ въ качествѣ выборнаго лица разныхъ общественныхъ группъ вплоть до должности Товарища Предсѣдателя Государственной Думы. Такъ какъ молва и печать приписывали Протопопову попытку подавленія народныхъ волненій въ первые дни революціи, якобы выразившуюся въ установкѣ на крышахъ домовъ пулеметовъ для разстрѣла безоружныхъ толпъ манифестантовъ, то предварительнымъ слѣдствіемъ на это обстоятельство было обращено особое вниманіе. Предсѣдатель Коммиссіи Муравьевъ, поручилъ обслѣдованіе этихъ событій слѣдователю Юзвику-Компанейцу, установившему допросомъ нѣсколькихъ сотъ лицъ и повѣркой пулеметовъ,найденныхъ на улицахъ Петрограда въ первые дни революціи, что всѣ эти пулеметы принадлежали войсковымъ частямъ и что ни одного полицейскаго пулемета не было, не только на крышахъ домовъ, но и на улицахъ, причемъ вообще никакихъ пулеметовъ на крышахъ домовъ не стояло, кромѣ ограниченнаго числа ихъ, поставленнаго съ самаго начала войны на нѣсколькихъ высокихъ домахъ для защиты отъ налетовъ непріятельскихъ аэроплановъ. Вообще нужно сказать, что въ критическіе дни февраля 1917 г. Протопоповъ проявилъ полную нераспорядительность и съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона — преступную слабость. При осмотрѣ бумагъ Протопопова было найдено нѣсколько типичныхъ писемъ Распутина, начинавшихся словами «милой, дорогой» — но всегда говорившихъ только о какихъ либо интересахъ частныхъ лицъ, за которыхъ Распутинъ хлопоталъ. Среди бумагъ всѣхъ остальныхъ высокопоставленныхъ лицъ не было найдено ни одного документа, указывавшаго на вліяніе Распутина на внѣшнюю или на внутреннюю политику.

Несомнѣнно въ прессѣ и въ Петроградскомъ обществѣ создалось

мнѣніе о близкихъ отношеніяхъ Распутина къ двумъ политическимъ авантюристамъ — доктору Бадмаеву и князю Андронникову, будто бы имѣвшимъ черезъ его посредство вліяніе на политику.

Слѣдствіе показало, полное несоотвѣтствіе этихъ слуховъ съ дѣйствительностью. Одно можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь крохами, падающими съ его стола и стараясь преувеличить въ глазахъ своихъ кліентовъ свое вліяніе на Распутина, котораго они вовсе не имѣли и чрезъ то поддержать мнѣніе о своемъ якобы вліяніи чрезъ его посредство при Дворѣ. Изъ этихъ двухъ лицъ наиболѣе интереснымъ по своей дѣятельности является лишь князь Андронниковъ, такъ какъ сколько нибудь значительныя связи Бадмаева съ руководящими кругами относятся къ царствованію Императора Александра III.

Личность и характеръ дѣятельности кн. Андронникова на слѣдствіи съ поразительной яркостью были освѣщены огромнымъ количествомъ разныхъ документовъ, отобранныхъ мною въ Мартѣ 1917 г. при обыскѣ въ его квартирѣ, занявшемъ цѣлыхъ два дня. Изъ квартиры Андронникова я вывезъ въ Зимній Дворецъ, въ помѣщеніе Коммиссіи, на двухъ автомобиляхъ, колоссальный архивъ. При этомъ надо отдать должную справедливость кн. Андронникову въ томъ, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все дѣлопроизводство его разбивалось по полкамъ на опредѣленныя Министерства, которыя въ свою очередь распадались на Департаменты; дѣла были вложены въ обложки съ соотвѣтствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидѣтельствовали о тщательномъ наблюденіи кн.Андронникова за ихъ движеніемъ. При изученіи ихъ выяснилось, что кн. Андронниковъ, за опредѣленную плату, не гнушался никакими ходатайствами и представительствами. Такъ одновременно кн. Андронниковъ ходатайствовалъ о выдачѣ пенсіи какой либо вдовѣ чиновника, не выслужившаго срока, и проводилъ черезъ Министерства Финансовъ и Земледѣлія весьма спорный проектъ акціонерной компаніи, по орошенію Муганской степи, въ которой, судя по договору, онъ лично игралъ одну изъ видныхъ ролей. Система, принятая кн. Андронниковымъ — занимавшимъ скромный постъ чиновника особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода, — для проведенія своихъ ходатайствъ была очень проста.

Согласно его признанію, получая свѣдѣнія о назначеніи совершенно неизвѣстнаго ему лица на должность, напримѣръ Директора Департамента въ какомъ нибудь Министерствѣ, онъ посылалъ этому лицу

поздравительное письмо,трафаретно его начиная: «Наконецъ то возсiяло солнце надъ Россiей и высокiй отвѣтственный постъ отнынѣ ввѣренъ Вашему Превосходительству», послѣ чего слѣдовалъ рядъ самыхъ лестныхъ эпитетовъ, украшавшихъ это лицо талантами, добродѣтелями и пр., а иногда къ такому письму прилагался кн. Андронниковымъ и образокъ его благословенiя. Естественно, что полученiе такого письма обязывало должностное лицо изъ чувства деликатности и благодарности отвѣтомъ, а результатомъ этого являлся личный визитъ князя къ означенному сановнику, въ его служебный кабинетъ въ Департаментѣ, чѣмъ и завязывалось знакомство. Такiя посѣщенiя княземъ административнаго лица, сравнительно высокаго ранга, создавали у чиновниковъ, служившихъ въ канцелярiяхъ послѣдняго, представленiе о добрыхъ отношенiяхъ князя къ ихъ начальнику, а отсюда вытекало и болѣе внимательное отношенiе ко всѣмъ бумагамъ, поступавшимъ въ Департаментъ чрезъ посредство князя. Князь Андронниковъ въ стремленiи увеличить представленiе объ авторитетности своего мнимаго влiянiя при Дворѣ, не гнушался никакими средствами, вплоть до дружбы съ курьерами, которые, развозя Высочайшiе приказы, о пожалованiи,неукоснительно заѣзжали къ другу-князю, а послѣднiй не стѣсняясь въ угощенiи ихъ виномъ и яствами, тѣмъ временемъ осторожно вскрывалъ пакеты. Узнавъ такимъ образомъ содержанiе рескрипта о неожиданномъ высокомъ пожалованiи, зоадерживалъ загулявшаго курьера у себя въ столовой и спѣшилъ по телефону поздравить съ высокимъ отличiемъ неожидавшаго или ожидавшаго сановника, давая понять, что ему извѣстно объ этомъ непосредственно изъ Высочайшаго источника, и тѣмъ, конечно, создавалъ у сановника, когда къ нему дѣйствительно прiѣзжалъ черезъ полъ часа курьеръ съ наградою, представленiе объ исключительныхъ связяхъ князя при Дворѣ.

Угождая Петроградскимъ сановникамъ, кн. Андронниковъ, конечно, лѣзъ изъ кожи, чтобы угождать Распутину. Такъ извѣстно изъ показанiй прислуги Андронникова, что онъ предоставлялъ свою квартиру для секретныхъ свиданiй Распутина съ Хвостовымъ и Бѣлецкимъ, а также и съ Епископомъ Варнавою. Въ то же время кн. Андронниковъ, желая попасть въ тонъ царившему при Дворѣ религiозному настроенiю и создать этимъ слухъ о своей религiозности — въ своей спальнѣ, за особой ширмой, устроилъ подобiе часовни, поставивъ большое распятiе, аналой, столикъ съ чашей для освященной воды, рядъ иконъ, подсвѣчниковъ, полное священническое облаченiе, терновый вѣнецъ, хранившiйся въ ящикѣ аналоя и проч. Достойно примѣчанiя, какъ это мною лично

установлено, при осмотрѣ его квартиры и опросѣ прислуги, что кн. Андронниковъ, въ той же своей спальнѣ, по другую сторону ширмы, предавался самому гнусному противоестественному пороку... съ молодыми людьми, дарившими его ласками за обѣщаніе составить протекцію. Послѣднее обстоятельство нашло себѣ подтвержденіе въ рядѣ, отобранныхъ при обыскѣ у кн. Андронникова, писемъ отъ обольщенныхъ имъ молодыхъ людей, которые жаловались въ этихъ письмахъ на то, что онъ ихъ обманулъ въ своихъ обѣщаніяхъ.

При допросѣ, кн. Андронниковъ старался о многомъ умолчать или извратить фактическую сторону данныхъ обстоятельствъ, но будучи уличенъ на основаніи письменныхъ документовъ, въ завѣдомо ложномъ освѣщеніи событій заявилъ: «Вы моя совѣсть» давши клятвенное обѣщаніе въ дальнѣйшемъ не погрѣшать; однако же черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ вновь мною изобличенъ въ томъ же искаженіи истины. Тогда князь обратился ко мнѣ съ просьбой сообщить ему мое имя— я исполнилъ его просьбу, и при послѣдующемъ его допросѣ, князь мнѣ заявилъ, что спрашивалъ онъ мое имя для того «чтобы записать въ поминанье и молиться какъ за святаго человѣка».

Изъ допроса лицъ, близко стоявшихъ ко Двору, какъ напримѣръ семьи Танѣевыхъ, Воейкова и другихъ, я выяснилъ, что кн. Андронниковъ не только не пользовался какимъ либо авторитетомъ въ Царской Семьѣ, но отношеніе Ея къ нему было критически-ироническимъ.

Докторъ Тибетской медицины Бадмаевъ водилъ знакомство съ Распутинымъ, но ихъ личныя отношенія не выходили изъ рамокъ отдѣльныхъ услугъ со стороны Распутина по проведенію немногочисленныхъ ходатайствъ Бадмаева коммерческаго характера, чрезъ подлежащія Министерства. Бадмаевъ, будучи бурятомъ, составилъ нѣсколько брошюръ о своемъ краѣ, и по этому поводу имѣлъ нѣсколько аудіенцій у Государя, но эти аудіенціи не выходили изъ ряда обычныхъ—и отнюдь не носили интимнаго характера. Хотя Бадмаевъ и былъ врачемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, однако Царская Семья относилась критически къ его способамъ врачеванія; Распутинъ тоже не былъ поклонникомъ Тибетскихъ средствъ Бадмаева, а допросомъ дворцовой прислуги Царской Семьи было несомнѣнно установлено, что Бадмаевъ въ покояхъ царскихъ дѣтей въ качествѣ врача — никогда не появлялся.

Дворцовый комендантъ В. Н. Воейковъ былъ мною допрошенъ нѣсколько разъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался. Особымъ авторитетомъ и вліяніемъ при Дворѣ, судя по перепискѣ, найден-

ной у него, по обыску, главнымъ образомъ по письмамъ его жены, дочери Министра Двора графа Фредерикса, относящимся къ 1914-15-16 годамъ, онъ не пользовался, но былъ цѣнимъ, какъ преданный человѣкъ, по крайней мѣрѣ Царская Семья его считала таковымъ, хотя я, изъ цѣлаго ряда бесѣдъ съ нимъ, такого впечатлѣнія не вынесъ. Отношеніе Воейкова къ Распутину, постолько, посколько оно вылилось въ письмахъ перваго къ женѣ, было отрицательнымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ Воейковъ называлъ его злымъ геніемъ Императорскаго дома и Россіи, находя, что этотъ человѣкъ, своей близостью ко Двору, дискредитируетъ Тронъ и даетъ богатую пищу для всякаго рода невѣроятныхъ слуховъ, толковъ, и разговоровъ, которые могутъ быть использованы противоправительственными группами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаясь съ несомнѣннымъ вліяніемъ Распутина на Царскую Семью, Воейковъ не находилъ въ себѣ гражданскаго мужества отказывать Распутину въ удовлетвореніи отдѣльныхъ частныхъ просьбъ о назначеніи, повышеніяхъ, выдачѣ пособій и тому подобнаго относительно тѣхъ лицъ, за которыхъ хлопоталъ Распутинъ, какъ это видно изъ помѣтокъ Воейкова на вышеупомянутыхъ мною письмахъ къ нему Распутина, найденныхъ при слѣдствіи.

Вообще Воейковъ произвелъ на меня впечатлѣніе карьериста, дорожившаго своимъ положеніемъ и неспособнаго цѣнить то вниманіе и искреннее расположеніе, которое къ нему питали какъ Государь такъ и Государыня. Въ письмахъ къ мужу отъ 1915 года жена Воейкова умоляла его оставить службу въ виду наростающгго революціоннаго движенія, причемъ она предостерегала мужа, что при крушеніи государственнаго строя его постигнетъ ужасная участь. Эти письма Воейковой всѣ проникнуты болѣзненной ненавистью къ Распутину какъ къ несомнѣнному виновнику грядущихъ по ея словамъ «кошмарныхъ событій».

Вполнѣ раздѣляя взглядъ жены на этого человѣка, Воейковъ тѣмъ не менѣе оставался на своемъ посту и не сдѣлалъ ни одного шага къ тому, чтобы выявить настоящую физіономію Распутина передъ Царскою Семьею.

Много наслышавшись объ исключительномъ вліяніи Вырубовой при Дворѣ, о ея связи съ Распутинымъ, будучи можно сказать насквозь пропитаннымъ тѣми инсинуціями, которыя распускались объ этой женщинѣ въ нашей прессѣ и циркулировали въ обществѣ, я шелъ на допросъ Вырубовой въ Петропавловскую крѣпость, откровенно говоря, настроенный къ ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня

и въ канцеляріи Петропавловской крѣпости вплоть до момента появленія Вырубовой подъ конвоемъ двухъ солдатъ. Когда же вошла Вырубова, то меня сразу поразило особое выраженіе ея глазъ, выраженіе — это было полно неземной кротости. Это первое благопріятное впечатлѣніе, въ дальнѣйшихъ моихъ бесѣдахъ съ нею вполнѣ подтвердились. Послѣ первой же недолгой бесѣды я убѣдился въ томъ, что въ силу своихъ индивидуальныхъ качествъ, она не могла имѣть никакого рѣшительно вліянія не только на внѣшнюю, но и на внутреннюю политику государства, съ одной стороны въ силу чисто женскаго отношенія ко всѣмъ политическимъ событіямъ, о которыхъ приходилось съ ней бесѣдовать, а съ другой — вслѣдствіе чрезмѣрной ея словоохотливости и полной неспособности удерживать въ секретѣ даже такіе эпизоды, которые при самой поверхностной ихъ оцѣнкѣ должны были набрасывать тѣнь на нее. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ я убѣдился, что просьба, обращенная къ Вырубовой удержать что либо въ секретѣ, была равносильна тому,чтобы выйти на площадь и объ этомъ секретѣ объявить всенародно, т. к. она узнавъ что либо такое,чему она придавала значеніе,тотчасъ же разсказывала объ этомъ не только своимъ близкимъ,но даже мало знакомымъ лицамъ. Достаточно ознакомившись за время тѣхъ бесѣдъ съ интеллектуальными особенностями г-жи Вырубовой, я невольно остановился на двухъ вопросахъ: 1) причинахъ нравственнаго сближенія ея съ Распутинымъ и 2) причинахъ сближенія ея съ Царскою Семьею.

При разрѣшеніи перваго вопроса я наткнулся случайно въ разговорѣ съ ея родителями г. г. Танѣевыми (Статсъ Секретарь Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ, Управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей, женатый на графинѣ Толстой) на одинъ эпизодъ въ жизни ихъ дочери, который по моему мнѣнію, съигралъ роковую роль въ подчиненіи ея воли вліянію Распутина. Оказалось, что Вырубова, будучи еще 16-ти-лѣтнимъ подросткомъ, заболѣла брюшнымъ тифомъ въ тяжелой формѣ. Болѣзнь эта вскорѣ осложнилась мѣстнымъ воспаленіемъ брюшины и врачами положеніе ея было признано почти безнадежнымъ. Тогда Танѣевы, большіе почитатели гремѣвшаго тогда на всю Россію Протоіерея Отца Іоанна Кронштадтскаго, пригласили его отслужить молебенъ у постели больной дочери. Послѣ этого молебна въ состояніи больной наступилъ благопріятный кризисъ и она начала быстро поправляться.

Этотъ эпизодъ несомнѣнно произвелъ громаднѣйшее впечатлѣніе на психику религіозной дѣвушки-подростка и съ этой минуты ея религіозное чувство получило преобладающее значеніе при рѣшеніи всѣхъ тѣхъ жизненныхъ вопросовъ, которые возникали у нея по разнымъ поводамъ.

Съ Распутинымъ Вырубова впервые познакомилась въ гостиной Великой Княгини Милицы Николаевны, причемъ знакомство это не носило случайнаго характера, т. к. Вел. Кн. Милица Николаевна предварительно подготовила къ нему Вырубову путемъ бесѣдъ съ нею на религiозныя темы и снабженiя ея въ то же время соотвѣтствующей французской окультистической литературой. Затѣмъ,однажды,Великая Княгиня пригласила Вырубову къ себѣ, предупредивъ, что въ ея домѣ она встрѣтится съ великимъ молитвенникомъ земли Русской, обладающимъ даромъ прорицанiя и способностью врачеванiя.

Эта первая встрѣча Вырубовой, тогда еще дѣвицы Танѣевой, произвела на нее большое впечатлѣнiе, въ особенности въ виду того, что она предполагала тогда вступить въ бракъ съ лейтенантомъ Вырубовымъ. При этой первой встрѣчѣ Распутинъ говорилъ на религiозныя темы,а затѣмъ на вопросъ своей собесѣдницы — благословляетъ ли онъ ея намѣренiе вступить въ бракъ — отвѣчалъ иносказательно, замѣтивъ, что жизненный путь усѣянъ не розами, а тернiями, что онъ очень тяжелъ, и что въ испытанiяхъ и ударахъ судьбы человѣкъ совершенствуется.

Вскорѣ послѣдовавшiй бракъ былъ совершенно неудачнымъ; по словамъ г-жи Танѣевой мужъ ея дочери оказался полнымъ импотентомъ, но при этомъ съ крайне извращенной половой психикой, выражавшейся въ различныхъ проявленiяхъ садизма, чѣмъ онъ причинялъ женѣ своей неописуемыя нравственныя страданiя и вызывалъ къ себѣ чувство полнаго отвращенiя. Однако г-жа Вырубова, памятуя слово Евангелiя: «Еже Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ», долгое время скрывала свои нравственныя переживанiя отъ всѣхъ и только послѣ одного случая, когда она была на волосъ отъ смерти, на почвѣ садическихъ половыхъ извращенiй мужа, она рѣшила открыть своей матери свою семейную драму. Результатомъ такого признанiя Вырубовой было расторженiе ея брака въ установленной закономъ формѣ.

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствiя, эти объясненiя Танѣевой о болѣзни мужа ея дочери нашли себѣ полное подтвержденiе въ данныхъ медицинскаго освидѣтельствованiя г-жи Вырубовой, произведеннаго въ Маѣ 1917 года по распоряженiю Чрезвычайной Слѣдственной Коммиссiи. Данныя эти установили съ полной несомнѣнностью,что Вырубова — дѣвственница.

Вслѣдствiе неудачно сложившейся семейной жизни религiозное чувство Вырубовой развивалось все сильнѣе, и, можно сказать, стало принимать характеръ религiозной манiи; при этомъ предсказанiе Распути-

на о терніяхъ жизненнаго пути являлось для Вырубовой истиннымъ пророчествомъ. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, котораго до послѣднихъ дней жизни она считала святымъ человѣкомъ, безсребренникомъ и чудотворцемъ.

При рѣшеніи второго изъ поставленныхъ мною выше вопросовъ, уяснивъ себѣ нравственный обликъ Вырубовой, а также и детально изучивъ, во время слѣдствія, условія жизни Царской Семьи и нравственный обликъ Императрицы Александры Федоровны, я невольно остановился на признанномъ психологическомъ положеніи, что противоположности часто сходятся и дополняя другъ друга, придаютъ этимъ себѣ нравственное устойчивое равновѣсіе.

Неглубокій умъ Вырубовой и чисто философскій складъ мышленія Императрицы были двумя противоположностями другъ друга дополнявшими.Разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать нравственнаго удовлетворенія въ удивительно дружной, можно сказать идеальной, бстановкѣ Императорской Семьи. Общительная и безхитростная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку извнѣ, которой не хватало въ тѣсно замкнутой Царской Семьѣ со стороны царедворцевъ, ихъ окружающихъ.

А общее у этихъ двухъ столь различныхъ женщинъ нашлось тоже: это любовь къ музыкѣ. Императрица обладала пріятнымъ сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто и онѣ часто въ минуты отдыха пѣли дуэты. Вотъ тѣ условія, которыя у непосвященныхъ въ тайны близкихъ тношеній между Императрицей и Вырубовой должныъх были породить слухи о какомъ то исключительномъ вліяніи Вырубовой при Дворѣ. Но, какъ раньше сказано, вліяніемъ при Дворѣ Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла — слишкомъ великъ былъ перевѣсъ умственныхъ и волевыхъ данныхъ у Императрицы по сравненію съ безхарактерной и умственно ограниченной, но беззавѣтно преданной и горячо любившей, сначала фрейлиной Танѣевой, а потомъ сдѣлавшейся домашнимъ человѣкомъ въ Царской Семьѣ Вырубовой. Отношеніе Императрицы къ Вырубовой можно опредѣлить отношеніями матери къ дочери, но не больше того. Дальнѣйшимъ связывающимъ звеномъ этихъ двухъ женщинъ было одинаково сильно развитое, какъ у той, такъ и у другой, религіозное чувство, которое привело ихъ къ трагическому поклоненію личности Распутина.

Мои предположенія о нравственныхъ качествахъ Вырубовой, вынесенныя изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ нею въ Петропавловской крѣпости, въ арестномъ помѣщеніи и, наконецъ, въ Зимнемъ Дворцѣ, ку-

да она являлась по моимъ вызовамъ, вполнѣ подтвердились проявленіемъ ею чисто христіанскаго всепрощенія въ отношеніи тѣхъ, отъ кого ей многое пришлось пережить въ стѣнахъ Петропавловской крѣпости. И здѣсь необходимо отмѣтить, что объ этихъ издѣвательствахъ надъ Вырубовой со стороны крѣпостной стражи я узналъ не отъ нея, а отъ ея матери Танѣевой, и только лишь послѣ этого, Вырубова подтвердила все сказанное матерью, съ удивительнымъ спокойствіемъ и незлобивостью объяснивъ: «Они не виноваты, не вѣдаютъ бо что творятъ». По правдѣ сказать, это грубое издѣвательство надъ Вырубовой со стороны тюремной стражи, выразившееся въ формѣ плеванія въ лицо, сниманія съ нея одежды и бѣлья, сопровождаемаго битьемъ по лицу и по другимъ частямъ тѣла, больной, еле двигавшейся на костыляхъ женщины и угрозами лишить жизни «наложницу Государя и Григорія», побудило слѣдственную Коммиссію перевести Вырубову въ помѣщеніе при бывшемъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи.

Въ смыслѣ освѣщенія интересующихъ меня событій, Вырубова являлась полною противоположностью кн. Андронникова. Всѣ ея объясненія на допросахъ, въ дальнѣйшемъ, при провѣркѣ ихъ на основаніи подлежащихъ документовъ, всегда находили себѣ полное подтвержденіе и дышали правдой и искренностью. Единственнымъ недостаткомъ показаній Вырубовой являлось чрезвычайное многословіе, можно сказать болтливость и поразительная способность перескакивать съ одной мысли на другую, не отдавая себѣ въ томъ отчета, т. е. опять таки качества, которыя не могли создать изъ нея политическую фигуру. Вырубова всегда просила за всѣхъ, потому къ ея просьбамъ при Дворѣ и было соотвѣтствующее осторожное отношеніе: какъ бы учитывались ея простодушіе и доброта.

Нравственный обликъ Императрицы Александры Феодоровны достаточно ярко выяснился изъ ея переписки съ Вырубовой и съ Государемъ. Эта переписка, веденная на французскомъ и англійскомъ языкахъ, была вся проникнута горячимъ чувствомъ любви къ мужу и дѣтямъ. Воспитаніемъ и образованіемъ своихъ дѣтей Императрица завѣдывала лично почти по всѣмъ предметамъ, кромѣ узко-спеціальныхъ. Въ упомянутой перепискѣ Императрица неоднократно указываетъ на то, что дѣтей не надо баловать игрушками и пробуждать у нихъ страсть къ роскоши. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та же переписка носитъ отпечатокъ глубокой религіозности. Государыня въ письмахъ къ мужу часто описываетъ свои переживанія во время прослушанныхъ ею богослуженій и часто говоритъ о чувствѣ полнаго удовлетворенія и нрав-

ственнаго покоя, которыя она испытывала послѣ горячей молитвы. Вообще надо замѣтить, что во всей этой обширной перепискѣ почти нѣтъ никакихъ указаній или разсужедній на политическія темы; переписка носитъ чисто интимный, семейный характеръ. Тѣ мѣста переписки, въ которыхъ говорится о Распутинѣ, именуемомъ въ ней «старцемъ», достаточно освѣщаютъ отношенія ея къ этому человѣку, какъ къ проповѣднику Слова Божія, къ прорицателю и искреннѣйшему молитвеннику за Царскую Семью. Во всей перепискѣ, на протяженіи почти десяти лѣтъ, мнѣ не попалось ни одного письма, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, а допросомъ приближенныхъ ко Двору лицъ, я установилъ, что нѣмецкій языкъ, еще за долго до послѣдней войны, при Дворѣ не примѣнялся. Въ связи съ упорными слухами объ исключительной симпатіи Императрицы къ нѣмцамъ и о существованіи въ Царскихъ покояхъ прямого провода въ Берлинъ, мною были произведены тщательные осмотры помѣщеній Императорской Семьи, причемъ никакихъ указаній на сношенія Императорскаго Дома съ нѣмецкимъ во время войны установлено не было. При провѣркѣ же слуховъ объ исключительномъ благожелательномъ отношеніи Императрицы къ раненымъ военно плѣннымъ нѣмцамъ, выяснилось, что отношеніе Ея къ раненымъ военно плѣннымъ нѣмцамъ было такимъ же одинаково теплымъ, какъ и къ раненымъ русскимъ воинамъ, причемъ такое свое отношеніе къ раненымъ Императрица объясняла выполненіемъ завѣта Спасителя, говорившаго, что кто «посѣтитъ больного, тотъ посѣтитъ Меня Самого». Въ силу многихъ обстоятельствъ,въ томъ числѣ и постояннаго болѣзненнаго состоянія Императрицы, вслѣдствіе болѣзни сердца, Царская Семья вела чрезвычайно замкнутый образъ жизни, что естественно способствовало самоуглубленію и развитію религіознаго чувства, принявшаго у Государыни совершенно исключительный, преобладающій характеръ. На почвѣ этой религіозности Императрица Александра Федоровна вводила монастырскій уставъ богослуженія въ нѣкоторыхъ придворныхъ церквахъ и съ особымъ наслажденіемъ, не смотря на болѣзненное состояніе, выстаивала до конца длившіяся долгими часами службы. Это же исключительно религіозное настроеніе Императрицы послужило единственной причиной преклонія Ея передъ личностью Григорія Распутина, который, обладая способностью внушенія, несомнѣнно благотворно дѣйствовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на состояніе здоровья тяжко-больного Наслѣдника. При этомъ, вслѣдствіе своей религіозной настроенности Императрица не могла объективно оцѣнивать источникъ несомнѣнно поразительнаго

вліянія Распутина на состояніе здоровья Наслѣдника и искала этотъ источникъ не въ гипнотической силѣ, а въ тѣхъ высшихъ небесныхъ силахъ, которыми былъ надѣленъ, по Ея глубокому убѣжденію, за свою святую жизнь Распутинъ. Года за полтора до переворота 1917 года извѣстный бывшій монахъ Иліодоръ Труфановъ, прислалъ въ Петроградъ изъ Христіаніи свою жену съ порученіемъ предложить Царской Семьѣ купить у него въ рукописи написанную имъ книгу, выпущенную впослѣдствіи подъ заглавіемъ: «Святой Чортъ» гдѣ онъ описываетъ отношеніе Царской Семьи къ Распутину, набрасывая на эти отношенія скабрезную тѣнь. Этимъ вопросомъ заинтересовался Департаментъ Полиціи, и на свой рискъ и страхъ вступилъ въ переговоры съ женой Иліодора о пріобрѣтеніи книги, за которую Иліодоръ просилъ, на сколько помню, 60.000 руб. Въ концѣ концовъ дѣло было представлено на усмотрѣніе Императрицы Александры Федоровны, которая съ негодованіемъ отвергла гнусное предложеніе Иліодора, заявивъ, «что бѣлое не сдѣлаешь чернымъ, а чистаго человѣка не очернить».

Заканчивая этотъ очеркъ, считаю нужнымъ отмѣтить, что въ дѣлѣ проведенія Распутина ко Двору принимали въ свое время особо горячее участіе Епископы Феофанъ и Гермогенъ. По этому отношеніе Императрицы къ Распутину было съ первыхъ же шаговъ довѣрчиво благожелательнымъ и съ теченіемъ времени оно только усилилось, вслѣдствіе указанныхъ уже выше причинъ.

В. М. Рудневъ.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II.

Спи Государь. Тебя добромъ помянетъ,
Благословитъ несчастный Твой народъ,
Спи съ твердой вѣрою, что время то настанетъ,
Когда убійцъ Твоихъ Россія проклянетъ.

Прости-же ей предсмертныя всѣ муки,
Обиды всѣ прости и позабудь,
Смотри — она ужъ тянетъ къ небу руки
И бьетъ въ тоскѣ въ свою больную грудь.

Смотри, она несчастная какая,
Какъ вся въ огнѣ горитъ Россія — мать,
Какъ вкругъ нея волковъ собралась стая
И по частямъ стремится разорвать...

Прости-жъ ее и спи, нашъ Царь, спокойно,
Пускай ничто Твой не тревожитъ прахъ,
А по Тебѣ, на цѣлый міръ достойно,
Мы тризну справдуемъ на вражескихъ поляхъ.

Вѣрь Государь — за все придетъ расплата
И вспомнитъ міръ про Русь, какъ было встарь,
Увидитъ вновь онъ Царскаго солдата...
Пока-же спи спокойно, Государь.

В. Петрушевскій.

Что есть и чего нѣтъ въ „Воспоминаніяхъ графа С. Ю. Витте".

Воспоминанія столь выдающихся государственныхъ дѣятелей, какимъ несомнѣнно былъ С. Ю. Витте, неизмѣнно возбуждая значительный интересъ современниковъ, составляютъ одновременно въ большинствѣ случаевъ цѣнный историческій матеріалъ. Однако въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо къ подобнымъ воспоминаніямъ относиться cum grano salis.

Въ особенности такая осторожность обязательна, когда воспоминанія, написаны ихъ авторами не по мѣрѣ хода событій, въ которыхъ они принимали участіе, а много времени спустя, когда послѣдующее представило въ иномъ свѣтѣ многое изъ предыдущаго, когда на опытѣ выявилась ошибочность однихъ взглядовъ, мнѣній и мѣропріятій и правильность другихъ. Еще съ вящей осторожностью приходится довѣряться воспоминаніямъ, составленнымъ государственными дѣятелями уже въ то время, когда они, по тѣмъ или инымъ причинамъ, перестали быть у власти, лишились возможности вліять на ходъ государственнаго корабля. Беспристрастное отношеніе къ лицамъ, замѣнившимъ ихъ у власти, а тѣмъ болѣе къ такъ или иначе повліявшимъ на ихъ устраненіе отъ активной государственной дѣятельности, составляетъ удѣлъ весьма немногихъ политическихъ дѣятелей, причемъ въ полной мѣрѣ оно едва ли даже доступно человѣческой природѣ.

Появившіяся въ печати воспоминанія графа Сергѣя Юльевича Витте принадлежатъ именно къ числу тѣхъ, которыя написаны въ этихъ послѣднихъ условіяхъ. Отставленный отъ дѣлъ еще въ ту пору жизни, когда человѣкъ обладаетъ всѣми своими умственными и физическими силами, Витте при его жаждѣ кипучей дѣятельности

и долголѣтней привычкѣ къ огромной, а въ нѣкоторыхъ областяхъ почти неограниченной власти, не могъ не тяготиться своей вынужденной бездѣятельностью и долженъ былъ горько чувствовать утрату возможности властно вмѣшиваться въ ходъ событій и налагать на нихъ печать своей мысли, своего творчества.

Естественно, что составленныя имъ при такихъ условіяхъ воспоминанія, принимая къ тому же во вниманіе его страстную природу, должны носить отпечатокъ нѣкоторой озлобленности и одновременно, въ поискахъ утѣшенія въ прошломъ, представлять это прошлое въ исключительно выгодномъ для автора свѣтѣ. Въ виду этого оставленныя Витте воспоминанія въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ не только не будутъ способствовать правильному уразумѣнію хода историческихъ событій и той роли, которую игралъ въ нихъ авторъ, а наоборотъ затуманятъ ихъ и затруднятъ правильную оцѣнку государственной дѣятельности какъ самого Витте, такъ и его современниковъ.

При нормальныхъ условіяхъ государственной жизни, когда хранятся въ неприкосновенности всѣ государственные архивы и имѣются для ихъ воспособленія архивы частные, историкъ не встрѣчаетъ особыхъ затрудненій выяснить степень того довѣрія, которое заслуживаютъ тѣ или иныя, касающіяся государственной жизни, частныя записи. Иное, увы, представляетъ нынѣ Россія.

Въ томъ трагическомъ балаганѣ въ который превратила нашу родину хозяйничающая въ ней шайка преступныхъ изувѣровъ едва ли сохранятся въ сколько нибудь достаточной степени государственные документы и офиціальныя, а тѣмъ болѣе частныя бумаги и письма, на основаніи которыхъ будущій историкъ окажется въ состояніи правильно уразумѣть ту интереснѣйшую эпоху русской исторіи, къ которой относятся воспоминанія графа Витте. Воспоминанія эти тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ конечно еще вящее значеніе. Слѣдуетъ въ виду этого быть благодарнымъ лицамъ, нынѣ же предавшимъ гласности разсматриваемыя воспоминанія, т. е. когда еще живы многія лица, близко знавшія ихъ покойнаго автора, сами принимавшія то или иное участіе въ описанныхъ имъ событіяхъ, либо имѣвшія возможность быть въ курсѣ того, что творилось въ правительственныхъ кругахъ и высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Думается, что прямая обязанность такихъ лицъ основательно ознакомиться съ мемуарами графа Витте и отмѣтить въ нихъ все то, что, въ предѣлахъ ихъ свѣдѣній, не согласуется съ дѣйствительностью, пытаясь одновременно дополнить ихъ тѣми, касающимися

дѣятельности гр. Витте, данными, которыя имъ случайно или умышленно обойдены либо опущены.

Послѣднее, быть можетъ, особенно желательно, такъ какъ достаточно даже бѣгло прочесть мемуары Витте, чтобы убѣдиться, что ихъ особенностью является не столько невѣрное изложеніе фактовъ, сколько ихъ одностороннее освѣщеніе и крайняя неполнота. Настоящій краткій очеркъ, не имѣя конечно притязанія разсмотрѣть все содержаніе воспоминаній гр. Витте, а тѣмъ болѣе пополнить всѣ ихъ многочисленные пробѣлы, вызванъ желаніемъ дать толчекъ въ этомъ направленіи, внеся свою малую лепту въ это дѣло.

Обращаясь къ содержанію мемуаровъ Витте, этого крупнаго политическаго дѣятеля, несомнѣнно наложившаго печать своего творчества на цѣлую эпоху русской государственной жизни, надо прежде всего указать, что они не заключаютъ послѣдовательнаго, изложеннаго въ какомъ бы то ни было заранѣе установленномъ порядкѣ, очерка его дѣятельности. Не даютъ эти воспоминанія и общей картины русской государственной жизни, описанія тѣхъ внутреннихъ силъ, изъ которыхъ слагалась и которыми жила дореволюціонная Россія. Нѣтъ въ нихъ и сколько нибудь полнаго изложенія той общей программы, которой придерживался и которую стремился провести въ жизнь Витте и притомъ не только въ области общей политики, но и въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ политики экономической, которую однако Витте всецѣло направлялъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ.

Въ сущности воспоминанія эти представляютъ рядъ отдѣльныхъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ очерковъ, изъ которыхъ каждый касается какой либо одной стороны дѣятельности автора, почти безъ всякой связи съ остальными, хотя силою вещей стороны эти на дѣлѣ взаимно переплетались, составляя, въ конечномъ результатѣ, одно цѣлое. Эта оторванность отдѣльныхъ частей, въ особенности въ связи съ отмѣченнымъ уже отсутствіемъ, какой либо послѣдователчности въ изложеніи событій, затрудняетъ не только разборъ мемуаровъ Витте, но даже ихъ правильное уразумѣніе, такъ какъ заключающіяся въ нихъ довольно многочисленныя противорѣчія трудно благодаря этому обнаружить.

Однако отличительной особенностью воспоминаній является то самовосхваленіе, которымъ они дышатъ, можно сказать, отъ первой страницы до послѣдней. Въ результатѣ получается неизгладимое впечатлѣніе, что самая цѣль составленія записокъ состояла

исключительно въ возвеличенiи себя и, увы, въ приниженiи всѣхъ прочихъ современныхъ ему русскихъ государственныхъ дѣятелей.

Страстная натура Витте лишала его возможности объективнс относиться къ своимъ политическимъ противникамъ, а тѣмъ болѣе личнымъ недругамъ, но можно было думать, что разумъ ему подскажетъ необходимость соблюсти внѣшнiя формы и отказаться отъ награжденiя своихъ оппонентовъ ничѣмъ не подкрѣпленными бранными эпитетами. Природная страстность очевидно взяла верхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ привела Витте къ совершенно неожиданнымъ для читателя выводамъ. Къ ихъ числу относится, напримѣръ, заявленiе, что «такъ какъ Романовъ (временно управлявшiй министерствомъ финансовъ послѣ смерти Плеске) былъ человѣкъ превосходныхъ принциповъ, безусловно честный и обладающiй обширными финансовыми познанiями, то онъ не могъ долго удержаться на этомъ посту». Въ у тахъ Витте, удержавшагося на этомъ посту болѣе десяти лѣтъ подобное удостовѣренiе, — если только признать его правильнымъ — наводитъ на мысли, едва ли соотвѣтствующiя тѣмъ, которыя онъ желалъ имъ вызвать.

Этими весьма краткими общими замѣчанiями возможно ограничить общую характеристику воспоминанiй Витте, отнеся дальнѣйшую ихъ оцѣнку и разборъ къ заключающимся въ нихъ отдѣльнымъ частямъ. Однако и эти части, думается, лучше всего распредѣлить по отдѣльнымъ перiодамъ и различнымъ отраслямъ дѣятельности этого крупнаго, неутомимаго и неугомоннаго государственнаго работника, являвшагося въ теченiе многихъ лѣтъ, если не формальнымъ, то фактическимъ главой всего русскаго правительства.*)

---

*) Настоящiй очеркъ составленъ по французскому изданiю воспоминанiй Витте, а слѣдовательно всѣ цитаты представляютъ переводъ съ французскаго текста. По этому поводу нельзя не указать, что мемуары Витте, по крайней мѣрѣ въ переводахъ на иностранные языки, изданы чрезвычайно небрежно. Мемуары эти очевидно не были просмотрѣны кѣмъ либо сколько-нибудь знакомымъ съ русскимъ государственнымъ строемъ и съ изложенными въ нихъ событiями, благодаря чему въ нихъ вкрались очевидныя описки. Такъ, напримѣръ, покойный наслѣдникъ Николай Александровичъ, старшiй сынъ Императора Александра II, въ нихъ названъ Георгiемъ Александровичемъ; назначенiе Сипягина министромъ внутреннихъ дѣлъ, состоявшееся осенью 1899 г., отнесено къ 1902 году — времени его убiйства; относительно особаго совѣщанiя о нуждахъ дворянскаго сословiя сказано, что оно продолжалось три дня, вмѣсто пяти лѣтъ, какъ это было въ дѣйствительности; про Столыпина сказано, что онъ прерывалъ сессiи законодательныхъ палатъ на сроки, достигавшiе трехъ лѣтъ, хотя все управленiе Столыпина продолжалось лишь пять лѣтъ, причемъ сессiи Государственной Думы, избранной по закону 3-го iюня 1907 г., при немъ были прерываемы не иначе какъ по соглашенiю съ самой Думой. Исключенiе составило

I.

С. Ю. Витте — Министръ Финансовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что творческая энергія Витте нашла себѣ наибольшее примѣненіе въ области экономики. За свое десятилѣтнее управленіе министерствомъ финансовъ Витте сосредоточилъ въ немъ разрѣшеніе, кромѣ вопросовъ, непосредственно касающихся собственно государственныхъ финансовъ, еще и вопросы, относящіеся къ торговлѣ и промышленности, всю желѣзнодорожную, какъ стро-

---

лишь прекращеніе занятій Государственной Думы на очень короткій, насколько помнится недѣльный срокъ, послѣдовавшее съ спеціальной цѣлью. Сопоставляя разныя страницы воспоминаній оказывается, что Витте былъ одновременно Предсѣдателемъ Комитета Министровъ, Совѣта Министровъ и Государственнаго Совѣта, хотя послѣднимъ онъ никогда не былъ; среди министровъ, приглашенныхъ Витте въ образованный имъ въ 1905 году кабинетъ, упомянутъ кн. Хилковъ, хотя произошло обратное, а именно взамѣнъ кн. Хилкова, на постъ министра путей сообщенія, имъ былъ приглашенъ Немѣшаевъ, о чемъ впрочемъ нѣсколькими строками далѣе и упомянуто; министромъ юстиціи въ кабинетѣ Витте названъ Манухинъ, между тѣмъ должность эту занималъ Акимовъ. Планы о высадкѣ нашихъ войскъ на Босфорѣ отнесены къ декабрю 1896 г., тогда какъ они зародились осенью 1895 г. и подробно обсуждались въ особомъ совѣщаніи въ январѣ 1896 года. Впрочемъ относительно этихъ плановъ Витте очевидно не былъ вполнѣ освѣдомленъ, такъ какъ онъ не упомянулъ про главное, а именно про согласіе Императора Вильгельма, въ то время еще не имѣвшаго видовъ на ближній востокъ, на наше укрѣпленіе на Босфорѣ и даже на занятіе нами Константинополя, что имъ было опредѣленно высказанно Великому Князю Владиміру Александровичу, при его проѣздѣ въ концѣ 1895 года черезъ Берлинъ. Таковы главныя изъ вкравшихся въ французское изданіе мемуаровъ Витте грубыхъ ошибокъ, которыя, если они дѣйствительно имѣются въ подлинникѣ, несомнѣнно являются простыми описками.

Но что сказать про самый переводъ на иностранные языки.

Французскій переводъ, сдѣланный не съ русскаго, а съ англійскаго текста (о чемъ можно судить по нѣкоторымъ, оставшимся въ переводѣ англійскимъ словамъ), представляетъ нѣчто совершенно фантастическое. Переводчикъ очевидно не зналъ ни того языка, съ котораго онъ переводилъ, ни того, на который онъ переводилъ. О слабомъ знакомствѣ съ англійскимъ языкомъ можно судить по тому, что китайской императрицѣ онъ придалъ имя Dowager хотя по англійски это слово обозначаетъ — вдовствующая, такъ же точно какъ онъ призналъ за отдѣльное лицо и принадлежащую ему фамилію опредѣленіе должности кн. Долгорукова — гофмаршала Двора (Lord high Marschal). Но жемчужинами французскаго перевода надо признать слѣдующіе; продовольственные транспорты — «transports de conserves», священная дружина — «sainte fraternité», Германія — la Germanie, (очевидно съ англійскаго — Germany); Саровскій святой — «Saint Sarow». Статсъ секретарь департамента Государственной экономіи превратился въ переводѣ въ секретаря департамента сберегательныхъ кассъ (secretaire du departement de l'Epargne); главноуправляющій Собственной Е. В. Канцеляріей по принятію прошеній — въ предсѣдателя Судебной Палаты (prési-

ительную, такъ и тарифную политику и, наконецъ, отпускъ средствъ на потребности сельскаго хозяйства да и вообще на осуществленіе почти всѣхъ сколько нибудь важныхъ государственныхъ предпріятій. Къ сожалѣнію именно этой несомнѣнно во многомъ блестящей страницѣ своей дѣятельности Витте удѣлилъ въ своихъ мемуарахъ едва ли не наименьшее мѣсто. Ему посвящена лишь одна глава воспоминаній всего страницъ въ 30, причемъ здѣсь, какъ уже упомянуто, напрасно было бы искать той общей программы, которую проводилъ Витте въ цѣляхъ подъема русскаго государственнаго и народнаго хозяйства. Подобно остальнымъ частямъ воспоминаній

---

dent de la cour d'appel); комитетъ министровъ — въ министерскую комиссію, а временно управлявшій канцеляріей этого комитета Вуичъ, во временнаго его предсѣдателя, хотя тутъ же имъ состоитъ Витте. Немудрено, что при такихъ условіяхъ французскій переводъ во многихъ мѣстахъ совершенно искажаетъ мысль автора. Достаточно для примѣра указать, что слово «государственный» переводчикъ неизмѣнно передаетъ словомъ impérial, извращая этимъ смыслъ сказаннаго и даже лишая его иногда всякаго смысла. Поражаетъ наконецъ простая безграмотность французскаго текста съ употребленіемъ выраженій французскому языку совершенно неизвѣстныхъ и для французовъ непонятныхъ какъ, напримѣръ «chasser un coin par l'autre» (клинъ клиномъ вышибать) или «une maison divisée sur elle-même» (вѣроятно - храмина раздѣлившаяся на ся). Что же касается стилистическихъ, синтаксическихъ и грамматическихъ ошибокъ, то ими пестрятъ рѣшительно всѣ страницы перевода.

Немалое смущеніе вызываетъ и несовпаденіе французскаго текста съ англійскимъ, въ смыслѣ ихъ содержанія. Отдѣльные эпизоды, заключающіеся въ англійскомъ изданіи, во французскій текстъ не вошли вовсе.

Недавно появившійся, послѣ составленія настоящаго очерка, русскій текстъ перваго тома воспоминаній Витте, вызываетъ уже полное недоумѣніе. Въ немъ ни расположеніе отдѣльныхъ частей, ни мѣстами самое изложеніе не совпадаютъ съ иностранными переводами воспоминаній. Изъ этого русскаго изданія перваго тома выясняется, что самыя воспоминанія Витте состоятъ изъ двухъ различныхъ частей, изъ которыхъ одна, собственноручныя записи автора, представляющія изложеніе отдѣльныхъ эпизодовъ, изложеніе совершенно необработанное, а другая — «стенографическую» передачу устно имъ изложенныхъ воспоминаній и сужденій. Однако слово «стенографическая» (запись) здѣсь очевидно надо понимать условно такъ какъ ни по стилю вообще, ни по обработанности запись эта очевидно не представляетъ дословной передачи разсказа Витте.

Пристрастность Витте, столь ярко обнаруживающаяся въ его воспоминаніяхъ, уже сама по себѣ лишаетъ ихъ въ извѣстной мѣрѣ значенія того первостепеннаго историческаго матеріала, которымъ несомнѣнно могли бы быть мемуары человѣка, въ теченіе долгаго періода являвшагося если не формальнымъ, то фактическимъ главой русскаго правительства. Способъ же ихъ изданія отнимаетъ у напечатеннаго текста всякую достовѣрность до такой степени, что въ концѣ концовъ не знаешь, да что же собственно заключаетъ подлинникъ, что изъ него изъято, а что быть можетъ и добавлено. Историку, когда онъ будетъ пользоваться воспоминаніями гр. Витте, пріійдется прежде всего выяснить ихъ подлинное содержаніе.

глава эта заключаетъ лишь описаніе отдѣльныхъ, осуществленныхъ Витте мѣропріятій, причемъ и эти описанія отличаются краткостью и неполнотой.

Всѣмъ извѣстно, что главныя мѣры, осуществленныя Витте въ области государственнаго хозяйства — введеніе винной монополіи и установленіе у насъ золотой валюты.

Относительно винной монополіи Витте признаетъ, что иниціатива ея введенія принадлежала Императору Александру III, причемъ его цѣлью проведенія этой мѣры было сокращеніе народнаго пьянства. По словамъ Витте эту цѣль не переставалъ преслѣдовать и онъ за все свое управленіе министерствомъ финансовъ, но что съ его уходомъ реформа эта была совершенно извращена и служила исключительно орудіемъ пополненія кассъ государственнаго казначейства.

Съ утвержденіемъ этимъ едва ли можно согласиться. Какъ послѣ Витте, такъ и при немъ поступленія отъ продажи водки составляли главную доходную часть нашего бюджета и объ ихъ увеличеніи м-ры финансовъ поневолѣ не переставали заботиться. Въ сущности на этомъ доходѣ былъ построенъ и зиждился весь бюджетъ. Защищая передъ Государственнымъ Совѣтомъ предположенную реформу — введеніе казенной продажи водки — Витте былъ болѣе скроменъ. Въ то время онъ указывалъ на огромный вредъ, который приноситъ народному здравію потребленіе водки не ректификованной а лишь весьма примитивнымъ способомъ очищенной, благодаря чему въ ней оставались значительныя количества сивушнаго масла, разрушительно дѣйствующаго на человѣческій организмъ. Это зло, говорилъ Витте, съ введеніемъ казенной продажи будетъ въ корнѣ уничтожено; иного кромѣ ректификованнаго, т. е. совершенно очищеннаго отъ сивухи, спирта въ продажу пущено не будетъ. Обѣщаніе это было исполнено, разумѣется, не безъ пользы для народнаго здравія Другимъ послѣдствіемъ уничтоженія вольной продажи водки должно было быть закрытіе кабаковъ и производство продажи водки, за исключеніемъ трактировъ опредѣленныхъ (высшихъ) разрядовъ, только на выносъ. Предполагалось, что мѣра эта въ значительной степени сократитъ пьянство, приведя къ болѣе равномѣрному потребленію населеніемъ хлѣбнаго вина. Витте при этомъ справедливо указывалъ, что душевое потребленіе спирта въ Россіи ниже нежели въ государствахъ Западной Европы, но за то принимаетъ болѣе уродливыя формы, а именно непомѣрное потребленіе его въ извѣстные періоды (праздники и воскресные дни)

и полное воздержаніе отъ него въ остальное время. При этомъ Витте даже демонстрировалъ въ Государственномъ Совѣтѣ небольшую рюмку, говоря, что если русскій человѣкъ будетъ ежедневно выпивать по одной подобной рюмкѣ, то вреда это ему безъ сомнѣнія не принесетъ, между тѣмъ общій сбытъ водки не только не сократится, а возрастетъ. Такимъ образомъ Витте впередъ указывалъ, что предположенная реформа не повлечетъ уменьшенія государственныхъ доходовъ, а лишь введетъ потребленіе водки въ опредѣленныя рамки, лишивъ его тѣмъ самымъ вредныхъ послѣдствій.

На практикѣ послѣднее, какъ извѣстно, не оправдалось. Указаніе, сдѣланное Витте въ его воспоминаніяхъ, что при казенной продажѣ хлѣбнаго вина, самое производство спирта можетъ быть ограничено количествомъ необходимымъ для покрытія средствами получаемыми отъ этой операціи государственныхъ расходовъ, такъ какъ государство является при этой системѣ единственнымъ покупателемъ спирта у его производителя, поражаетъ вѣрою Витте въ наивность читателя. Дѣйствительно, когда же наши государственные доходы были достаточны для покрытія всѣхъ государственныхъ потребностей. Естественно, что производство водки неизмѣнно нормировалось министерствомъ финансовъ соотвѣтственно размѣрамъ спроса, а отнюдь не указаннымъ Витте соображеніемъ. Не встрѣчали на практикѣ сочувствія министерства финансовъ и попытки самого населенія бороться съ пьянствомъ, а именно мірскіе приговоры сельскихъ обществъ о полномъ прекращеніи продажи водки въ ихъ предѣлахъ. Приговоры эти подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, по протестамъ агентовъ акцизнаго вѣдомства, нерѣдко отмѣнялись. Словомъ заявленіе Витте, что онъ серьезно боролся съ народнымъ пьянствомъ, вѣрнѣе, что онъ стоялъ за сокращеніе продажи водки, на дѣлѣ ни въ чемъ рѣшительно не выразилось. Энергичный во всѣхъ своихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ Витте, если бы дѣйствительно имѣлъ это намѣреніе, нашелъ бы пути и способы для его осуществленія. Вѣдь нельзя же признать устройство попечительствъ о народной трезвости въ особенности при тѣхъ ничтожныхъ средствахъ, которыя имъ предоставлялись, сколько нибудь дѣйствительной мѣрой въ этомъ направленіи.

Несправедливы нападки Витте и на его замѣстителя по мин-ству финансовъ въ смыслѣ приписыванія ему такихъ распоряженій, которыя способствовали усиленію народнаго пьянства. Политика послѣдующихъ послѣ Витте министровъ финансовъ ни въ чемъ не отличалась въ этомъ дѣлѣ отъ его собственной политики. Повы-

шеніе цѣны на водку, вызванное расходами по веденію Японской войны, могло привести къ уменьшенію народныхъ достатковъ, но отнюдь не къ увеличенію самого потребленія водки.

Всего этого Витте не могъ не сознавать лучше кого либо, но это, однако, не удержало его отъ яростныхъ нападокъ на м-во финансовъ, когда въ законодательныхъ учрежденіяхъ въ сессію 1913-1914 г. г. въ нихъ обсуждался внесенный самимъ финансовымъ вѣдомствомъ проектъ правилъ, преслѣдовавшихъ именно сокращеніе пьянства. Тогда имъ было пущено крылатое слово, что онъ хотѣлъ создать изъ винной монополіи барышню, а его замѣстители превратили ее въ уличную дѣвку (Витте выражался болѣе рѣшительно). Тогда же въ рѣчи, произнесенной въ Государственномъ Совѣтѣ, прокричалъ онъ свое столь нашумѣвшее «караулъ». Но, увы, это уже не былъ прежній физически сильный, а нравственно безудержно напористый Витте; въ стѣнахъ Маріинскаго дворца рѣчь его, сказанная слабѣющимъ, хриплымъ голосомъ не имѣла успѣха, а выкрикъ произвелъ впечатлѣніе комическое. Къ тому же черезчуръ ясна была для всѣхъ цѣль, къ которой стремился Витте, а именно вновь быть призваннымъ къ власти. Дѣйствительно всѣмъ было въ то время извѣстно, что Государь весьма озабоченъ изысканіемъ рѣшительныхъ мѣръ для насажденія трезвости въ странѣ, (что и привело къ полному прекращенію продажи водки при объявленіи войны въ 1914 году) и можно съ увѣренностью сказать, что Витте въ глубинѣ души таилъ надежду именно на этомъ ходѣ вернуть утраченное имъ довѣріе Монарха.

Не отличается полнотой и часть записокъ Витте, относящаяся ко введенію въ Россіи золотой валюты. Прежде всего онъ совершенно забылъ упомянуть, что вступая въ управленіе министерствомъ финансовъ онъ имѣлъ лишь слабое представленіе о финансовой наукѣ и практикѣ. Это не мѣшало ему однако съ присущей ему самоувѣренностью немедленно намѣтить самыя рѣшительныя реформы, круша всѣ установившіеся въ финансовомъ вѣдомствѣ пріемы и традиціи. Среди этихъ реформъ Витте имѣлъ въ виду отнюдь не введеніе золотой валюты, а наоборотъ, въ цѣляхъ оживленія народнаго хозяйства, «насыщеніе мельчайшихъ каналовъ денежнаго обращенія» путемъ увеличенія выпуска кредитныхъ знаковъ. Систему эту поддерживалъ Катковъ, содѣйствовавшій назначенію Витте главой финансоваго вѣдомства и едва ли не на этой почвѣ въ связи съ заявленіемъ Витте о возможности построить великій сибирскій путь на бумажныя деньги и состоялось его назначеніе.

Старикъ Бунге, прiѣхавшiй, по словамъ Витте, убѣждать его не дѣлать новыхъ выпусковъ кредитныхъ знаковъ, съ чего Витте началъ свое управленiе финансовымъ вѣдомствомъ, былъ, конечно, хорошо освѣдомленъ о намѣренiяхъ Витте. Если Бунге дѣйствительно получилъ при этомъ въ отвѣтъ, какъ утверждаетъ Витте въ своихъ мемуарахъ, что мѣра эта только временная, то лишь потому, что авторъ мемуаровъ неизмѣнно избѣгалъ возстанавливать противъ себя сколько нибудь влiятельныхъ лицъ. Весьма обычной фразой въ устахъ Витте была «я вполнѣ съ Вами согласенъ при извѣстныхъ условiяхъ», затѣмъ далѣе нерѣдко слѣдовало даже усиленiе мнѣнiя собесѣдника, хотя оно шло въ разрѣзъ съ дѣйствiями самого Витте.

Какъ ни на есть въ первую пору финансовой дѣятельности Витте онъ настолько держался иного взгляда по вопросу о денежномъ обращенiи, что остановилъ осуществленiе мѣръ не только намѣченныхъ, но уже отчасти проведенныхъ его предшественниками Бунге и Вышнеградскимъ для укрѣпленiя нашей денежной единицы. Дѣйствительно мысль утвердить нашъ рубль въ золотѣ была выдвинута Бунге, а приступлено къ ея осуществленiю Вышнеградскимъ, но о послѣднемъ Витте тоже забылъ упомянуть въ своихъ мемуарахъ.

Вдохновителемъ финансовой политики Витте былъ первоначально взятый имъ себѣ въ товарищи профессоръ кiевскаго университета Антоновичъ, а послѣднiй опредѣленно стоялъ за развитiе торговли и промышленности посредствомъ увеличенiя количества денежныхъ знаковъ, обращающихся въ странѣ. Въ этихъ видахъ Антоновичемъ былъ переработанъ уставъ Государственнаго Банка, согласно которому банку предоставлялось значительно расширить свою дѣятельность въ области выдачи ссудъ какъ крупной такъ и мелкой промышленности. Едва однако уставъ этотъ получилъ силу закона какъ Витте успѣлъ измѣнить свое отношенiе какъ къ вопросу о кредитномъ денежномъ обращенiи, такъ и къ самому защитнику бумажныхъ денегъ Антоновичу. Здѣсь именно проявились въ полной мѣрѣ финансовыя способности Витте. Онъ необычайно быстро разобрался въ мало знакомой ему до тѣхъ поръ области и не остановился передъ рѣшительнымъ измѣненiемъ своей первоначальной политики, причемъ разстался и съ Антоновичемъ. Послѣдняго въ качествѣ совѣтника по финансовымъ вопросамъ замѣнилъ при Витте, выписанный изъ Берлина и вступившiй въ составъ Правленiя Международнаго банка Ротштейнъ. При ближайшемъ участiи этого банкира и была осуществлена Витте денежная реформа, т. е.

укрѣплена въ золотѣ наша денежная единица, причемъ осуществлена не взирая на ожесточенное противодѣйствіе, которое она встрѣтила съ различныхъ сторонъ въ томъ числѣ и въ средѣ Государственнаго Совѣта. Оппозиція эта была настолько сильна, что Витте пришлось взять свой проектъ обратно и затѣмъ провести его черезъ финансовый комитетъ причемъ онъ получилъ силу закона Высочайшимъ указомъ. То было время, когда Витте былъ въ апогеѣ своей власти и не стѣснялся осуществлять задуманныя имъ мѣры вопреки всѣмъ и вся съ нарушеніемъ нормальнаго порядка, путемъ использованія неограниченной власти Самодержца. Способъ этотъ для самого Витте былъ отнюдь не безопасный такъ какъ не только возлагалъ всю отвѣтственность за принятыя рѣшенія на него одного, но и возбуждалъ противъ него весьма влiятельные круги. Надо отдать справедливость Витте передъ этой опасностью онъ не останавливался, рискуя тѣмъ самымъ подорвать и даже утратить свое положеніе. Но въ то время власть для Витте была не цѣлью, а лишь способомъ осуществленія своихъ творческихъ замысловъ, полемъ для приложенія своихъ недюжинныхъ силъ.

Если при изложеніи мѣропріятій, проведенныхъ имъ въ области государственнаго хозяйства, Витте лишь опускаетъ подробности, уменьшающія ихъ значеніе, или въ нѣкоторой степени суживающія его личное участіе въ ихъ замыслѣ и осуществленіи, то при описаніи своей политики въ дѣлѣ развитія народнаго хозяйства пробѣлы въ его воспоминаніяхъ гораздо значительнѣе.

Общеизвѣстна роль Витте въ развитіи русской промышленности. На ней онъ разумѣется и останавливается въ своихъ воспоминаніяхъ, распространяясь о ней однако значительно меньше чѣмъ можно было ожидать. Правда, что и здѣсь ему не чуждо нѣкоторое уклоненіе отъ дѣйствительности. Такъ онъ говоритъ, что привлекъ къ фабрично-заводской работѣ и желѣзнодорожному строительству отъ 4 до 5 милліоновъ рабочихъ, что значительно преувеличено ибо и все количество нашихъ рабочихъ въ промышленности достигло этой цифры лишь во время войны, когда наши заводы усиленно работали для военныхъ надобностей. Отрицать однако значеніе мѣръ, принятыхъ Витте въ этомъ направленіи конечно нельзя. Вліяніе этихъ мѣръ было потому особенно сильно, что они въ общей совокупности составляли цѣлую систему, направленную къ той же цѣли, что и создало ту атмосферу, въ которой русская промышленность получила возможность быстро и пышно расцвѣсти. Однако и здѣсь была тѣневая сторона и при томъ весьма существен-

ная, а именно что нѣкоторыя изъ проводимыхъ имъ мѣръ были искусственными и слѣдовательно долго ихъ примѣнять не было возможности, а съ ихъ прекращеніемъ нѣкоторыя отрасли промышленности стали замѣтно слабѣть. Это относится въ особенности къ металлургической промышленности, расцвѣтшей главнымъ образомъ благодаря казеннымъ заказамъ преимущественно для надобностей какъ находящихся въ эксплуатаціи, такъ въ особенности строющихся желѣзныхъ дорогъ. Съ прекращеніемъ этого строительства, занятые для этой цѣли заводы стали испытывать огромныя затрудненія для сколько нибудь полнаго использованія ихъ оборудованія.

Этой стороны вопроса Витте въ своихъ воспоминаніяхъ вовсе не касается, но за то подробно останавливается на описаніи возгорѣвшейся въ 1894 г. таможенной войны съ Германіей и на заключеніи вслѣдъ за-тѣмъ торговаго трактата съ этой державой. Здѣсь Витте болѣе чѣмъ гдѣ либо поетъ диѳирамбъ своимъ дѣйствіямъ, причемъ изъ его словъ оказывается, что изъ упомянутой войны мы вышли полными побѣдителями: — Германія приняла всѣ наши условія. Забываетъ Витте лишь то, что и мы приняли условія Германіи, благодаря чему война эта кончилась для насъ не столь успѣшно какъ онъ утверждаетъ. Правда Витте своей главной цѣли достигъ если не въ полной, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени, а именно Германія признала выработанный нами протекціонный тарифъ для многихъ издѣлій нашей промышленности, но достигъ онъ этого не безъ существенныхъ уступокъ Германіи въ дѣлѣ установленія ею высокихъ пошлинъ на хлѣбъ и нѣкоторыя другія произведенія нашего сельскаго хозяйства какъ, напримѣръ, на хмѣль.

Заключенный Витте съ Германіей торговый трактатъ былъ предметомъ многихъ и длительныхъ нападокъ на него со стороны нашихъ сельскихъ хозяевъ, равно какъ части нашей экономической прессы. Обстоятельство это Витте основательно запамятовалъ, точно также какъ всю свою политику въ отношеніи основной отрасли русскаго народнаго труда — земледѣлія. Забылъ онъ и про составленный по его порученію сборникъ экономическихъ статей подъ заглавіемъ «Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ», а между тѣмъ именно въ этомъ сборникѣ ключъ для уразумѣнія программы экономической политики Витте. Дѣйствительно, если на страницахъ своихъ воспоминаній Витте не воспроизвелъ этой программы, то это отнюдь не обозначаетъ что у него ея вовсе не было. Правда, программа эта сложилась не сразу и во всякомъ случаѣ готовой

программы при вступленіи въ управленіе министерствомъ финансовъ у Витте не было.

Математикъ по образованію, желѣзнодорожникъ по профессіи Витте до перехода на государственную службу, какъ уже упомянуто, обладалъ весьма ограниченнымъ багажемъ познаній въ области политической экономіи и даже финансовой науки. Въ сущности до этого перехода онъ былъ лишь знатокомъ желѣзнодорожнаго хозяйства и одновременно крупнымъ дѣльцомъ, отличавшимся выдающейся способностью практически смотрѣть на вещи и умѣть извлекать изъ нихъ непосредственную реальную пользу. Способность эта, въ связи съ умѣніемъ легко и быстро разбираться въ совершенно новыхъ дотолѣ не вѣдаемыхъ имъ вопросахъ и сдѣлала изъ Витте блестящаго министра финансовъ, но государственнаго дѣятеля въ полномъ смыслѣ этого слова изъ него все же не создала.

Цѣлыя области государственной жизни остались для Витте до конца его дней совершенно неизвѣстными и даже недоступными его пониманію. Къ тому же о Россіи и русскомъ народѣ онъ имѣлъ лишь смутное понятіе, что въ особенности обнаружилось въ бытность его въ 1905 г. главой правительства. Практическая смѣтливость, вотъ что неизмѣнно руководило Витте при разрѣшеніи имъ тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, съ которыми онъ сталкивался. Однако эта смѣтливость, помогая ему удачно, а иногда и блестяще разрѣшать вопросы дня, не давала ему того прозрѣнія въ будущее, безъ котораго нѣтъ истинныхъ творцовъ народнаго счастья и государственнаго величія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и программа экономической политики Витте была лишь программой дѣятельности данной минуты и отличалась той простотой концепціи, которая ему вообще была свойственна. Сводилась она въ сущности къ одному — накопленію наличныхъ денежныхъ средствъ въ государственной казнѣ и накопленію частныхъ капиталовъ въ странѣ. Сознавая разумѣется, что лучшимъ средствомъ пополненія государственныхъ средствъ является оживленіе хозяйственной жизни страны, къ этому оживленію онъ и стремился, но единственный способъ этого оживленія онъ видѣлъ въ развитіи промышленности и притомъ промышленности крупной, т. е. именно той, которая служитъ источникомъ накопленія частныхъ капиталовъ.

Поклонникъ Фридриха Листа, объ ученіи котораго онъ написалъ даже небольшое изслѣдованіе, Витте раздѣлялъ его взглядъ, что сельское хозяйство представляетъ ограниченное поле примѣненія людского труда, тогда какъ промышленность, не стѣсненная опре-

дѣленными физическими предѣлами может развиваться безгранично и слѣдовательно поглотить безпредѣльное количество труда. На сельское хозяйство въ соотвѣтствіи съ этимъ Витте смотрѣлъ какъ на необходимую, но чисто служебную отрасль народнаго хозяйства. Земледѣліе въ представленіи Витте (быть можетъ не ясно имъ самимъ сознанномъ, но четко выступавшемъ въ его мѣропріятіяхъ), должно давать пропитаніе населенію, но само по себѣ служить источникомъ его благосостоянія не можетъ. Именно отсюда проистекало его отрицательное отношеніе ко всѣмъ мѣрамъ, направленнымъ къ подъему сельскаго хозяйства.

Признавая въ своихъ воспоминаніяхъ, что благополучіе Россіи зависитъ отъ урожая, онъ прибавляетъ, что урожай этотъ зависитъ въ свою очередь отъ «капризныхъ силъ природы», а посему полагаться на него нельзя, очевидно не зная, что эти «капризныя силы» человѣкъ можетъ въ значительной степени себѣ подчинить и во всякомъ случаѣ смягчить ихъ вліяніе. Не зналъ повидимому Витте, что въ странахъ западной Европы неурожаи были еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ столь же частымъ явленіемъ какъ доселѣ у насъ въ Россіи, а нынѣ тамъ совершенно неизвѣстны. На западѣ Европы происходятъ и неизбѣжно будутъ происходить еще въ теченіи долгаго времени (с. х. техника въ будущемъ и это побѣдитъ) колебанія урожаевъ, но неурожаевъ въ точномъ смыслѣ слова тамъ нынѣ не бываетъ и быть не можетъ.

На первый взглядъ совершенно непонятно болѣе чѣмъ равнодушное отношеніе Витте къ происшедшему въ Россіи въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка неимовѣрному паденію цѣнъ на с. х. продукты, въ особенности на зерно, вызвавшему жестокій сельско-хозяйственный кризисъ. Наличность этого кризиса Витте попросту отрицалъ не то иронически, не то патетически восклицая въ представленной имъ всеподданнѣйшей запискѣ, «странный кризисъ когда цѣна на землю постоянно растетъ».*) Но при этомъ онъ не далъ себѣ труда

---

*) Заявленіе Витте, что цѣна на землю безпрерывно росла у насъ— тоже невѣрно. Достигнувъ въ черноземной полосѣ къ половинѣ 70-хъ годовъ приблизительно ста рублей за десятину, она оставалась неизмѣнной въ теченіи долгаго ряда лѣтъ и лишь въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка т. е. именно ко времени, къ которому относится всеподданнѣйшая записка Витте, начала вновь довольно рѣшительно повышаться. Но это повышеніе проявилось лишь когда с. х. кризисъ, достигшій своего апогея въ 1893—94 годахъ, началъ ослабѣвать. Повліяла на повышеніе стоимости земли и девальвація нашей денежной единицы, утвержденной, при введеніи золотой валюты, въ двухъ третяхъ ея прежней цѣнности.

отмѣтить, да повидимому не давалъ себѣ труда и выяснить соотвѣтствуетъ ли доходность земли, опредѣляя ее по учетному проценту, ея рыночной стоимости. Отрицать, что въ 90-хъ годахъ, т. е. именно въ годы управленія Витте министерствомъ финансовъ у насъ разразился с. хозяйственный кризисъ, по меньшей мѣрѣ странно. Когда на рожь цѣна въ Волжскихъ и многихъ центральныхъ губерніяхъ упала до 12 коп. за пудъ и даже въ Москвѣ, этомъ центрѣ внутренней хлѣбной торговли въ смыслѣ установленія именно ею средней цѣны на зерно внутри Россіи, немногимъ превышала 20 коп. за пудъ, Витте ограничился заказомъ упомянутаго уже изслѣдованія о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ. Надо было парировать указанія прессы на бѣдственность этого паденія цѣнъ на хлѣбъ для всего земледѣльческаго населенія Россіи, т. е. 80 % русскаго народа и вотъ Витте находитъ ученыхъ экономистовъ, которые на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ страницъ, съ помощью сложныхъ цифровыхъ выкладокъ устанавливаютъ въ качествѣ непреложной истины, что русскій крестьянинъ является не производителемъ зерна, по крайней мѣрѣ поступающаго на рынокъ, а потребителемъ его и что посему и для него дешевая цѣна на этотъ основной продуктъ его питанія выгодна.

Приходили къ этому выводу весьма простымъ путемъ, а именно — съ одной стороны увеличеніемъ количества душевого потребленія хлѣба крестьянствомъ, а съ другой — уменьшеніемъ размѣра крестьянскихъ урожаевъ и сокращеніемъ крестьянской посѣвной площади. При этомъ не были вовсе приняты во вниманіе земли, которыя состояли въ арендномъ или испольномъ пользованіи земледѣльческаго населенія. Конечно всѣ эти построенія не представляло никакого труда разрушить, но такъ какъ конечный выводъ ученыхъ изслѣдователей сводился къ тому, что высокія цѣны на хлѣбъ выгодны только для рентныхъ землевладѣльцевъ, то наша радикальная пресса не только не дала себѣ этого труда, но даже восхваляла появившееся изслѣдованіе.

«Вредно для «зубровъ», слѣдовательно превосходно для страны», вотъ изумительный по простотѣ и прямолинейности выводъ, который дѣлала радикальная часть общества. Между тѣмъ достаточно было принять во вниманіе, что изъ общаго количества получавшагося въ странѣ зерна болѣе милліарда пудовъ поступало на рынокъ и что этотъ милліардъ результатъ народнаго труда, чтобы убѣдиться, что не одни землевладѣльцы страдали отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, что отъ этого страдало все безъ исключенія сельское населеніе. Дѣй-

ствительно, если даже признать, что все это количество доставляли владѣльческія экономіи (что разумѣется не вѣрно), то и въ такомъ случаѣ значительную часть рыночной стоимости зерна (фактически въ ту пору почти всю его стоимость) составляла оплата затраченнаго на обработку почвы и уборку урожая труда того же крестьянскаго населенія. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ цѣна на зерно была ниже тѣмъ по неволѣ дешевле расцѣнивался и оплачивался затрачиваемый на его полученіе народный трудъ. Впослѣдствіи, когда цѣны на хлѣбъ значительно поднялись, положеніе это вполнѣ оправдалось: цѣна на сельскія рабочія руки стала быстро возрастать.

Спрашивается, можно ли признать что Витте съ его умомъ и практическимъ смысломъ не понималъ этого простѣйшаго и очевиднѣйшаго факта. Думается, что это не допустимо. Но въ такомъ случаѣ какъ же объяснить его безразличіе къ паденію цѣнъ на зерно? Быть можетъ невозможностью принять какія либо мѣры къ ихъ подъему? Но это не такъ. Вліять на міровыя цѣны на хлѣбъ, онъ, разумѣется, не могъ. Отъ цѣны зерна въ Германіи зависѣла въ значительной степени вся вообще наша экспортная цѣна хлѣба, которая въ свою очередь опредѣляла цѣну хлѣба внутри страны, но принудить Германію понизить таможенныя ставки на русскій хлѣбъ Витте не былъ въ состояніи. Для этого необходимы были по меньшей мѣрѣ уступки по нашимъ протекціоннымъ пошлинамъ на издѣлія германской промышленности, которыя нашу промышленность лишили бы возможности съ ней конкурировать даже на нашемъ внутреннемъ рынкѣ и слѣдовательно фактически убили бы многія ея отрасли. Все это такъ и тѣмъ не менѣе была возможность принять рядъ другихъ мѣръ къ поддержанію цѣны русскаго хлѣба на заграничныхъ рынкахъ или вѣрнѣе въ русскихъ портахъ; безъ этого хлѣба Западная Европа обходиться въ ту пору не могла. Такъ ничто не препятствовало устроить сѣть хлѣбныхъ элеваторовъ, ввести саррантную систему на хранящееся въ нихъ зерно, расширить кредитныя операціи подъ хлѣбъ, обезпечить доброкачественность хлѣба экспортируемаго заграницу и т. д. Дешевая цѣна русскаго хлѣба въ значительной степени проистекала отъ необходимости у его производителя, вслѣдствіе отсутствія у него достаточныхъ оборотныхъ, да и вообще всякихъ средствъ, немедленно реализировать весь урожай тотчасъ послѣ его уборки по любой существующей на рынкѣ цѣнѣ. Этимъ конечно пользовались скупщики зерна и заграничные экспортеры. Ежегодно къ осени т. е. ко времени умолота цѣна на хлѣбъ при сколько нибудь сносномъ урожаѣ въ

странѣ у насъ стремительно падала съ тѣмъ, чтобы нѣсколько подняться къ веснѣ. Перечисленныя мѣры могли бы оказать этому мощное противодѣйствіе. Не додуматься до нихъ Витте, разумѣется, не могъ, тѣмъ болѣе что ему объ этомъ твердили съ разныхъ сторонъ. И тѣмъ не менѣе Витте эти мѣры если и осуществлялъ, то въ столь ничтожныхъ размѣрахъ, что вліянія они никакого имѣть не могли. Послѣднее давало ему лишь возможность утверждать, что мѣры эти онъ принимаетъ, но расширить ихъ, что требуетъ затраты значительныхъ средствъ, онъ не можетъ такъ какъ опытъ указалъ, что они результатовъ не даютъ.

Но гдѣ же, гдѣ же причина столь непонятнаго упорства Витте въ этомъ вопросѣ? Причина несомнѣнно была, а состояла она въ томъ, что Витте, задавшійся цѣлью во что бы то ни стало насадить фабрично-заводскую промышленность въ Россіи, признавалъ необходимымъ обезпечить эту промышленность дешевыми рабочими руками. Въ этомъ въ сущности, при отсутствіи богатаго и емкаго внутренняго рынка, заключался главный шансъ русской промышленности въ ея борьбѣ съ промышленностью западно-европейской. Технически безмѣрно хуже оборудованная, нежели промышленность запада, имѣя въ своемъ распоряженіи рабочихъ не достаточно развитыхъ, лишь недавно привлеченныхъ къ фабрично-заводскому труду, а слѣдовательно не успѣвшихъ пріобрѣсти необходимые навыки для достиженія сколько нибудь высокой производительности въ работѣ, русская промышленность могла окрѣпнуть лишь при возможности пользоваться исключительно дешевой рабочей силой. Но разцѣнка рабочаго труда на той ступени экономическаго развитія, на которой находилась Россія, зависѣла почти исключительно отъ рыночной стоимости основныхъ продуктовъ питанія. Мало того безвыгодность земледѣльческаго промысла обезпечивала постоянный притокъ сельскихъ рабочихъ на фабрики и заводы. Такимъ образомъ удержаніе на низкомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ вполнѣ отвѣчало замысламъ Витте. А замыслы эти были грандіозные; въ своихъ воспоминаніяхъ онъ продолжаетъ утверждать, что пройдетъ немного лѣтъ какъ Россія превратится въ первую по промышленности страну міра.

Вотъ гдѣ, думается, надо искать разгадку отношенія Витте къ земледѣлію, а тѣмъ болѣе къ рентному с. хозяйству. Не будучи само по себѣ, ни при какихъ условіяхъ, источникомъ накопленія *свободныхъ* капиталовъ с. хозяйство въ случаѣ своего процвѣтанія т. е. при поглощеніи имъ большаго количества труда и высокой

оплатѣ этого труда, могло явиться серьезнымъ тормазомъ для развитія нашей фабрично-заводской промышленности, могущей окрѣпнуть только при дешевыхъ рабочихъ рукахъ.*) Ради этого Витте мирился даже съ уменьшеніемъ цѣнности нашего вывоза, происходящемъ вслѣдствіе дешевой расцѣнки главнаго его предмета — зерна, разсчитывая нашъ торговый и даже международный расчетный балансъ сбалансировать не путемъ увеличенія нашего вывоза, а посредствомъ сокращенія нашего ввоза. Замѣна издѣлій иностранной промышленности издѣліями промышленности отечественной по его мнѣнію должна была къ этому неминуемо привести.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что Витте былъ въ высшей степени государственникомъ, т. е. человѣкомъ, стремившимся не столько къ насажденію довольствія и счастья среди гражданъ страны, сколько къ обезпеченію величія и силы государства какъ цѣлаго. Въ соотвѣтствіи съ этимъ на отдѣльные слои населенія онъ смотрѣлъ преимущественно какъ на строительный матеріалъ государственной мощи. Россіи, по мнѣнію Витте, необходимо было во что бы то ни стало развить свою фабрично-заводскую промышленность, но достигнуть этого можно было только при несравненно

---

*) Дешевыя рабочія руки въ Россіи обезпечивали кромѣ того притокъ въ русскую промышленность иностранныхъ капиталовъ, а къ этому Витте также всемѣрно стремился. Говоря объ этой сторонѣ своей дѣятельности Витте однако значительно преувеличиваетъ сумму вложенныхъ въ русскія предпріятія иноземныхъ капиталовъ, опредѣляя ее въ количествѣ «нѣсколькихъ трилліоновъ рублей». Въ дѣйствительности сумма эта по приблизительнымъ расчетамъ министерства финансовъ опредѣлялась всего въ 800 мил. рублей. Совѣщаніе, бывшее подъ предсѣдательствомъ Государя, о которомъ упоминаетъ Витте въ своихъ мемуарахъ, состоялось въ Зимнемъ дворцѣ позднею осенью 1899 г. и возникло, о чемъ Витте не упоминаетъ, вслѣдствіе поданной имъ Государю записки, въ которой онъ, указывая на огромное значеніе прилива иностранныхъ капиталовъ въ Россію для оплодотворенія ея спящихъ силъ, ходатайствовалъ о высочайшемъ указаніи Комитету министровъ безпрепятственно утверждать всѣ уставы акціонерныхъ обществъ, образуемыхъ всецѣло или отчасти на иностранные капиталы независимо отъ соблюденія этими уставами условій, установленныхъ практикой К-та министровъ. Такими условіями обыкновенно были ограниченіе числа иностранныхъ поданныхъ, состоящихъ въ правленіи предпріятій, а также обязательное мѣстопребываніе этихъ правленій не заграницей, а въ предѣлахъ Россіи. Въ сущности предположенія Витте сводились къ полному упраздненію значенія К-та м-ровъ въ этомъ дѣлѣ: ему предоставлялось лишь право, или вѣрнѣе обязанность накладывать на представляемые ему проекты уставовъ разрѣшительныя клейма. Естественно, что на такую роль члены этого комитета согласиться не могли и бывшее подъ предсѣдательствомъ Государя совѣщаніе, высказавшись принципіально за привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, а отнюдь не противъ этого, какъ пишетъ Витте, сохранило за Комитетомъ министровъ принадлежавшія ему въ этомъ дѣлѣ права.

болѣе дешевой нежели на Западѣ оплатѣ рабочаго труда. Все что содѣйствовало удержанію рабочей платы на низкомъ уровнѣ тѣмъ самымъ отвѣчало планамъ Витте, судьба же самихъ рабочихъ его при этомъ мало интересовала.

Не входя въ дальнѣйшій разборъ правильности или ложности избраннаго Витте пути нельзя не отмѣтить, что о немъ онъ ни единымъ словомъ не оговорился въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ не упомянулъ о своемъ упорномъ противодѣйствіи всѣмъ разрабатывавшимся въ м-вѣ земледѣлія мѣрамъ интенсификаціи с. хозяйства.

Тутъ приходится вновь указать, что Витте былъ сыномъ своего вѣка — горячимъ поклонникомъ капиталистическаго строя и капитализма вообще. Но этотъ капитализмъ или вѣрнѣе его возрастаніе онъ видѣлъ въ торговлѣ, въ промышленности обрабатывающей и добывающей, въ банковской дѣятельности, но отнюдь не въ сельскомъ хозяйствѣ.

Обширная сельско-хозяйственная область была настолько чужда Витте, что онъ даже не понималъ, что для своего развитія она требуетъ такого же участія въ ней капитала, какъ и любая фабрично-заводская дѣятельность. Не постигалъ Витте и того, что если примѣненіе человѣческаго труда въ области земледѣлія ограничено извѣстными физическими предѣлами — опредѣленнымъ земельнымъ пространствомъ, то тѣмъ важнѣе интенсифицировать его. Не имѣя возможности увеличить поле примѣненія труда въ этой области количественно, по пространству воздѣлываемой земли, надо углубить его качественно, постепенно примѣняя на томъ же пространствѣ все большее количество труда съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ количества и качества получаемаго продукта. Не понималъ Витте и главнаго, а именно, что по мѣрѣ перехода все большаго количества населенія отъ земледѣлія въ другія отрасли труда, работники, остающіеся на землѣ, обязаны все интенсивнѣе использовать производительныя силы почвы, все больше обезопасить результатъ своего труда отъ «капризныхъ силъ природы». Словомъ земледѣліе по мѣрѣ увеличенія общей численности населенія изъ занятія простѣйшаго — когда земледѣлецъ требуетъ отъ земли имъ обрабатываемой пропитанія лишь для себя и членовъ своей семьи, — превращается въ занятіе труднѣйшее, коль скоро сельскій работникъ долженъ извлечь изъ земли количество продуктовъ, достаточное для прокормленія все возрастающей численно людской массы, непосредственно съ добываніемъ себѣ пищевыхъ продуктовъ не связанной. Въ этой стадіи развитія страны сельское хозяйство

безъ участія въ немъ кромѣ рабочей силы еще и капитала и сложныхъ техническихъ знаній исполнить своего призванія не можетъ.

Вполнѣ правильно признавая, что сельское хозяйство вслѣдствіе медленности его производства и слѣдовательно медленности оборота вложеннаго въ него капитала, соперничать съ фабрично-заводской промышленностью и торговлей въ дѣлѣ накопленія денежныхъ капиталовъ не можетъ, Витте упускалъ однако изъ виду, что увеличенію основного фонда народнаго богатства, поставленное въ благопріятныя условія, оно несомнѣнно въ высшей степени содѣйствуетъ. Происходитъ это вслѣдствіе постепеннаго превращенія земельной поверхности все въ болѣе плодородную. Вѣдь именно этимъ въ значительной степени объясняется возрастаніе цѣны на землю и именно поэтому такъ называемая добавочная стоимость земли отнюдь не является незаконной прибылью ея владѣльца, а представляетъ лишь законную компенсацію за тѣ худшія условія въ которыхъ онъ находится въ смыслѣ накопленія капитала, по сравненію съ торговцемъ и промышленникомъ.

Всего этого Витте очевидно не признавалъ. Тщетно душою преданный сельскому хозяйству и прекрасно съ нимъ знакомый министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ разрабатывалъ проектъ за проектомъ, направленные къ повышенію с. х. техники, къ меліораціи почвы, къ осушенію болотъ, укрѣпленію сыпучихъ песковъ, обводненію земель, лишенныхъ достаточной влаги, къ поддержкѣ земствъ въ ихъ сельско-хозяйственныхъ начинаніяхъ, къ учрежденію опытныхъ станцій и учебныхъ заведеній, никакихъ средствъ на ихъ осуществленіе отъ своего всесильнаго коллеги онъ добиться не могъ.

Безразличное отношеніе Витте къ сельскому хозяйству, вызванное первоначально той специфической политикой, которую онъ преслѣдовалъ, получило сильное подкрѣпленіе въ той оппозиціи, которую онъ встрѣтилъ въ своей дѣятельности со стороны сельскихъ хозяевъ. Сказать, что вся эта оппозиція была безпристрастна и справедлива нельзя. Нападки на Витте за установленіе золотой валюты были малообоснованы;*) не вполнѣ справедлива

*) Землевладѣльцы были разумѣется правы, утверждая, что низкій курсъ рубля для нихъ какъ экспортеровъ — выгоденъ. Авторитетное заявленіе Витте, что землевладѣльцы «не будучи финансистами и экономистами» не могли сообразить, что пониженіе курса рубля на заграничныхъ рынкахъ вело къ пониженію его покупательной силы и на внутреннемъ рынкѣ, современными событіями блестяще и неопровержимо опровергнуто: страны съ обезцѣненной денежной единицей какъ Германія и Австрія (не говоря про Россію) доказали на практикѣ,

была и критика его политики таможенной, протекціонной для промышленности. Критики этой въ связи съ стремленіемъ подорвать его положеніе, а въ особенности противодѣйствовать проводимымъ имъ мѣропріятіямъ, Витте хладнокровно перенести не могъ и очень скоро отъ равнодушнаго отношенія къ сельскимъ хозяевамъ перешелъ во враждебное, причемъ неизмѣнно отождествлялъ ихъ съ поземельнымъ дворянствомъ, которому приписывалъ преслѣдованіе исключительно узкихъ сословныхъ интересовъ.

Ненависть Витте къ этому классу получила яркое отраженіе на страницахъ его воспоминаній и чего только онъ ему въ нихъ не приписываетъ.

Необходимо однако отмѣтить, что ненависть Витте была направлена не противъ магнатовъ землевладѣнія, а противъ тѣхъ мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, о которыхъ онъ самъ говоритъ, что классъ этотъ былъ раззоренъ и жилъ изо дня въ день. Къ нашей земельной знати Витте относился иначе; ее онъ старательно стремился оторвать отъ массы помѣстнаго сословія, заинтересовывая въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и тѣмъ уничтожая ихъ промышленную солидарность съ сельскими хозяевами.

Знать эта нужна была Витте какъ для укрѣпленія своего положенія у Престола, куда ея представители имѣли доступъ, такъ и для удовлетворенія присущаго ему мелкаго чувства — снобизма, ибо къ сожалѣнію Витте отнюдь не былъ лишенъ этой слабости. Ради проникновенія въ высшее петербургское общество онъ ухаживаетъ за его представителями и всячески ищетъ пріобрѣсти ихъ расположеніе. Однимъ онъ устраиваетъ продажу по сходной цѣнѣ казенныхъ земель, другимъ онъ выдаетъ крупныя промышленныя ссуды и субсидіи, у нѣкоторыхъ пріобрѣтаетъ для крестьянскаго банка по особой оцѣнкѣ ихъ земельныя имущества. Правда онъ же, старательно ихъ соблазнявшій, бросаетъ имъ въ своихъ воспоминаніяхъ рѣзкое обвиненіе въ угодничествѣ, продажности и безграничной жадности. «Эти люди», говоритъ онъ, «принимавшіе при дворѣ

что это обезцѣненіе имѣетъ разнообразныя послѣдствія и для нѣкоторыхъ слоевъ населенія представляетъ не малыя выгоды. Наши землевладѣльцы не были «ни финансистами ни экономистами», но за то испытывали на практикѣ послѣдствія пониженія нашего курса. Малая обоснованность ихъ возраженій противъ укрѣпленія нашего рубля въ золотѣ заключалась не въ этомъ, а въ томъ, что если это укрѣпленіе, связанное съ нѣкоторымъ повышеніемъ нашего иностраннаго курса, не вполнѣ совпадало съ ихъ выгодой, то интересамъ всего народнаго, а тѣмъ болѣе государственнаго хозяйства, взятаго въ совокупности, отвѣчало въ полной мѣрѣ.

величественный видъ, въ моемъ кабинетѣ стали бы на четверинки чтобы получить какую либо денежную выгоду».

Но кто же привлекалъ этихъ людей въ кабинетъ Витте, какъ не самъ его хозяинъ. Вѣдь кабинетъ министра финансовъ существовалъ въ Россіи и до и послѣ Витте, но мѣстомъ полученія благъ земныхъ частными лицами онъ не служилъ. Въ такое мѣсто его превратилъ самъ Витте. Раздавались тамъ при немъ однимъ почеркомъ пера казенныя средства для подъема и развитія русской промышленности, что отвѣчало экономической политикѣ Витте, а въ извѣстной мѣрѣ и интересамъ государства, но тамъ же раздавались различныя блага для поддержанія служебнаго и петербургскаго общественнаго положенія хозяина, чѣмъ между прочимъ достигалась и другая цѣль — парализовалось противодѣйствіе антиземлевладѣльческой политикѣ Витте.

Всю свою злобу на помѣстное сословіе Витте вылилъ при описаніи дѣйствовавшаго съ 1897 по 1902 г. особаго совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія. Не даромъ Витте говоритъ, что совѣщаніе это было образовано для изысканія мѣръ воспособленія *мелкому* дворянскому землевладѣнію, хотя ни въ его названіи ни въ документахъ, относящихся до его учрежденія не было указано спеціально на мелкое землевладѣніе. На дѣлѣ дѣйствительно именно мелкій, а отчасти и средній дворянско-землевладѣльческій слой находился въ неимовѣрно тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ и если возможно было возражать противъ его поддержанія на сословной почвѣ, то преимущественно лишь теоретически. Практически слой этотъ охватывалъ почти весь составъ боровшихся съ нуждой землевладѣльцевъ. Сельско-хозяйственный кризисъ на представителяхъ этого слоя отразился столь же тяжело какъ и на крестьянствѣ. Не взирая на всю ихъ воспитанную поколѣніями любовь къ землѣ они вынуждались къ ликвидаціи своихъ владѣній и къ переходу въ другія отрасли занятій. Между тѣмъ многіе изъ нихъ были поэтами своего дѣла; искали они не какихъ либо чрезвычайныхъ барышей, а лишь возможности какъ ни на есть связать концы съ концами, прокормить семью и дать воспитаніе дѣтямъ. И вотъ этихъ то людей Витте клеймитъ за ихъ мнимую жадность, за преслѣдованіе ими будто бы исключительно узко-сословныхъ цѣлей и даже за стремленіе построить свое благополучіе на счетъ всего остального населенія. Въ дѣйствительности не любилъ и даже презиралъ этихъ людей Витте именно за ихъ бѣдность, за ихъ неумѣнье (обусловленное однако обстоятельствами, находящимися внѣ ихъ вліянія) наживать

богатство, накапливать капиталы. Дѣльцовъ финансоваго міра, зарабатывавшихъ милліоны, промышленниковъ, удваивавшихъ въ нѣсколько лѣтъ свое состояніе, онъ уважалъ и къ ихъ ходатайствамъ относился съ предупредительностью.

О дворянскомъ совѣщаніи Витте говоритъ, что тамъ сошлись люди, которыя были врагами народа и что поэтому онъ употребилъ всѣ усилія чтобы это совѣщаніе никакихъ серьезныхъ мѣръ не приняло. Послѣднее безусловно вѣрно, но Витте забылъ упомянуть къ какой сторонѣ дѣятельности этого совѣщанія онъ проявилъ явно враждебное отношеніе и добился ея прекращенія. Проявилъ же онъ это отношеніе лишь когда совѣщаніе это отъ обсужденія сословныхъ интересовъ — (способовъ вступленія въ ряды дворянства, круга дѣятельности дворянскихъ собраній и т. п.) перешло къ разсмотрѣнію интересовъ обще народныхъ. Произошло это когда совѣщаніе раздѣлилось на отдѣльныя комиссіи, причемъ была образована комиссія экономическая подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія Ермолова. Комиссія эта сразу стала на ту точку зрѣнія, что экономическіе интересы дворянства неразрывно связаны съ интересами земледѣлія вообще и что единственной дѣйствительной помощью помѣстнаго сословія могутъ служить лишь такія мѣры, которыя привели бы къ подъему общаго уровня русскаго сельскаго хозяйства. Освѣдомившись черезъ своихъ представителей-участниковъ комиссіи о томъ пути, на который комиссія стала, Витте немедленно, весьма рѣзкимъ письмомъ на имя ея предсѣдателя, заявилъ, что комиссія вышла изъ предѣловъ вопросовъ, предоставленныхъ ея обсужденію, и что онъ, Витте, рѣшительно возражаетъ противъ дальнѣйшей ея дѣятельности въ принятомъ ею направленіи. Попытки Ермолова отстоять свободу дѣятельности комиссіи, какъ всѣ его попытки бороться съ Витте, оказались безрезультатными, что и привело къ прекращенію дѣйствій комиссіи, а вслѣдъ за тѣмъ и къ закрытію всего совѣщанія. Все это Витте основательно запамятовалъ. Не замѣтилъ Витте и того противорѣчія съ самимъ собой, въ которое онъ впалъ по этому вопросу. Дѣйствительно, въ той части своихъ воспоминаній гдѣ онъ говоритъ о сельско-хозяйственномъ совѣщаніи и объ образованіи мѣстныхъ с. х. комитетовъ, онъ же утверждаетъ, что комитеты эти высказались прежде всего за обезпеченіе интересовъ крестьянства, за упраздненіе ихъ сословной обособленности и вообще обратили главное вниманіе на удовлетвореніе народныхъ нуждъ. Но изъ кого же состояли эти комитеты? Предсѣдателями ихъ были уѣздные предводители, а

членами въ подавляющемъ большинствѣ дворяне землевладѣльцы и въ томъ числѣ — horribile dictu — земскіе начальники. Такимъ образомъ оказывается, что съ одной стороны земельное дворянство — врагъ народа, а съ другой, что оно же заботится прежде всего о народныхъ нуждахъ, презирая собственныя выгоды. Наконецъ — изъ кого же состояло русское земство? Впрочемъ, непріязнь къ сельскому хозяйству и къ представителямъ рентнаго землевладѣнія изъ средне и мелкопомѣстнаго дворянства Витте перенесъ и на земство, покоившееся исключительно на этомъ элементѣ.

Общеизвѣстна записка Витте, составленная имъ въ 1899 г. по поводу проекта введенія земскихъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ. Въ этой запискѣ, о которой онъ конечно не упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, Витте доказывалъ, что земство при самодержавномъ строѣ плохой и опасный органъ управленія и рѣшительно высказывался за сокращеніе поля его дѣятельности.*) Послѣднее онъ проводилъ еще и въ другой запискѣ, относящейся къ тому же времени, и касающейся народнаго образованія. Въ ней Витте возбуждалъ вопросъ о полномъ изъятіи изъ вѣдѣнія земствъ всего школьнаго дѣла съ передачей его въ распоряженіе Синода. О культурномъ значеніи земства, котораго, кажется, еще никто не отрицалъ, Витте здѣсь не обмолвливается ни единымъ словомъ, за то усиленно напираетъ на то, что земство «переоблагаетъ крестьянъ».

---

*) Витте въ своей запискѣ о земствѣ былъ несомнѣнно по существу правъ, говоря, что земское самоуправленіе, какъ оно у насъ было поставлено, являлось чужероднымъ тѣломъ въ самодержавномъ государствѣ. «Въ конституціонномъ государствѣ», писалъ Витте «земское самоуправленіе быть можетъ самое лучшее. Тамъ оно составляетъ звено цѣпи, выкованной изъ однороднаго металла, тамъ его положенія ясно очерчены, тамъ оно исполняетъ свое назначеніе, не захватывая области ему не принадлежащей и не опасаясь одновременно за прочность своего положенія. Надъ нимъ находятся центральныя учрежденія, состоящія изъ лицъ облеченныхъ его довѣріемъ и распоряженія которыхъ оно поэтому ревностно исполняетъ»... «Въ сущности введеніе земскихъ учрежденій у насъ было первой уступкой конституціонализму, оно была первымъ этапомъ на пути созданія представительныхъ учрежденій.. Вся исторія земствъ въ теченіе послѣдняго времени состоитъ въ рядѣ ограничительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ этихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія». (цитата составляетъ переводъ франц. текста записки Витте, помѣщенной въ Essai sur l'histoire de Nicolas II par Michelet. Paris 1907). Словомъ если не дочесть записки до конца, не познакомиться съ ея заключеніями, гдѣ говорилось о преобразованіи земскихъ учрежденій путемъ ихъ уничтоженія и включенія земскаго элемента въ учрежденія правительственныя, то можно было подумать, что Витте хотѣлъ убѣдить въ необходимости «увѣнчать зданіе» т. е. даровать конституцію. Небезизвѣстный Ціонъ въ памфлетѣ, изданномъ за границей, воспользовался этимъ и прямо заявилъ, что вся записка — явное предательство ибо другого вывода, кромѣ неизбѣжности ввести у насъ конституцію сдѣлать изъ нея нельзя.

Враждебное отношенiе Витте къ земству было вызвано конечно не одной его непрiязнью къ помѣстному дворянству. Значительную роль играло здѣсь земское самообложенiе. Урѣзать это право Витте всячески стремился и повидимому преимущественно съ этой цѣлью проектировалъ отнятiе у него заботъ о народномъ образованiи. Такъ именно въ запискѣ, касающейся этого вопроса онъ указывалъ, что земство тратитъ на этотъ предметъ ежегодно 7 миллiоновъ рублей, которые съ большей пользой для дѣла были бы употреблены если бы расходовались непосредственно государствомъ. По инициативѣ Витте былъ изданъ въ 1902 г. и законъ о предѣльности земскаго обложенiя, сократившiй (по крайней мѣрѣ въ принципѣ — на практикѣ онъ значенiя почти не имѣлъ) право земскаго самообложенiя. Здѣсь Витте руководило желанiе направить возможно большее количество народныхъ средствъ въ кассы государственнаго казначейства, чему обложенiе земское, а также и сельское-мiрское (онъ и противъ него высказывался) въ извѣстной мѣрѣ препятствовало. Тѣмъ не менѣе объяснить однимъ этимъ его походъ противъ земства нельзя. Правомъ самообложенiя обладали и городскiя самоуправленiя, причемъ, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнiя Витте, они являлись при самодержавномъ строѣ такой же аномалiей, какъ и земскiя учрежденiя. Однако, противъ нихъ Витте не ополчался. Объясняется это опять таки тѣмъ, что Витте былъ типичнымъ горожаниномъ, т. е. купцомъ, промышленникомъ и все близкое къ землѣ ему было чуждо и значенiя для него не представляло. Правда впослѣдствiи онъ заинтересовался и такъ называемымъ крестьянскимъ вопросомъ, равно какъ и вопросомъ земельнымъ. Но къ этимъ вопросамъ онъ ближе подошелъ уже оставивъ финансовое вѣдомство и превратившись въ предсѣдателя Комитета, а затѣмъ Совѣта министровъ. Къ главамъ воспоминанiй Витте, относящимся до этой послѣдующей его дѣятельности предпочтительнѣе въ виду этого отнести разборъ его отношенiя къ этимъ вопросамъ.

Заканчивая разборъ воспоминанiй Витте, касающихся его дѣятельности какъ министра финансовъ, невольно хочется окинуть эту дѣятельность общимъ взоромъ, подвести ей итоги. Здѣсь на первомъ планѣ несомнѣнно стоятъ его крупнѣйшiя заслуги по упорядоченiю нашего государственнаго хозяйства. Заключенiе не только бездефицитныхъ, но изъ года въ годъ дававшихъ крупные излишки государственныхъ бюджетовъ; укрѣпленiе русскихъ финансовъ, какъ введенiемъ золотой валюты, такъ и весьма удачной конверсiей государственныхъ займовъ съ пониженiемъ платимаго

по нимъ процента съ 6 до 4; весьма значительное увеличеніе нашей желѣзнодорожной сѣти; насажденіе и развитіе у насъ техническаго образованія, какъ высшаго, такъ и средняго; прекрасно подобранный личный составъ какъ ближайшихъ сотрудниковъ, такъ и вообще всѣхъ многочисленныхъ служащихъ въ финансовомъ вѣдомствѣ; образцово поставленная податная инспекція; блестящее осуществленіе и организація всего крупнѣйшаго дѣла винной мопополіи — все это плодъ усиленной работы С. Ю. Витте. Несомнѣнно многое сдѣлано имъ и въ области хозяйства народнаго. Благодаря принятымъ имъ разнообразнымъ мѣрамъ развилась почти со сказочной быстротой наша промышленность и тѣмъ оттянула часть сельскихъ жителей отъ земледѣлія, которое, вслѣдствіе увеличенія численности населенія, уже не могло использовать всей рабочей силы крестьянства. Насажденіе и развитіе у насъ промышленности было несомнѣнно очередной государственной задачей и ее Витте разрѣшилъ съ энергіей, рѣшимостью и свойственнымъ ему широкимъ размахомъ.

Приложи Витте свои незаурядныя силы и исключительную работоспособность одновременно и къ другой отрасли народнаго труда — земледѣлію и дѣятельность его пріобрѣла бы огромное, историческое значеніе. Углубись Витте своевременно въ вопросъ сельско-хозяйственный и онъ понялъ бы, что центръ тяжести въ образованіи крупныхъ крестьянскихъ владѣній, работающихъ на рынокъ, при сохраненіи рентнаго землевладѣнія, двигателя сельско-хозяйственной техники. Изучи Витте крестьянскій вопросъ и онъ могъ бы во время повліять на упраздненіе общины и одновременную отмѣну закона о неотчуждаемости надѣльной земли. Послѣднее привело бы къ свободной игрѣ экономическихъ силъ народа, при которой земля естественно перешла бы въ наиболѣе крѣпкія руки, могущія наилучшимъ образомъ использовать ея производительную силу. Такая политика не только укрѣпила бы развитую имъ, но отчасти повисшую въ воздухѣ за отсутствіемъ достаточнаго внутренняго рынка, промышленность, она не только подняла бы уровень нашего сельскаго хозяйства; она достигла бы неизмѣримо большаго, а именно спасла бы Россію отъ паденія въ ту бездну, въ которую ее ввергли доселѣ безчинствующіе на нашей родинѣ изувѣры. Этому воспрепятствовало бы обогатѣвшее и слѣдовательно умственно развившееся земельное крестьянство, постигшее на дѣлѣ, что не увеличеніемъ площади принадлежащей ему земли, а усиленнымъ использованіемъ ея производительныхъ силъ можетъ русскій земледѣлецъ стать на ноги и обезпечить себѣ довольство.

Но, увы, Витте могъ влагать свою душу лишь въ то, что непосредственно отъ него зависѣло, чѣмъ онъ единолично и почти безотчетно вѣдалъ. Въ этомъ выражалась его безграничная властность. Замледѣліе, сельское хозяйство не входило въ кругъ его вѣдѣнія и онъ относился къ нему сначала равнодушно, а затѣмъ встрѣтивъ со стороны его представителей противодѣйствіе его политикѣ, — нескрываемо враждебно. На крестьянство Витте смотрѣлъ преимущественно какъ на дешевую рабочую силу для той же промышленности, причемъ земельное крестьянство было въ его глазахъ не столько производителемъ цѣнностей, сколько плательщикомъ налоговъ, поступающихъ преимущественно отъ потребленія имъ зелена вина.

За эту одностороннюю политику, которую тщетно ибо слишкомъ поздно, чтобы предотвратить надвигавшуюся катастрофу, стремились выпрямить послѣ ухода Витте отъ власти замѣнившіе его, въ смыслѣ главныхъ въ этой области государственныхъ дѣятелей, Столыпинъ и Кривошеинъ и на мѣропріятія которыхъ неизмѣнно изыскивалъ и щедро отпускалъ государственныя средства замѣститель Витте по министерству финансовъ гр. Коковцевъ, Россія платитъ нынѣ всѣмъ своимъ достояніемъ. Въ происшедшемъ катаклизмѣ безслѣдно исчезли всѣ слѣды несомнѣнно выдающейся работы Витте въ дѣлѣ упроченія нашего государственнаго хозяйства и развитія фабрично заводской промышленности.

Остается надѣяться, что этотъ жестокій урокъ не пройдетъ даромъ, что будущіе возсоздатели русской государственности постигнутъ, что основой благосостоянія русскаго народа можетъ служить лишь правильно поставленное, технически совершенное, использующее въ возможно большей степени народную рабочую силу — земледѣліе и одновременно убѣдятся, что использовать всю эту силу въ одномъ земледѣліи нельзя, что необходимо часть этой силы и притомъ значительную привлечь къ другой — неземледѣльческой работѣ, почему развитіе фабрично-заводской промышленности для Россіи столь же важно какъ интенсификація ея сельскаго хозяйства.

II.

С. Ю. Витте и наша иностранная политика.

Людямъ свойственно судить по части о цѣломъ. Обнаруживъ въ одной части воспоминаній С. Ю. Витте совершенно непонятныя, чтобы выразиться мягко, неточности и крайнюю, обусловленную

многочисленными пробѣлами односторонность въ описанiи какъ хода событiй такъ и дѣятельности автора, невольно относишься подозрительно и къ остальнымъ частямъ его воспоминанiй. Если бы не это обстоятельство то, читая главы мемуаровъ Витте, заключающiя его взгляды на нашу международную политику и описанiе того влiянiя, которое онъ на нее оказывалъ, слѣдовало бы придти къ выводу, что въ этой области Витте отличался прозорливостью и яркимъ дипломатическимъ талантомъ.

Было ли это такъ въ дѣйствительности. Вѣдь воспоминанiя Витте написаны имъ post factum, когда уже выпукло и наглядно обнаружились ошибки нашей дальневосточной политики, которой Витте въ особенности касается, и когда легко было слѣдовательно ее критиковать и указать на ея слабыя стороны. Съ другой стороны провѣрить правильность заявленiй, относящихся до этой области значительно труднѣе, нежели тамъ гдѣ дѣло идетъ о нашей внутренней политикѣ. Наша, какъ и вся вообще европейская дипломатiя, всегда отличалась скрытностью, творилась гдѣ то за густой завѣсой. Тѣмъ не менѣе сдѣланную Витте оцѣнку нашей иностранной политики все же можно до извѣстной степени оспаривать, а кое что въ его показанiяхъ и фактически исправить.

Вопросамъ, касающимся иностранной политики, Витте посвятилъ четыре главы своихъ воспоминанiй, изъ которыхъ три относятся до Дальняго Востока, японской войны и заключенiя Портсмутскаго мира, а четвертая встрѣчамъ его съ Императоромъ Вильгельмомъ. Всѣ эти главы написаны живо, читаются съ интересомъ и притомъ снабжены нѣкоторыми немаловажными документами,чего почти совершенно нѣтъ въ остальныхъ частяхъ мемуаровъ.

Въ главахъ, касающихся нашихъ отношенiй къ, Японiи Витте, разумѣется, доказываетъ, что японская война произошла исключительно по нашей винѣ, что вся наша политика въ Манджурiи и Кореѣ была ничѣмъ не оправдываемой авантюрой, что съ этой политикой онъ всемѣрно боролся и всячески удерживалъ отъ прямыхъ или замаскированныхъ захватовъ какой либо части Китайской территорiи, а также предпрiятiй въ Кореѣ.

Такъ утверждаетъ Витте, забывая, что иницiаторомъ косвеннаго захвата нами нѣкоторой части Манджурiи былъ онъ самъ, хотя тутъ же объ этомъ не безъ гордости повѣствуетъ. Дѣйствительно онъ ставитъ себѣ въ опредѣленную заслугу, что лично добился отъ Ли-Хунгъ-Чанга, во время его прiѣзда въ Россiю въ 1896 г., согласiя Китая на проведенiе нами восточной части Сибирскаго

пути по сѣверной Манджуріи съ предоставленіемъ намъ обширныхъ правъ въ полосѣ желѣзнодорожнаго отчужденія. Изъ этихъ словъ самого Витте ясно, что родоначальникомъ нашего проникновенія въ Китай былъ самъ порицатель этой политики.

Былъ ли однако Витте неправъ въ этомъ дѣлѣ и была ли вообще вся наша дальневосточная политика безусловно ошибочной? Въ этомъ позволительно сомнѣваться.

Россія вела въ то время подобающую ей великодержавную политику; она не могла дать себя обогнать другими европейскими государствами въ дѣлѣ внѣдренія въ Китай. Въ сущности Россія лишь продолжала исконную политику, которая послѣдовательно дала ей Восточную Сибирь, Приамурье, Уссурійскій край. Проведеніе сибирскаго пути по сѣверной Манджуріи сокращало этотъ путь на пятьсотъ слишкомъ верстъ, причемъ облегчало его сооруженіе: кружный путь по нашимъ владѣніямъ представлялъ значительныя техническія трудности.

Давало намъ немаловажныя выгоды и занятіе Портъ-Артура, которымъ какъ ни на есть мы спокойно владѣли, безъ протеста съ чьей бы то ни было стороны, въ теченіе 6 лѣтъ. Если однако признавать наше внѣдреніе въ Ляодунскій полуостровъ за ошибку, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ возложить отвѣтственность за нее всецѣло на наше дипломатическое вѣдомство. Иниціаторомъ въ этомъ дѣлѣ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Муравьевъ. На совѣщаніи, обсуждавшемъ этотъ вопросъ осенью 1897 года подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, противъ этого занятія высказались и военный министръ Ванновскій и морской — Чихачевъ. Ванновскій сказалъ, что не входя въ обсужденіе вопроса — нуженъ ли намъ Портъ-Артуръ вообще или нѣтъ — онъ солдатъ и его это не касается — онъ считаетъ необходимымъ для обезпеченія нашего положенія на этомъ выдвинутомъ форпостѣ, увеличить русскую армію на полмилліона штыковъ. Съ своей стороны Чихачевъ заявилъ, что съ точки зрѣнія военно-морской Портъ-Артуръ совершенно не пригоденъ: рейдъ Портъ-Артура съ его узкимъ входомъ какъ база для морскихъ операцій никуда не годится; для флота, тамъ находящагося, это ловушка. Возраженія Витте были основаны преимущественно на томъ, что занятіе нами Портъ-Артура, въ которомъ мы не позволили Японіи укрѣпиться послѣ войны ея съ Китаемъ, несомнѣнно вызоветъ къ намъ со стороны японцевъ весьма недоброжелательныя чувства. Къ изложеннымъ тремъ мнѣніямъ присоединился и Великій Князь —

предсѣдатель совѣщанія и одинъ лишь министръ иностранныхъ дѣлъ продолжалъ отстаивать свою первоначальную точку зрѣнія, которую въ конечномъ результатѣ ему и удалось осуществить.

Можно однако думать, что мы продолжали бы спокойно владѣть Портъ-Артуромъ, если бы не злосчастное лѣсное предпріятіе на Ялу. Витте правъ, говоря, что оно было затѣяно безотвѣтственными флибустьерами, искавшими въ этомъ дѣлѣ, кто матеріальной выгоды, кто удовлетворенія своего честолюбія и осуществленія карьерныхъ цѣлей. Къ тому же велось это предпріятіе неумѣло людьми, не имѣвшими опыта въ коммерческихъ дѣлахъ вообще, а въ условіяхъ быта этой отдаленной мѣстности въ особенности.

Тѣмъ не менѣе не въ этомъ состояла наша основная ошибка. Виноваты мы въ томъ, что просмотрѣли развитіе Японіи, что не имѣли вѣрнаго представленія о той мощи, которой она обладала. Благодаря бездарности нашихъ дипломатическихъ представителей и преступному легкомыслію нашего военнаго агента въ Японіи — (полковника Ванновскаго) мы были убѣждены, что страна эта представляетъ по-прежнему величину пренебрежительную. Мы продолжали жить подъ впечатлѣніемъ талантливыхъ картинъ японской жизни, изображенныхъ полвѣка передъ тѣмъ авторомъ «Фрегатъ Паллада». Посѣтившій Японію за шесть мѣсяцевъ до объявленія войны военный министръ Куропаткинъ не разрушилъ этого ложнаго представленія. Самостоятельнаго сужденія о военной мощи страны Восходящаго Солнца за недѣльное пребываніе въ ней составить себѣ онъ не могъ. Полагаясь, слѣдовательно, на показанія того же военнаго агента, Куропаткинъ вернулся въ Петербургъ съ убѣжденіемъ, что японскія войска не первоклассныя, а матеріальная часть арміи находится въ зачаточномъ состояніи. Не поколебали этого убѣжденія у Куропаткина и донесенія нашего военнаго агента въ Китаѣ генерала Вогака, очевидно болѣе проницательнаго, чѣмъ его японскій коллега. Вогакъ въ рядѣ донесеній предупреждалъ, что Японія лихорадочно готовится къ войнѣ, что ея вооруженіе превосходное, а флотъ представляетъ грозную силу. Куропаткинъ ограничился тѣмъ, что на одномъ изъ этихъ донесеній положилъ весьма рѣзкую резолюцію въ томъ смыслѣ, что Вогакъ сообщаетъ явно невѣрныя свѣдѣнія. Что же касается самого нашего военнаго агента въ Японіи то онъ настолько былъ убѣжденъ въ полной неподготовленности этой страны къ войнѣ,что уже послѣ ея объявленія, находясь въ Петербургѣ, читалъ въ частныхъ домахъ свои донесенія о состояніи японской арміи и доказывалъ, что устоять подъ на-

тискомъ нашихъ войскъ армія эта не можетъ. Чтенія эти продолжались вплоть до Тюренченскаго боя, давшаго, какъ извѣстно, иную картину.

Объ этой нашей неосвѣдомленности воспоминанія Витте совершенно не упоминаютъ. Не подчеркиваетъ Витте и того, что войны съ Японіей мы отнюдь не искали, но за то указываетъ, что нѣкоторыя лица изъ состава правительства будто бы ее желали. Этому однако противорѣчатъ другія части воспоминаній Витте. Такъ прежде всего онъ же передаетъ слова Государя, сказанныя въ отвѣтъ на сообщеніе Вильгельма о томъ, что Японія готовится къ войнѣ: «войны не будетъ, потому что Я ея не желаю». Доклады военнаго министра о состояніи вооруженныхъ силъ Японіи давали Государю полное право это сказать. Далѣе онъ же передаетъ, что на совѣщаніи у Государя, за исключеніемъ Безобразова, не занимавшаго никакого оффиціальнаго поста, всѣ члены правительства высказались противъ агрессивной политики на Дальнемъ Востокѣ.

Состоявшееся въ 1903 г. учрежденіе особаго комитета по Дальнему Востоку съ одновременнымъ образованіемъ намѣстничества въ этой отдаленнѣйшей окраинѣ, также вызываетъ ожесточенную критику Витте. На дѣлѣ однако образованіемъ этого намѣстничества была лишь замѣнена одна диктатура другой, причемъ смѣненнымъ диктаторомъ былъ никто иной какъ самъ авторъ воспоминаній. Дѣйствительно до этого времени полновластно распоряжался во всей такъ или иначе занятой нами территоріи Китая министръ финансовъ. Достигнуто это имъ было путемъ выдѣленія всей манджурской жел. дороги вплоть до Портъ-Артура какъ бы въ отдѣльное царство, обладавшее едва ли не всѣми функціями государственной власти. Управленіе этой дороги располагало даже собственнымъ войскомъ, а именно многочисленной вооруженной стражей. На мѣстѣ благодаря этому получилось странное двоевластіе. Съ одной стороны малочисленная скудно оплачиваемая мѣстная администрація нашей дальне восточной окраины и немногія расположенныя въ ней воинскія части матеріально также плохо обставленныя, а съ другой почти не стѣсненное какими либо рамками такъ какъ дѣйствовало подъ видомъ частной компаніи Правленіе Восточно-Китайскаго пути со своимъ городомъ Дальнимъ, обладавшее огромными денежными средствами, распоряженіе коими всецѣло зависѣло отъ пребывавшаго въ Петербургѣ Министра Финансовъ. Учрежденіе намѣстничества имѣло цѣлью упразднить этотъ порядокъ, приблизивъ одновременно разрѣшеніе большинства касающихся окраины вопросовъ

къ мѣсту ихъ возникновенія. Подобная децентрализація къ тому же не представляла ничего новаго. Намѣстничества существовали у насъ и въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, причемъ одновременно имѣлись особыя по управленію этими окраинами комитеты, разрѣшавшіе вопросы свойства законодательнаго. Быть можетъ неудаченъ былъ выборъ намѣстника, но самая мысль о намѣстничествѣ, противъ которой возстаетъ Витте, была правильная.

Все это Витте забылъ, причемъ не вспомнилъ онъ въ своихъ мемуарахъ и про то, что тотчасъ по образованіи Дальневосточнаго комитета онъ принялся урѣзывать денежные отпуска на обустройство нашихъ новыхъ владѣній въ томъ числѣ и на обезпеченіе тамъ нашей военной мощи. Затративъ весьма значительныя средства на оборудованіе коммерческаго порта и торговыхъ складовъ въ Таліенванѣ, переименованномъ нами въ Дальній, онъ рѣшительно воспротивился ассигнованію необходимыхъ суммъ (около 800 тысячъ рублей) на сооруженіе въ военной гавани Портъ-Артура сухого дока для ремонта нашихъ броненосцевъ. Отсутствіе подобнаго дока имѣло для насъ впослѣдствіи жестокіе результаты. Крупныя морскія единицы, подорванныя японцами на портъ-артурскомъ рейдѣ въ день начатія ими войны, за отсутствіемъ подобнаго дока мы не могли исправить въ теченіе долгаго времени. Словомъ наша боевая неподготовленность на Дальнемъ Востокѣ къ началу японской войны, на которую указываетъ Витте, зависѣла въ нѣкоторой степени отъ его собственныхъ дѣйствій или вѣрнѣе противодѣйствія.

Если Витте дѣйствительно предостерегалъ отъ слишкомъ быстраго и недостаточно подготовленнаго проникновенія въ Китай и Корею, какъ онъ это утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ, то тѣмъ большая его вина, коль скоро мы тѣмъ не менѣе стали на этотъ путь, что онъ не приложилъ всѣхъ усилій на закрѣпленіе нашего положенія тамъ.

Едва ли не живѣе всѣхъ остальныхъ частей воспоминаній Витте написана имъ глава, относящаяся до заключенія Портсмутскаго договора. Очевидно, что тѣ новыя впечатлѣнія, которыя Витте воспринялъ въ Америкѣ ярко въ немъ запечатлѣлись и ему легче было ихъ передать и даже разобраться среди нихъ, нежели во всемъ касающемся его дѣятельности въ Россіи, гдѣ мелкое переплелось у него съ крупнымъ и гдѣ онъ не былъ въ состояніи точно отличить исторически важнаго, имѣющаго длительное значеніе,

отъ явленій мелкихъ, характера злободневнаго. Глава эта не содержитъ однако для русской общественности какихъ либо новыхъ существенныхъ данныхъ. Портсмутскіе переговоры подробно изложены въ касающихся этого предмета весьма яркихъ воспоминаніяхъ Н. Я. Коростовцева, сопровождавшаго Витте въ Америку, воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ «Былое». Наконецъ документы, касающіеся заключенія мира съ Японіей были сообщены Витте еще при жизни Б. Б. Глинскому, который на ихъ основаніи и составилъ весьма интересный очеркъ по этому вопросу, напечатанный, кажется, въ 1911 году, въ Историческомъ Вѣстникѣ.

Какъ упомянутыя воспоминанія, а въ особенности очеркъ, такъ, разумѣется, и касающіяся того же вопроса воспоминанія самого Витте представляютъ сплошной панегирикъ его образу дѣйствій въ Америкѣ и панегирикъ, думается, заслуженный. Витте сумѣлъ взять вѣрную ноту для привлеченія къ себѣ и тѣмъ самымъ къ Россіи симпатій американскаго общественнаго мнѣнія, что несомнѣнно сыграло рѣшающую роль при установленіи условій мира. Подъ напоромъ этого мнѣнія японцы вынуждены были значительно умѣрить свои первоначальныя притязанія. Въ Америкѣ Витте оказался, какъ говорится, ко двору. Его врожденный демократизмъ, его склонность прельщать людей до грубости прямолинейной лестью, его умѣнье брать быка за рога и ставить вопросы рѣшительно и опредѣленно — все это отвѣчало американской простотѣ и нравовъ и концепцій. Какъ ни на есть Витте пріѣхалъ въ Америку представителемъ державы, побѣжденной и на сушѣ и на морѣ, а уѣхалъ оттуда тріумфаторомъ, сумѣвъ не только охранить честь и достоинство Россіи, но и поднять ея міровое значеніе. Страницы воспоминаній, передающія пережитыя Витте во время портсмутскихъ переговоровъ волненія, дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Отнять у Витте горячей любви къ Россіи и крѣпко въ него внѣдренной народной гордости никакъ нельзя.

Полной объективности Витте однако не проявилъ при описаніи и этой страницы своей государственной дѣятельности. Становится прямо обидно за него, что и сюда онъ вплелъ совершенно непонятную по своей необоснованности критику дѣйствій Государя. Какъ извѣстно по портсмутскому договору мы уступили Японіи южную половину острова Сахалина. Витте пространно доказываетъ, что безъ принятія нами этого условія Японія мира бы не заключила. Онъ же говоритъ, что продолжать войну мы не могли, что въ такомъ случаѣ намъ угрожалъ полный развалъ, который повлекъ бы даже

паденіе династіи. Все это не мѣшаетъ ему однако заявить, что отвѣтственность за уступку части русской территоріи лежитъ всецѣло на Государѣ и что если онъ, Витте, былъ бы единственнымъ совѣтчикомъ въ этомъ вопросѣ, то вѣроятно Государь не принялъ бы этого рѣшенія. Въ виду сказаннаго передъ этимъ Витте остается лишь радоваться, что онъ не былъ такимъ единственнымъ совѣтчикомъ. Но здѣсь Витте допустилъ полное искаженіе фактовъ. Дѣло въ томъ, что первыя телеграммы Витте изъ Портсмута, наоборотъ говорили о необходимости большей уступчивости съ нашей стороны вплоть до уплаты нами военной контрибуціи. Рѣшительное указаніе Государя, что на это онъ ни въ коемъ случаѣ не выразитъ согласія, заставило Витте быть непреклоннымъ съ японцами, а его искусство дало въ конечномъ результатѣ достигнутый имъ успѣхъ.*)

Описаніе сношеній Витте съ германскимъ Императоромъ интересны въ той части, которыя касаются возгорѣвшагося въ 1905 г. Марокского конфликта Германіи съ Франціей и его мирнаго разрѣшенія на международной конференціи въ Алжезирасѣ. Въ французской печати оспаривалось утвержденіе Витте, что согласіе на эту конференцію Вильгельмъ выразилъ лишь благодаря его вмѣшательству въ это дѣло. Однако здѣсь Витте повидимому правъ и во всякомъ случаѣ конфликтъ этотъ былъ благополучно разрѣшенъ лишь благодаря вліянію Россіи, которую Витте, только что вернувшійся изъ Америки и увѣнчанный лаврами крупнаго дипломатическаго успѣха, въ глазахъ Вильгельма несомнѣнно представлялъ.

Съ этимъ вопросомъ впрочемъ связывается другой, а именно вопросъ о заключеніи соглашенія между Россіей и Германіей въ Бьорке, соглашенія впослѣдствіи (но уже послѣ окончанія Алжезираской конференціи) расторженнаго. По поводу документа, подписаннаго въ Бьорке двумя императорами, было пролито не мало чернилъ, причемъ единогласно указывалось, что заключавшееся въ немъ соглашеніе, въ виду нашего союза съ Франціей, было не-

---

*) Въ русскомъ изданіи перваго тома воспоминаній гр. Витте имѣется косвенное указаніе на это обстоятельство; въ нихъ указано (стр. 387)., что Витте получилъ въ Америкѣ телеграмму лично отъ Государя, «въ которой проявилась его тревога, какъ бы я (Витте) не согласился на контрибуцію въ скрытой формѣ». Телеграмма эта послѣдовала въ отвѣтъ на сообщеніе Витте, что безъ уплаты нами въ томъ или иномъ видѣ контрибуціи, Японія на прекращеніе войны не согласится.

допустимо. Къ этому мнѣнію примыкаетъ всецѣло и Витте, стремясь по своему обыкновенію доказать, что отъ завершенія этого шага спасъ Россію опять таки онъ, Витте. Между тѣмъ нынѣ, въ свѣтѣ происшедшихъ съ тѣхъ поръ міровыхъ событій, благодѣтельность для Россіи, да и для всего міра, нарушенія этого соглашенія является спорнымъ. Совершенно ясно, что соглашеніемъ въ Бьорке Императоръ Вильгельмъ не имѣлъ въ виду обезпечить себѣ не только содѣйствіе, но даже нейтралитетъ Россіи въ случаѣ нападенія Германіи на Францію. Разсчитывать на что либо подобное Вильгельмъ зная благородство Государя, конечно не могъ. Вопросъ шелъ очевидно о другомъ, а именно о заложеніи основы для образованія союза между тремя главными державами Европейскаго материка — Россіи, Германіи и Франціи и изолированіи тѣмъ самымъ Англіи. Мыслью этой Вильгельмъ былъ въ теченіи долгаго времени увлеченъ, а въ случаѣ ея осуществленія она спасла бы Европу отъ испытанныхъ и до сихъ поръ еще испытываемыхъ ею тяжкихъ бѣдствій.

Какъ бы то ни было согласіе Вильгельма на Алжезираскую конференцію было безусловно связано съ состоявшимся въ Бьорке соглашеніемъ. Въ этомъ надо видѣть причину успѣха Витте въ его переговорахъ съ германскимъ Императоромъ по поводу Марокkскаго конфликта. Самъ Витте, разумѣется, этого не говоритъ, приписывая успѣхъ въ этомъ дѣлѣ своему искусству. Однако, если внимательно вчитаться въ эту часть воспоминаній Витте, то не трудно убѣдиться, что разговоръ о Марокко между Вильгельмомъ и Витте переплетался съ разговоромъ о состоявшемся въ Бьорке соглашеніи. Объ этомъ соглашеніи Витте, бывшій во время его заключенія въ Америкѣ, отъ самого кайзера только и узналъ. Словомъ ясно просвѣчиваетъ въ воспоминаніяхъ Витте, что именно опираясь на это соглашеніе шелъ Вильгельмъ на мирное улаженіе имъ же возбужденнаго — посылкой крейсера Пантера въ Агадиръ — Марокkскаго инцидента. Проявленная Германіей на Алжезираской конференціи уступчивость такимъ образомъ вполнѣ объясняется. Нарушеніе этого соглашенія тотчасъ же привело къ охлажденію нашихъ отношеній съ Германіей, выразившемуся между прочимъ въ воспрещеніи германскимъ банкамъ принять участіе въ реализаціи заключеннаго нами весной 1906 года крупнаго иностраннаго займа.*)

*) Русское изданіе воспоминаній выясняетъ и другое весьма важное послѣдствіе соглашенія въ Бьерке, а именно, что послѣ его заключенія императоръ Вильгельмъ, естественно желавшій до тѣхъ поръ въ цѣляхъ нашего ослабленія продолженія нашей войны съ Японіей, рѣзко перемѣ-

III.

С. Ю. Витте — Предсѣдатель Комитета Министровъ.

Дѣятельность С. Ю. Витте въ качествѣ предсѣдателя Комитета министровъ дѣлится на три періода, изъ коихъ первый продолжался съ момента его назначенія на эту должность — сентября 1903 г. до убійства В. К. Плеве и назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго. Объ этомъ періодѣ Витте въ своихъ воспоминаніяхъ почти не упоминаетъ и это вполнѣ понятно. Дѣло въ томъ, что не смотря на всѣ его усилія сохранить на новой должности вліяніе на ходъ государственнаго управленія, вліяніе это онъ почти всецѣло утратилъ. Лишившись довѣрія Государя еще въ бытность свою министромъ финансовъ, не имѣя къ тому же возможности сколько нибудь часто видѣть Государя (предсѣдатель комитета министровъ постояннаго доклада у Государя не имѣлъ), онъ кромѣ того не сохранилъ и дружескихъ отношеній съ большинствомъ министровъ. Начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ не могли забыть его властнаго вмѣшательства въ область ихъ управленія, когда онъ вѣдалъ финансовымъ вѣдомствомъ и распоряжался государственными средствами, безъ которыхъ ни одно вѣдомство конечно не могло осуществить сколько нибудь важныхъ мѣропріятій. Сама по себѣ должность предсѣдателя комитета министровъ не представляла поля для самостоятельной дѣятельности и сводилась преимущественно къ участію въ обсужденіи опредѣленнаго и въ сущности незначительнаго круга дѣлъ, подлежащихъ коллегіальному рѣшенію членовъ этого комитета. Попытался было Витте оживить дѣятельность этого комитета — придать ему значеніе органа, направляющаго общую государственную политику и тѣмъ объединяющаго дѣятельность отдѣльныхъ министровъ, но ничего реальнаго не достигъ да и достигнуть, по обстоятельствамъ времени, не могъ. Даже самыя попытки эти носили преимущественно такъ сказать канцелярскій характеръ сводясь къ составленію канцеляріей коми-

---

нилъ свое отношеніе къ этому вопросу. Такъ по словамъ Рузевельта, приведеннымъ Витте (стр. 388), Германскій Императоръ «несомнѣнно» желалъ прекращенія Японской войны. Въ виду этого можно безошибочно утверждать, что среди лицъ, вліявшихъ на Рузевельта въ томъ смыслѣ, чтобы онъ оказалъ давленіе на Японію, былъ и Вильгельмъ. Весьма возможно, что именно это вліяніе привело Рузевельта къ тому обращенію непосредственно къ Микадо, которое побудило послѣдняго отказаться отъ полученія отъ насъ контрибуціи вопреки мнѣнію Комуры, главнаго Японскаго уполномоченнаго.

тета министровъ множества справокъ по поступающимъ въ комитетъ дѣламъ. Справки эти имѣли опять таки цѣлью установить общую для всѣхъ вѣдомствъ политику, руководителемъ которой былъ бы предсѣдатель комитета. Словомъ желаніе превратиться въ главу правительства появилось у Витте несомнѣнно съ самаго момента назначенія предсѣдателемъ комитета министровъ, но не только достигнуть этого онъ не могъ, но даже не смѣлъ его обнаружить. —

Стремясь вернуть себѣ властное положеніе въ правительственномъ синклитѣ Витте, однако, все болѣе убѣждался, что достигнуть этого онъ можетъ лишь опираясь на какую либо постороннюю, внѣ правительства находящуюся, силу. Такая сила была лишь одна — общественное мнѣніе. Завербовать своими дѣйствіями сочувствіе общественныхъ круговъ Витте стремился во всѣ времена и по прирожденной сколонности не прочь былъ заигрывать со всѣми теченіями, въ особенности же оппозиціонными, но въ то время цѣль у него была лишь одна—парализовать оппозицію. Дѣйствительно до назначенія В. К. Плеве министромъ внутреннихъ дѣлъ и пріобрѣтенія послѣднимъ особо вліятельнаго положенія, главную свою опору Витте видѣлъ въ престолѣ, права котораго онъ поэтому ревностно оберегалъ. Нельзя однако не указать, что опору эту Витте искалъ не только ради сохраненія имъ своего служебнаго положенія, но и для полученія возможности провести въ жизнь замышляемыя имъ мѣропріятія. Послѣднее для Витте было почти также важно какъ сохраненіе власти. Отравленный ея долголѣтнимъ широкимъ обладаніемъ Витте дорожилъ властью чрезвычайно, но прелесть власти состояла для Витте не въ ея внѣшнихъ аттрибутахъ. Она ему нужна была для проведенія въ жизнь своихъ мыслей, для приложенія своихъ силъ. для свободнаго проявленія своего творчества. Въ этомъ состояло его главное отличіе отъ многихъ изъ его коллегъ, изъ которыхъ нѣкоторые были умнѣе его и обладали большимъ государственнымъ пониманіемъ, но ни одинъ не былъ охваченъ тѣмъ зудомъ творчества, который присущъ былъ Витте.*)

*) Нелишенную остроумія реплику далъ однажды бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ Витте небезизвѣстный епископъ Варнава, въ отвѣтъ на градъ обвиненій Витте въ разнообразныхъ промахахъ и ошибкахъ. «Позвольте», сказалъ онъ своимъ собесѣдникамъ, «разсказать вамъ одну нашу сибирскую сказку. Однажды хозяинъ послалъ своихъ работниковъ скосить лугъ, а къ вечеру пришелъ посмотрѣть, что они сдѣлали. Видитъ, что лугъ почти весь скошенъ. Пошелъ онъ по лугу, видитъ въ одномъ мѣстѣ вихры оставлены. Здѣсь, говорятъ ему работники, Митюшка косилъ. Идетъ дальше, видитъ въ другомъ мѣстѣ прокосы. Опять, оказывается, Митюшка косилъ. Словомъ гдѣ только какая

Безгранично властный и безконечно самоувѣренный онъ не брезгалъ никакими средствами для осуществленія своей воли. Ради этого онъ прибѣгалъ и къ грубой лести и къ подкупу. Ради этого онъ поддерживалъ сношенія съ различными авантюристами какъ напримѣръ Андрониковымъ и Г. П. Сазоновымъ, о чемъ онъ самъ нѣсколько наивно повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Ради этого онъ стремился заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ всѣхъ, имѣющихъ сколько нибудь частый доступъ къ Государю, вплоть до царскихъ камердинеровъ, что даже привело къ увольненію одного изъ нихъ по обнаруженіи его частыхъ общеній съ Витте.

Утративъ опору престола, что Витте не безъ основанія приписывалъ Плеве, естественно, что онъ стремился сойтись прежде всего съ кругами враждебными Плеве. И вотъ Витте, желавшій сократить кругъ дѣятельности земства и признававшій его вообще за «непригодное средство управленія», Витте доказывавшій (со ссылкой на Московскій сборникъ Побѣдоносцева), что «конституція великая ложь нашего времени», Витте утверждавшій что «къ Россіи при ея разноязычности и разноплеменности эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія Государства», наконецъ Витте состоявшій въ лучшихъ отношеніяхъ, до самаго его убійства въ маѣ 1902 года, съ Сипягинымъ, представителемъ несомнѣнно крайне праваго направленія (обо всемъ этомъ Витте не призналъ нужнымъ упомянуть въ своихъ мемуарахъ), — этотъ самый Витте превращается въ сторонника общественности и земства, защитника широкой гласности и полной свободы сужденій.

Такому превращенію конечно содѣйствовала и нароставшая въ то время революціонная волна. Тщательно слѣдя за дѣятельностью своего недруга Плеве, Витте, надо полагать, не безъ удовольствія видѣлъ, что эта дѣятельность вызываетъ рѣзко выраженное общественное неудовольствіе и негодованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждается, что старыми способами опозиціоннаго теченія не побѣдить, что полицейскими мѣрами нельзя остановить ни революціоннаго движенія, ни наростающаго общественнаго противодѣйствія, что, хорошо это или дурно отразится на управленіи государствомъ, но необходимо въ извѣстной мѣрѣ идти на встрѣчу

погрѣшность въ косьбѣ — повсюду Митюшка косилъ, а огрѣхи эти по всему лугу раскинулись. Зоветъ хозяинъ Митюшку, даетъ ему 5 рублей и говоритъ: «хоть и не все ты ладно, парень, скосилъ, а все же во какую луговину одолѣлъ». «А намъ что же»? говорятъ остальные работники. «Вамъ? Такъ вѣдь вы же и не косили вовсе. Всю луговину обошелъ я и повсюду, по вашимъ же словамъ, одинъ Митюшка косилъ».

общественному мнѣнію, нацо открыть клапанъ для выраженія его чувствъ и мыслей.

Въ этихъ видахъ Витте еще въ январѣ 1902 года, т. е. еще при Сипягинѣ, испрашиваетъ у Государя учрежденіе подъ своимъ предсѣдательствомъ особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Совѣщаніе это учреждается Указомъ 23-го января 1902 г., но цѣль его изложена въ воспоминаніяхъ Витте абсолютно невѣрно. Въ нихъ онъ утверждаетъ, что совѣщаніе это было образовано для обсужденія крестьянскаго вопроса. Но разсмотрѣніе этого вопроса указомъ 14-го января того же 1902 г., т. е. ранѣе учрежденія сельско-хозяйственнаго совѣщанія, было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, причемъ указомъ этимъ ему было прямо повелѣно «подвергнуть пересмотру законодательство о крестьянахъ въ цѣляхъ согласованія его съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства». Образовывая подъ своимъ предсѣдательствомъ сельско-хозяйственное совѣщаніе Витте имѣлъ въ виду иное, а именно парализовать все возроставшую оппозицію сельскихъ хозяевъ его экономической политикѣ, въ особенности же привлечь къ себѣ симпатіи пріобрѣтавшихъ въ то время все большее общественное значеніе земскихъ круговъ, состоявшихъ почти исключительно изъ землевладѣльцевъ. Въ этихъ видахъ, установивъ въ с.-хозяйственномъ совѣщаніи программу вопросовъ, подлежащихъ его разрѣшенію, причемъ вопросы эти онъ ставитъ возможно шире (не включая въ нихъ однако вопросовъ, касающихся крестьянскаго законодательства, какъ подлежащихъ разсмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ), онъ учреждаетъ мѣстные губернскіе и уѣздные с.-х. комитеты, ставитъ во главѣ послѣднихъ уѣздныхъ предводителей дворянства и привлекаетъ въ нихъ мѣстныхъ, преимущественно земскихъ, дѣятелей. На обсужденіе этихъ комитетовъ онъ передаетъ выработанную совѣщаніемъ программу и затѣмъ прерываетъ дѣятельность самаго совѣщанія до полученія отвѣтовъ съ мѣстъ.*)

---

*) Желаніе Витте состояло въ томъ, чтобы передать разработанную имъ программу на разсмотрѣніе уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній, чѣмъ сразу и привлечь къ себѣ расположеніе земскихъ круговъ, но на это не согласился Плеве, опасавшійся, что передовые земцы используютъ этотъ случай для завоеванія вящаго политическаго значенія. Сошлись на компромисѣ, а именно на комитетахъ подъ представительствомъ — губернскихъ — губернатора, а уѣздныхъ уѣзднаго предводителя дворянства, т. е. того же лица, который предсѣдательствовалъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Порядокъ этотъ, какъ извѣстно, не предотвратилъ того, что многіе уѣздные комитеты факти-

Такимъ образомъ уже въ началѣ 1902 года Витте ищетъ благоволенія извѣстной части общественности, однако преимущественно земско-дворянскихъ круговъ, съ которыми черезъ посредство этихъ комитетовъ и входитъ въ связь. Связь эта съ назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве и открытіемъ дѣйствій уѣздныхъ комитетовъ замѣтно усиливается. Происходитъ это вслѣдствіе того, что многіе уѣздные комитеты включаютъ въ свой составъ лицъ, непредусмотрѣнныхъ положеніемъ объ ихъ устройствѣ, и выходятъ изъ предѣловъ, предложенныхъ имъ вопросовъ. Плеве принимаетъ мѣры къ введенію дѣятельности комитетовъ въ опредѣленныя для нихъ рамки, причемъ нѣкоторыхъ изъ ихъ участниковъ подвергаетъ административной ссылкѣ, за возбужденіе ими вопроса объ измѣненіи существующей формы правленія. На этой почвѣ происходитъ рѣзкое столкновеніе между двумя министрами. Витте защищаетъ, по мѣрѣ возможности, свободу сужденій комитетовъ и именно такимъ образомъ усиливаетъ свои связи съ либеральными кругами общественности. Связь эта по оставленіи Витте министерства финансовъ не прекращается, такъ какъ предсѣдательство въ сельско-хозяйственномъ совѣщаніи онъ сохранилъ. Однако дѣйствія этого совѣщанія Витте, пока министромъ внутреннихъ дѣлъ состоитъ Плеве, ограничиваетъ разсмотрѣніемъ вопросовъ второстепенныхъ какъ, напримѣръ, объ ограниченіи числа праздниковъ, соблюдаемыхъ при сельскихъ работахъ.

Заигрываніе съ либеральной общественностью не мѣшаетъ однако Витте одновременно стремиться къ упроченію своего положенія въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ наиболѣе вліятельной части котораго онъ становится въ это время своимъ человѣкомъ. Пользуясь свободнымъ временемъ, которое ему даетъ необременительная по своимъ занятіямъ должность предсѣдателя комитета министровъ, онъ посѣщаетъ великосвѣтскія гостиныя, играетъ въ нихъ въ бриджъ и между двумя сдачами отпускаетъ ядовитыя стрѣлы по адресу Плеве. Критика во всякомъ обществѣ встрѣчаетъ сочувствующихъ. Встрѣчала она сочувствіе и въ петербургскомъ свѣтѣ, по существу однако вполнѣ консервативномъ, а въ матеріалѣ для критики въ то время недостатка не было. Серія тяжелыхъ неу-

---

чески превратились въ уѣздныя земскія собранія, такъ какъ предводители, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ приглашать въ составъ комитета любое число лицъ по ихъ выбору, пригласили къ участію въ работахъ комитета всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ, а нѣкоторые предводители также и представителей такъ называемаго третьяго элемента.

дачъ на японскомъ театрѣ войны отражалась на настроенiи всѣхъ слоевъ населенiя и конечно способствовала обнаруженiю всѣхъ слабыхъ сторонъ государственнаго организма и механизма. Роль критика была благодарная и Витте ею пользовался вполнѣ и притомъ не только въ обществѣ. Подходящимъ мѣстомъ для ея изощренiя былъ въ то время и Государственный Совѣтъ, членомъ котораго Витте состоялъ и гдѣ примкнулъ къ либеральной его части, порицавшей политику Плеве.

Словомъ первый перiодъ дѣятельности Витте въ качествѣ прецсѣдателя комитета министровъ не оставилъ и не могъ оставить никакихъ слѣдовъ на управленiи государствомъ, а для него лично сводился къ постепенной перемѣнѣ фронта и къ укрѣпленiю свочхъ общественныхъ связей, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что о немъ Витте въ своихъ мемуарахъ ничего не передаетъ. Закончился этотъ перiодъ съ убiйствомъ Плеве и назначенiемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго. Съ этимъ назначенiемъ начался второй перiодъ дѣятельности Витте на посту предсѣдателя комитета министровъ, продолжавшiйся до его отъѣзда въ Америку для заключенiя мира съ Японiей.

Съ кн. Мирскимъ Витте постарался сразу установить лучшiя отношенiя, что ему сначала и удалось и что тотчасъ отразилось на его положенiи въ правительственномъ синклитѣ. Въ воздухѣ какимъ то непонятнымъ образомъ вдругъ почувствовалось, что возвращенiе Витте къ дѣятельной власти не за горами. Конечно способствовалъ этому настроенiю и самъ Витте, причемъ уже вполнѣ ясно обнаружилась цѣль, къ которой онъ стремился, а именно стать во главѣ всего правительства, превративъ должность предсѣдателя комитета министровъ въ главу кабинета.

Въ то же время Витте счелъ своевременнымъ окончательно выкинуть либеральный флагъ. Подходящимъ мѣстомъ для этого оказалось сельско-хозяйственное совѣщанiе. Такъ какъ съ назначенiемъ кн. Мирскаго положенiе рѣзко измѣнилось, то Витте не замедлелилъ этимъ воспользоваться, чтобы придать работамъ сельско-хозяйственнаго совѣщанiя политическiй характеръ. Осуществить это было легко, такъ какъ многiе сельско-хозяйственные комитеты, не взирая на отказъ въ ихъ ходатайствѣ о включенiи въ предложенную имъ программу вопросовъ, касающихся крестьянскаго правопорядка и землепользованiя, тѣмъ не менѣе вопросы эти обсудили. И вотъ Витте ставитъ именно эти наиболѣе злободневные вопросы на разрѣшенiе центральнаго сельско-хозяйственного совѣщанiя.

чуждое, никогда не интересовавшее его сельское хозяйство снова выкинуто цѣликомъ за бортъ. Вырвать разрѣшеніе крестьянскаго вопроса изъ министерства внутреннихъ дѣлъ не представляло съ назначеніемъ кн. Мирскаго особаго труда, такъ какъ послѣдній въ этомъ вопросѣ совершенно не разбирался, о чемъ съ наивной откровенностью повѣдалъ интервьюировавшимъ его представителямъ петербургской повременной печати. — «Я до сихъ поръ», сказалъ кн. Мирскій, «стоялъ въ сторонѣ отъ многихъ вопросовъ и есть не мало серьезныхъ дѣлъ, съ которыми теперь только близко знакомлюсь. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о крестьянской реформѣ. Я его знаю большей частью лишь изъ газетъ». Впрочемъ для вящаго успѣха въ дѣлѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса согласно своимъ видамъ, Витте навязалъ кн. Мирскому (черезъ близкаго имъ обоимъ кн. Алексѣя Д. Оболенскаго) въ товарищи Кутлера, съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ той частью министерства, которая вѣдала крестьянскимъ дѣломъ. Но Кутлеръ былъ всегда исполнительнымъ чиновникомъ и, попавъ въ орбиту министерства внутреннихъ дѣлъ, очень скоро проникся взглядами этого вѣдомства.

Обезпечивъ, какъ ему казалось, полное содѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ, Витте переноситъ, такъ сказать, центръ тяжести работъ сельско-хозяйственного совѣщанія на разрѣшеніе крестьянской проблемы. Правда, въ первую очередь на обсужденіе совѣщанія ставится вопросъ о земельной арендѣ, но ставится онъ исключительно съ правовой точки зрѣнія. Къ разсмотрѣнію этого вопроса привлекается профессоръ Мануйловъ и нѣкоторые другіе представители науки и къ нимъ и высказаннымъ ими мнѣніямъ Витте относится съ особымъ вниманіемъ, можно сказать, почтительностью. Флиртъ съ либеральнымъ лагеремъ идетъ усиленнымъ темпомъ.

Слѣдомъ за вопросомъ арენднымъ, основныя положенія по которому разрѣшаются въ направленіи наибольшаго охраненія правъ арендаторовъ, Витте ставитъ вопросъ крестьянскій. По поводу этого вопроса Витте говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ первоначально придерживался народническаго взгляда, т. е. стоялъ за земельную общину и за сохраненіе крестьянской обособленности въ области управленія и суда, но скоро перешелъ къ мнѣнію противоположному. Заявленіе это вѣрно лишь относительно. Во-первыхъ Витте на эту точку зрѣнія сталъ отнюдь не скоро. Такъ еще въ 1893 году, при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ закона о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, Витте принадлежалъ къ числу наиболѣе горячихъ защитниковъ этой мѣры, хотя она

опредѣленно шла въ руслѣ идеологіи, признававшей крестьянъ за малолѣтнихъ, подлежащихъ правительственной опекѣ. Наконецъ вполнѣ опредѣленно проявилась приверженность Витте къ общинному землевладѣнію при разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ въ 1895 г. вопроса о временномъ пріостановленіи дѣйствія той статьи положенія о выкупѣ, на основаніи которой каждый крестьянинъ имѣлъ право, досрочно уплативъ причитающуюся за его надѣлъ выкупную сумму, пріобрѣсти его въ личную собственность. Мѣра эта была осуществлена въ значительной степени благодаря доводамъ, приведеннымъ именно Витте, и конечно сильно затормозила своевременный переходъ отъ общиннаго землепользованія къ личному. Затѣмъ, если въ письмѣ къ Государю отъ октября 1898 г., приведенномъ въ его воспоминаніяхъ, Витте и перешелъ на противоположную сторону, то все еще не въ полной мѣрѣ. Правда, въ этомъ письмѣ онъ рѣшительно высказывается за уравненіе крестьянъ въ ихъ общихъ правахъ съ лицами другихъ сословій, однако вопроса о крестьянскомъ землепользованіи, въ общемъ, онъ въ немъ вовсе не касается. Въ сущности, въ то время со стороны Витте настаиваніе на преобразованіи крестьянскаго общественнаго управленія и сословнаго суда въ порядкѣ ихъ сліянія съ общимъ управленіемъ и судомъ было въ значительной степени диверсіей. Отъ Витте съ разныхъ сторонъ требовали принятія мѣръ къ поднятію сельскаго хозяйства, утверждая, что это единственный способъ повышенія крестьянскихъ достатковъ. Но этихъ мѣръ Витте, по причинамъ указаннымъ выше, осуществить не желалъ. Вотъ онъ и рѣшилъ повернуть весь вопросъ въ иное русло, причемъ вѣроятно искренне вѣрилъ, что крестьянство угнетено, что оно еще не пользуется полной свободой, что надъ нимъ имѣется и правительственный и сословно-общественный гнетъ. Отсюда возникла у него мысль, что достаточно развязать окончательно руки крестьянству и ввести его въ общій гражданскій правооборотъ, чтобы оно сразу расправило крылья и экономически начало процвѣтать. Не понималъ еще Витте въ то время, что органической основой сословнаго крестьянскаго строя были господствовавшіе у крестьянъ и закрѣпленные законами земельные порядки, что при такихъ порядкахъ экономическій ростъ крестьянства неосуществимъ, а полное его сліяніе въ порядкѣ общественнаго управленія и суда фактически недостижимо. Для того, чтобы въ корнѣ упразднить сословную обособленность крестьянъ надо было прежде всего отмѣнить проведенный при содѣйствіи Витте въ 1893 г. законъ о неотчуждаемости надѣльныхъ

земель. Какъ извѣстно, по этому закону землями, отведенными въ надѣлъ крестьянамъ, могли владѣть исключительно лица, принадлежащія къ крестьянскому сословію. Но это обстоятельство уже само по себѣ приводило къ необходимости выдѣлить крестьянъ въ отдѣльную точно опредѣленную категорію населенія страны. Независимо отъ этого тотъ же законъ препятствовалъ фактическому слiянiю отдѣльныхъ слоевъ населенія, такъ какъ лишалъ возможности земледѣльцевъ не-крестьянскаго происхожденія внѣдряться въ составъ сельскихъ обществъ, посредствомъ пріобрѣтенія отъ отдѣльныхъ ихъ членовъ, приходящихся на ихъ долю участковъ надѣльной земли, безразлично владѣли ли они ими на общинномъ или подворномъ правѣ. Съ другой стороны, тотъ же законъ искусственно задерживалъ въ рядахъ сельскаго крестьянства такихъ его членовъ, врожденныя наклонности которыхъ влекли ихъ къ другимъ неземледѣльческимъ занятіямъ. Всего этого Витте, совершенно незнакомый съ русской сельской жизнью, не постигалъ. Онъ брался за крестьянскую реформу не съ того конца, и правы были тѣ члены с.-х. совѣщанія, которые говорили, что надо прежде всего уравнять крестьянъ въ ихъ правахъ на владѣніе землей съ лицами другихъ сословій. Разбогатѣвшее при экономической свободѣ сельское населеніе само претворитъ свое общественное, разумѣется, превратившееся во всесословное, управленіе изъ орудія гнета въ средство обезпеченія общественнаго благоустройства; претворитъ оно и судъ въ правомѣрный и неподкупный. Къ этому убѣжденію Витте пришелъ уже будучи предсѣдателемъ комитета министровъ и лишь передъ самымъ обсужденіемъ с.-х. совѣщаніемъ крестьянскаго вопроса. Эта перемѣна взглядовъ Витте даже обусловила перемѣну управляющаго дѣлами этого совѣщанія. Взамѣнъ И. П. Шипова, поклонника общины, была назначенъ А. И. Путиловъ, сторонникъ владѣнія крестьянами землей на правѣ личной собственности. Даже въ запискѣ, внесенной лично Витте въ сельско-хозяйственное совѣщаніе передъ самымъ приступомъ его къ обсужденію крестьянскаго вопроса, онъ по вопросу о крестьянскомъ землепользованіи опредѣленно не высказывается, а ограничивается лишь указаніемъ на необходимость упорядочить его. Центръ тяжести этой записки направленъ попрежнему на крестьянское общественное управленіе и на крестьянскій сословный судъ и на введеніе мелкой земской единицы. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ онъ опредѣленно идетъ въ фарватерѣ либеральной мысли. За этой мыслью Витте идетъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ ярче проявляется, съ одной стороны, склонность правитель-

ственныхъ верховъ идти на уступки общественности, а съ другой, чѣмъ болѣе охватываетъ страну революціонное движеніе. Убійство Плеве, назначеніе кн. Мирскаго и провозглашенное имъ «довѣріе къ общественнымъ силамъ», а Суворинымъ пришествіе «весны», октябрьскій частный съѣздъ земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ и вынесенныя имъ весьма либеральныя для того времени резолюціи, открытыя революціонныя вспышки во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ связи съ непрекращающимися террористическими актами, наконецъ, выступленіе петербургскихъ рабочихъ подъ предводительствомъ Гапона, 9 января 1905 г., всѣ эти послѣдовательные этапы совпадаютъ съ постепенной эволюціей влѣво С. Ю. Витте.

Сельско-хозяйственное совѣщаніе Витте сумѣлъ сдѣлать центромъ общественнаго вниманія, чему содѣйствовало и приглашеніе имъ въ его составъ представителей разныхъ теченій общественной мысли. Тутъ были и проф. Постниковъ, давній и горячій сторонникъ общины, и профессора Петражицкій, Пихно̀ и Гулевичъ, стоявшіе всѣ три за полное сліяніе крестьянства съ другими сословіями, какъ въ отношеніи общественнаго управленія и суда, такъ и въ порядкѣ землепользованія, т. е. за упраздненіе общины.

Надо отдать справедливость Витте, онъ умѣлъ придать живость и интересъ происходившимъ подъ его предсѣдательствомъ преніямъ. Высказанныя членами совѣщанія ничѣмъ не стѣсненныя сужденія отличались въ большинствѣ дѣловитостью, знаніемъ русской жизни и богатствомъ мысли. Изданные впослѣдствіи протоколы засѣданій совѣщанія, заключавшіе стенографическую запись сказаннаго въ нихъ, составили цѣнный вкладъ въ нашу литературу по крестьянскому вопросу и несомнѣнно многое освѣтятъ будущему историку въ протекавшей въ то время эпохѣ русской жизни.

Однако утверждать, какъ это дѣлаетъ Витте въ своихъ воспоминаніяхъ, что этимъ совѣщаніемъ были выработаны проекты переустройства крестьянскаго быта, — болѣе чѣмъ смѣло. Въ этомъ отношеніи все ограничилось установленіемъ самыхъ общихъ положеній, такъ сказать, путеводныхъ вѣхъ. Ничего похожаго на проекты совѣщанію представлено не было, а имъ самимъ, заключавшимъ свыше 50 участниковъ, конечно выработано быть не могло. Высочайшій указъ 9 ноября 1906 года, установившій право свободнаго выхода изъ общины, имѣетъ свою особую и длинную исторію ио вопреки утвержденію Витте, заключенія сельско-хозяйственнаго совѣщанія по этому вопросу являются лишь однимъ и довольн, незначительнымъ этапомъ ея.

Если сельско-хозяйственное совѣщаніе привлекло общественное вниманіе, то оно же вызвало множество толковъ въ офиціальныхъ сферахъ и встрѣтило конечно разнообразныхъ противниковъ. Главнѣйшимъ изъ нихъ, въ смыслѣ вліянія, былъ И. Л. Горемыкинъ. Нѣкогда (въ 1899 г.), сваленный Витте съ поста министра внутреннихъ дѣлъ на почвѣ излишняго будто бы либерализма, въ особенности въ его отношеніи къ земству, Горемыкинъ здѣсь явился, по странной ироніи судьбы, представителемъ теченія консервативнаго. Принадлежа къ тому поколѣнію русскихъ людей, которое было увлечено народничествомъ, онъ, какъ всегда въ мѣру и ничѣмъ отнюдь не увлекаясь, стоялъ на томъ, что измѣненія въ крестьянскомъ правопорядкѣ и формѣ землепользованія должны быть произведены постепенно съ вящей осторожностью, не ломая извѣстныхъ порядковъ, а лишь давая имъ возможность медленно и безболѣзненно эволюціонировать. Страстный натискъ Витте былъ органически противенъ всей разсудительной природѣ Горемыкина. Въ Витте онъ видѣлъ революцію сверху и это его несомнѣнно пугало. Независимо отъ этого Горемыкинъ конечно не забылъ и не простилъ подстроенную Витте утрату имъ министерскаго портфеля. Терпѣливо и спокойно, но бдительно слѣдя за словами и дѣйствіями Витте, выжидалъ онъ случая отплатить ему той же монетой. Во время хода засѣданій сельско-хозяйственного совѣщанія такой случай представился. Произошелъ онъ во второй половинѣ марта 1905 г., когда революціонное движеніе въ странѣ приняло уже весьма значительные размѣры. Въ началѣ февраля былъ убитъ Великій Князь Сергій Александровичъ и вернувшійся изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ для разслѣдованія обстоятельствъ этого преступленія, директоръ департамента полиціи Лопухинъ громко заявлялъ, что революціонное движеніе имѣетъ столько сторонниковъ въ странѣ, что правительство одно побороть его не въ силахъ, что необходимы значительныя уступки оппозиціонной общественности. Хотя крылатое слово: «разоряйте гнѣзда — птицы сами разлетятся» было впервые пущено лишь въ іюнѣ 1905 г. (Пѣшехоновымъ въ Русскомъ Богатствѣ) все же на горизонтѣ уже вырисовывались вспыхнувшіе съ весной аграрные безпорядки и агенты Витте, а у него всегда были такіе, сообщали ему съ мѣстъ, что настроеніе крестьянства, подъ вліяніемъ пропаганды, а также нашихъ военныхъ неудачъ въ борьбѣ съ японцами, весьма повышенное, что лозунгъ «вся земля народу» получилъ широкое распространеніе и несомнѣнно выльется во многихъ мѣстахъ въ насильственные захваты владѣльческой земли и разрушенія

усадебъ. Страстная натура Витте все это живо воспринимала, а недостаточная сдержанность, неумѣніе таить свои мысли, въ связи съ полнымъ незнакомствомъ съ земельнымъ вопросомъ по существу, привели его къ тому, что на засѣданіи сельско-хозяйственного совѣщанія 23 марта онъ вдругъ высказалъ убѣжденіе, «что не пройдетъ и года, какъ мы въ этомъ залѣ или въ какомъ-либо иномъ будемъ говорить о передѣлѣ земли».*) Это было предпослѣднее засѣданіе совѣщанія... 30 марта оно было закрыто и одновременно учреждено новое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Горемыкина «объ укрѣпленіи крестьянскаго землевладѣнія». Въ рескриптѣ на имя Горемыкина, сопровождавшемъ учрежденіе этого новаго совѣщанія, было, между прочимъ, сказано о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія «при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ», а также о скорѣйшемъ отграниченіи крестьянскихъ земель, «дабы вящимъ образомъ утвердить въ народномъ созданіи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности».

Обо всемъ этомъ эпизодѣ Витте не упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, органичиваясь выраженіемъ недоумѣнія по поводу внезапнаго закрытія сельско-хозяйственного совѣщанія, хотя ему конечно были извѣстны обстоятельства, его вызвавшія. Впрочемъ необходимо отмѣтить, что ко времени этого закрытія положеніе Витте вообще вновь пошатнулось, а именно на почвѣ исполненія имъ Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 г.

Исторію возникновенія этого указа Витте излагаетъ также далеко не полно, поскольку она касается его личнаго въ этомъ дѣлѣ участія. Между тѣмъ именно это его участіе чрезвычайно характерно для Витте. Въ дѣйствительности дѣло происходило такъ. Кн. Мирскимъ была представлена записка о мѣрахъ, необходимыхъ для успокоенія взбаламученной общественности. Въ запискѣ проектировалось предоставленіе обществу нѣкоторыхъ гражданскихъ свободъ, но существенной ея частью являлась мысль о пополненіи Государственнаго Совѣта выборными представителями отъ земствъ, городовъ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ общественныхъ организацій. Дѣло шло слѣдовательно о нѣкоторой эмбріональной конституціи, хотя въ сущности это было лишь возвращеніе къ мысли

*) Фраза эта въ протоколъ совѣщанія не была включена. Была она однако пророческая, ибо дѣйствительно не прошло и года, какъ совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ того же Витте обсуждалъ этотъ вопросъ.

кн. А. И. Васильчикова, развитой имъ въ запискѣ, представленной еще Александру II, въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ и содержаніе которой было воспроизведено, какъ разъ во время представленія Мирскимъ своей записки, на столбцахъ Новаго Времени.

Записка Мирскаго, какъ это передаетъ и Витте, была подвергнута обсужденію въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государя. Вотъ здѣсь то память и измѣняетъ Витте: говоря объ этомъ совѣщаніи онъ забываетъ сказать, что главнымъ противникомъ той части записки, которая предполагала привлеченіе къ законодательной работѣ выборныхъ общественныхъ представителей, былъ онъ — Витте. Въ двойственной, какъ всегда, рѣчи Витте указалъ, что мѣра эта неизбѣжно приведетъ къ умаленію царской власти, на которой держится русское государство, и къ очень быстрому установленію въ Россіи вполнѣ конституціоннаго образа правленія. Что же касается другихъ мѣръ, изложенныхъ въ запискѣ, то онѣ несомнѣнно желательны и полезны, но при условіи, чтобы онѣ исходили отъ монарха и притомъ были тщательно соображены съ общей государственной политикой.

Цѣль Витте была совершенно ясная, а именно, однимъ ударомъ возстановить къ себѣ довѣріе Верховной власти и дискредитировать кн. Мирскаго, тѣмъ самымъ вырвавъ у него осуществленіе предположенныхъ имъ мѣръ и, ставъ самому ихъ дѣятельнымъ проводникомъ, явиться такимъ образомъ въ глазахъ общества либеральнымъ реформаторомъ. Цѣль эта была Витте въ значительной степени достигнута. Осуществленіе предложенныхъ Мирскимъ либеральныхъ мѣръ было возложено на комитетъ министровъ, превратившійся такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ въ согласованнный концертъ, первую скрипку въ которомъ естественно играетъ предсѣдатель комитета, т. е. самъ Витте. Дѣйствительно въ указѣ 12 декабря 1905 года, составленномъ Витте, было прямо сказано — «Въ ряду государственныхъ нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ комитету м-ровъ» Словомъ это былъ шагъ и довольно рѣшительный по пути осуществленія его завѣтнаго желанія — превратиться изъ предсѣдателя комитета министровъ въ главу объединеннаго подъ его властной ферулой правительства. Пока-что Витте вновь становится вліятельнымъ государственнымъ дѣятелемъ и сосредоточиваетъ на себѣ общественное вниманіе.

Къ изложенному справедливость требуетъ однако прибавить, что проявленная въ этомъ дѣлѣ Витте двойственность, которой

впрочемъ съ этого времени отличалась вся его государственная политика, не была обусловлена исключительно личными соображеніями и желаніемъ захватить власть и прочно на ней укрѣпиться. Дѣло въ томъ, что Витте, быть можетъ не отдавая себѣ самъ точно въ этомъ отчета, былъ типичнымъ поклонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма, конечно при условіи, чтобы власть была преимущественно сосредоточена въ его рукахъ. Демократъ по природѣ, не взирая на присущій ему снобизмъ (свойства впрочемъ часто уживающіяся въ людяхъ), чуждый стремленія въ чемъ-либо стѣснять свободу личности, врагъ всякихъ крупныхъ репрессивныхъ мѣръ, Витте одновременно думалъ, что у кормила государственнаго корабля должна стоять власть сильная и единоличная. Задача власти направлять общественность, а отнюдь не быть ею направляемой. Для общества надо создать иллюзію, что она вдохновительница государственной политики, но уступать ей государственное управленіе ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ.

Безгранично самоувѣренный Витте былъ убѣжденъ, что онъ всегда сумѣетъ справиться и съ труднѣйшими государственными проблемами и съ общественннымъ мнѣніемъ, въ смыслѣ сочувствія къ его дѣятельности. Разъ принимаемыя мѣры сами по себѣ разумны, онѣ неминуемо должны, по мнѣнію Витте, встрѣтить общественное одобреніе большинства. Съ меньшинствомъ же считаться не приходится: оно состоитъ либо изъ глупыхъ людей, либо изъ утопистовъ-революціонеровъ, чаще всего, по ихъ умственнымъ способностямъ, сливающихся съ первыми. Приверженность къ просвѣщенному абсолютизму проходила красной нитью въ государственныхъ концепціяхъ Витте и поэтому, играя на два фронта, высказывая передъ Государемъ свою преданность самодержавному строю и одновременно изображая передъ общественностью либеральнаго реформатора, онъ былъ въ значительной степени искрененъ въ обоихъ случаяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ впрочемъ и его воспоминанія, насквозь пропитанныя этой двойственностью, причемъ онъ самъ, очевидно, ея не замѣчалъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этой двойственностью, а также подъ вліяніемъ нароставшей революціонной волны, Витте приступилъ къ осуществленію указа 12-го декабря въ опредѣленно либеральномъ духѣ, далеко перейдя предѣлы, намѣченные въ запискѣ кн. Мирскаго и которые на совѣщаніи у Государя онъ же признавалъ слишкомъ широкими. Проявилъ при этомъ Витте и обычную свою энергію и властность. Усиленно заскрипѣли перья въ канцеляріи

комитета министровъ за составленіемъ всевозможныхъ справокъ, историческихъ обзоровъ и изслѣдованій въ области государственнаго права. Засѣданія комитета министровъ происходили чуть-что не ежедневно. Однако очень скоро выяснилось, что измѣнить дѣйствующіе законы безъ вящаго нарушенія общественнаго спокойствія и порядка не такъ легко, что необходимо замѣнить существующіе законы новыми, выработка которыхъ требуетъ времени и самимъ комитетомъ министровъ осуществлена быть не можетъ.*) Измѣнить законы о печати, опредѣлить предѣлы вѣротерпимости, изыскать болѣе правомѣрные способы для обезпеченія государственнаго порядка, нежели предусмотрѣнные положеніемъ объ усиленной охранѣ отдѣльныхъ мѣстностей — все это требовадо тщательнаго обсужденія лицами спеціально знакомыми съ этими предметами. Пришлось прибѣгнуть къ образованію отдѣльныхъ по каждому вопросу комиссій, ограничившись преподаніемъ имъ лишь общихъ указаній. Къ выработкѣ этихъ указаній Витте и приступилъ, причемъ въ цѣляхъ удовлетворенія общественныхъ чаяній счелъ нужнымъ предать ихъ гласности.

Витте однако понималъ, что если этимъ однимъ ограничиться, то, въ виду неизбѣжнаго отсутствія вполнѣ конкретнаго содержанія въ преподанныхъ комиссіямъ общихъ указаніяхъ, опубликованіе ихъ не произведетъ сколько-нибудь сильнаго впечатлѣнія. Въ сущности указанія эти лишь повторяли въ болѣе пространномъ изложеніи положенія, заключавшіяся въ самомъ указѣ 12 декабря 1904 г. Съ цѣлью придать рѣшеніямъ комитета министровъ большее значеніе, чтобы привлечь къ нимъ общественное сочувствіе, Витте опубликовалъ не только эти рѣшенія, но и извлеченія изъ самихъ журналовъ комитета, составленныя съ этой спеціальной цѣлью. Содержаніе же этихъ извлеченій состояло въ ѣдкой критикѣ существующихъ и пока-что все еще продолжавшихъ дѣйствовать законовъ, положеній и установившихся порядковъ. Заключали эти извлеченія такія фразы, какъ напримѣръ, что «ни одинъ обыватель не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ отъ производства у него обыска или отъ заключенія его подъ арестъ». Извлеченіе изъ журнала комитета касавщагося рабочаго вопроса содержало указаніе, что «фабричное законодательство подвигалось

*) Государственная власть тогда еще не думала, какъ полагалъ это глава временнаго правительства кн. Львовъ, что достаточно однимъ почеркомъ пера уничтожить весь административный строй, а «остальное утрясется». На дѣлѣ, увы, не утряслось, а растряслось.

впередъ весьма медленно и выразилось въ проведенiи весьма немногихъ нормъ». «Министерство Финансовъ», говорилось далѣе, очевидно для восхваленiя Витте, «по мѣрѣ силъ стремилось къ восполненiю замѣчаемыхъ пробѣловъ, но встрѣчало на своемъ пути затрудненiя». Подъ этими затрудненiями слѣдовало конечно подразумѣвать противодѣйствiе со стороны м-ва вн. дѣлъ.

Получилось, словомъ, нѣчто совсѣмъ несообразное. Оппозицiонная печать, разумѣется, не преминула использовать содержанiе опубликованныхъ журналовъ комитета министровъ. Положенiе кн. Мирскаго — министра внутреннихъ дѣлъ стало до крайности тяжелымъ. Самая передача Витте разработки мѣръ, которыхъ онъ былъ инициаторомъ, вырывала у него большой козырь изъ рукъ, а именно сочувствiе умѣренно либеральныхъ круговъ къ руководителю внутренней политики, что развязало бы ему руки по отношенiю къ явно революцiоннымъ элементамъ. Опубликованiе упомянутыхъ журналовъ еще болѣе осложнило его положенiе. Создавалось впечатлѣнiе, что правительственный курсъ остается прежнимъ, а что рядомъ съ нимъ возникъ новый курсъ, инициаторомъ котораго и дѣятельнымъ, но безсильнымъ проводникомъ является Витте, съ правительственной дѣятельностью не солидарный. Словомъ въ результатѣ правительственныя дѣйствiя подвергались прежней ожесточенной критикѣ, а на Витте смотрѣли какъ на борца за общественную свободу. Это убѣжденiе несомнѣнно стремился укоренить въ обществѣ и самъ Витте. Характерной иллюстрацiей можетъ служить въ этомъ отношенiи разсказанное самимъ Витте въ его воспоминанiяхъ посѣщенiе его наканунѣ 9 января 1905 г. депутацiей представителей различныхъ теченiй оппозицiонной общественности, среди которыхъ были Арсеньевъ, Шахматовъ и Горькiй. Явилась къ нему эта депутацiя съ тѣмъ, чтобы онъ обезпечилъ выходъ Государя къ имѣвшимъ собраться на другой день подъ предводительствомъ Гапона у Зимняго Дворца рабочимъ и принятiе отъ нихъ прошенiя. Что же отвѣтилъ имъ Витте? Что подобныя выступленiя недопустимы? Что они должны использовать свое влiянiе, чтобы предотвратить предположенное выступленiе? Отнюдь нѣтъ. Какъ Витте наивно самъ объ этомъ разсказываетъ, онъ заявилъ депутацiи, что дѣла этого онъ не знаетъ, что его это не касается и что поэтому вмѣшиваться въ это онъ не можетъ. Было ли при этомъ прямо сказано или только дано подразумѣвать, что властью онъ, Витте, не обладаетъ, но что его точка зрѣнiя съ ихней по существу не расходится, утверждать трудно, но что въ той или иной формѣ

мысль эта Витте была высказана, сомнѣваться, зная тогдашній его образъ дѣйствій, не приходится. Нечего поэтому удивляться, что въ правительственныхъ кругахъ къ Витте стали относиться подозрительно. Недовѣріе это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что на состоявшееся у министра внутреннихъ дѣлъ кн. Мирскаго наканунѣ того же 9 января и по тому же поводу частное совѣщаніе нѣсколькихъ министровъ Витте приглашенъ не былъ, о чемъ онъ опять таки самъ передаетъ.

Да, разсчеты Витте на этотъ разъ оказались ошибочными и привели лишь къ его фактическому устраненію отъ дальнѣйшаго руководства дѣломъ осуществленія предположенныхъ реформъ. Устраненіе это произошло путемъ передачи всего дѣла въ совѣтъ министровъ, предсѣдателемъ котораго по закону былъ самъ Императоръ, но Государь назначилъ себѣ замѣстителя въ лицѣ гр. Сольскаго (предсѣдателя департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта), на котораго и выпала обязанность руководить сужденіями министерской коллегіи при выработкѣ ею основныхъ положеній новаго «усовершенствованнаго» государственнаго строя. Именно въ этомъ совѣтѣ, получившемъ названіе совѣщанія гр. Сольскаго, возбужденъ былъ вновь вопросъ о привлеченіи выборныхъ народныхъ представителей къ законодательной работѣ и выработанъ проектъ возвѣщавшаго объ этомъ манифеста, подписанный Государемъ 18 февраля 1905 г. Здѣсь, какъ извѣстно, пошли значительно дальше предположеній кн. Мирскаго, а именно, учреждалось на-ряду съ государственнымъ Совѣтомъ нижняя законодательная палата, состоящая исключительно изъ однихъ выборныхъ населеніемъ членовъ, но обладающая однако только законосовѣщательными функціями. Выработка положенія объ этой палатѣ, названной Государственной Думой, была возложена опять таки не на Витте, а на А. Г. Булыгина, замѣнившаго къ этому времени кн. Мирскаго на должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Обо всемъ этомъ повѣтствуетъ Витте въ своихъ воспоминаніяхъ, не объясняя, однако, причинъ, вызвавшихъ утрату имъ главной роли въ принятіи вызывавшихся событіями рѣшеній первостепенной важности, и даже не отмѣчая, что ему пришлось временно вновь отойти отъ рампы и смѣшаться съ толпой фигурантовъ. Словомъ тутъ закончился второй періодъ его дѣятельности какъ предсѣдателя комитета министровъ.

Въ такомъ положеніи застаетъ Витте предложеніе поѣздки въ Америку для заключенія мира съ Японіей, послѣ того какъ отъ этой миссіи отказались другія лица.

Смѣлый, неизмѣнно жаждущій живой дѣятельности, Витте не отказывается отъ этого тяжелаго и неблагодарнаго порученія. Блестяще его выполнивъ, онъ возвращается въ Петербургъ въ сентябрѣ 1905 г. въ ореолѣ славы, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда революціонное движеніе приняло уже вполнѣ открытыя, а мѣстами и бурныя формы. Въ Петербургскихъ правительственныхъ сферахъ несомнѣнно господствуетъ значительная растерянность. Ищутъ лицо, могущее возстановить спокойствіе въ странѣ и взоры большинства обращаются именно на Витте. Положеніе Витте въ эти дни нѣсколько напоминаетъ положеніе Наполеона послѣ его возвращенія изъ Египта передъ 18-мъ брюмера. Гр. Сольскій встрѣчаетъ Витте словами «графъ, Вы одни можете спасти Россію». Болѣе, чѣмъ когда-либо послѣ своей поѣздки въ Америку, самоувѣренный Витте и самъ въ это вѣритъ и даже громко заявляетъ: «я знаю какъ спасти Россію».

Тутъ начинается третій періодъ дѣятельности Витте на должности предсѣдателя комитета министровъ, періодъ весьма кратковременный, закончившійся съ изданіемъ манифеста 17-го октября 1905 г. и назначеніемъ его предсѣдателемъ совѣта министровъ т. е. главою кабинета, главою всего правительства.

Этой страницѣ своей государственной дѣятельности Витте посвящаетъ отдѣльную главу своихъ воспоминаній. Несогласованность высказанныхъ въ этой главѣ положеній является ея отличительной чертой.

Сущность содержанія этой главы сводится къ тому, что онъ, Витте, отнюдь не навязывалъ манифеста 17-го октября, а наоборотъ во все время обсужденія вопроса о дарованіи конституціи утверждалъ, что для возстановленія въ странѣ порядка имѣется два способа, а именно, либо подавленіе революціоннаго движенія силой, для чего необходимо установить въ странѣ диктатуру, либо привлеченіе на сторону правительства либеральной оппозиціи, что можетъ быть достигнуто только путемъ учрежденія представительныхъ учрежденій съ соотвѣтственнымъ расширеніемъ гражданскихъ правъ населенія. Правда Витте признаетъ, что къ этому онъ добавлялъ, что самъ онъ въ состояніи осуществить лишь второй планъ, и чтобы слѣдовательно на него, въ случаѣ если будетъ признано соотвѣтственнымъ примѣнить открытую силу, не разсчитывали. Въ своихъ воспоминаніяхъ Витте идетъ даже дальше, говоря, что въ душѣ онъ стоялъ за диктатуру какъ по существу, такъ и потому, что это избавило бы его отъ тяжкой обузы власти.

Одновременно стремится Витте доказать въ своихъ мемуарахъ, что, настаивая на опубликованіи основныхъ положеній манифеста 17-го октября не въ видѣ акта, исходящаго непосредственно отъ Монарха, а въ видѣ утвержденнаго Высочайшей властью доклада предсѣдателя комитета министровъ, онъ имѣлъ въ виду, что при избраніи послѣдняго способа Государь былъ бы менѣе связанъ въ послѣдующихъ своихъ по этому вопросу рѣшеніяхъ.

Таково содержаніе одной серіи утвержденій Витте, изложенныхъ однако не столько въ самихъ воспоминаніяхъ, сколько въ приложенной къ нимъ особой запискѣ, представленной Витте Государю въ началѣ 1907 г. *) Что же касается самихъ мемуаровъ, то въ нихъ вопросъ этотъ излагается ихъ авторомъ нѣсколько иначе. Въ нихъ Витте говоритъ, что онъ «ни единой минуты не сомнѣвался въ необходимости установленія въ странѣ парламентарнаго строя» и далѣе, что «гораздо лучше, что прошлое было сразу отрѣзано, хотя бы нѣсколько грубо и рѣзко, нежели если бы его медленно отрѣзали тупой пилой, находящейся въ рукахъ неумѣлаго хирурга». Здѣсь надо, вѣроятно, видѣть указаніе Витте на то, что онъ былъ хирургомъ умѣлымъ.

Что же касается предпочтенія, которое Витте отдавалъ утвержденію принциповъ, провозглашенныхъ 17-го октября, путемъ опубликованія излагающаго эти принципы доклада, получившаго царское одобреніе, а не посредствомъ манифеста, то въ мемуарахъ онъ объясняетъ это бывшимъ у него опасеніемъ, что изданіе манифеста будетъ сигналомъ для повсемѣстныхъ уличныхъ выступленій, которыя окончательно нарушатъ уже сильно поколебленный въ странѣ порядокъ.

Таковы двѣ версіи Витте о своемъ участіи въ изданіи манифеста 17-го октября, версіи настолько переплетающіяся, что наконецъ недоумѣваешь въ правильности какой изъ нихъ авторъ желаетъ убѣдить читателя.

Въ основѣ своей вопросъ сводится къ тому, дѣйствительно ли Витте напрягъ всѣ усилія для утвержденія своего доклада, т. е. для введенія въ Россіи конституціоннаго строя или наоборотъ онъ все время упорно указывалъ на другой возможный выходъ —

---

*) Вслѣдствіе уже отмѣченной крайней небрежности французскаго изданія воспоминаній, записка эта, ничѣмъ отъ текста самихъ воспоминаній не отдѣленная, при бѣгломъ чтеніи совершенно съ ними сливается, такъ что получается впечатлѣніе, что вся заключающая эту записку девятая глава составляетъ воспоминанія ея автора.

подавленіе разбушевавшихся народныхъ страстей силой, причемъ въ душѣ даже желалъ, чтобы былъ избранъ этотъ второй путь и чтобы такимъ образомъ «чаша власти миновала его».

Внимательное чтеніе «воспоминаній», равно какъ недавно опубликованныя во второмъ томѣ «Архива русской революціи» записки по тому же предмету Н. И. Вуича и кн. А. Д. Оболенскаго, составленныя ими еще въ 1906 г., не оставляютъ никакихъ сомнѣній, что правда находится по серединѣ. Формально Витте несомнѣнно правъ, когда утверждаетъ, что онъ все время говорилъ о возможности ликвидировать революціонное движеніе двумя способами, причемъ подчеркивалъ, что тотъ, который онъ берется осуществить, быть можетъ не лучшій. Но онъ безусловно неправъ, утверждая, что въ душѣ желалъ, чтобы революція была подавлена силой, такъ какъ для этой роли онъ не былъ пригоденъ, и что поэтому такимъ образомъ онъ былъ бы избавленъ отъ принятія на себя тяжелаго бремени власти.

Къ этой власти Витте настойчиво и безпрерывно стремился, но хотѣлъ при этомъ обставить свое вступленіе во власть особыми условіями, а именно, прежде всего опубликованіемъ такого акта, изъ котораго Россія почерпнула бы убѣжденіе, что переходъ къ конституціонному образу правленія произошелъ исключительно по его инціативѣ и благодаря его настояніямъ. Это ему нужно было какъ для привлеченія къ себѣ общественнаго довѣрія, такъ и для укрѣпленія своего положенія у власти. При всеобщемъ сочувствіи къ нему наиболѣе дѣятельной части русскаго общества, а въ этомъ сочувствіи, въ случаѣ измѣненія по его инціативѣ формы государственнаго правленія, онъ ни на одну минуту не сомнѣвался, удаленіе его отъ власти стало бы невозможнымъ и онъ фактически превратился бы въ несмѣняемаго главу правительства. Именно поэтому предпочиталъ Витте провозглашеніе принятаго Государемъ рѣшенія не путемъ манифеста, а лишь опубликованіемъ высочайше утвержденнаго его собственнаго доклада. Указаніе Витте, что онъ опасался, что опубликованіе манифеста вызоветъ безпорядки, невѣрно. Онъ настолько мало этого опасался, что даже не оповѣстилъ мѣстныхъ властей о предстоящемъ изданіи манифеста, о которомъ онѣ узнали лишь изъ газетъ. Обстоятельство это, какъ извѣстно, привело во многихъ мѣстахъ къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Что же касается средства, избраннаго имъ для проникновенія къ власти, то оно состояло именно въ томъ, что онъ утверждалъ, что имѣется два способа возстановленія порядка, но что онъ спосо-

бенъ осуществить лишь тотъ, который связанъ съ дарованіемъ конституціи, превосходно зная, что въ то время въ правительственныхъ кругахъ, равно какъ и въ придворныхъ сферахъ на него смотрѣли какъ на единственнаго человѣка, способнаго вывести государственный корабль изъ того тупика, въ который онъ вошелъ. Говоря, что иначе какъ при извѣстныхъ условіяхъ на него «разсчитывать нельзя», онъ несомнѣнно оказывалъ сильнѣйшее давленіе для принятія этихъ условій.

Для того, чтобы понять, насколько разсчетъ этотъ былъ правильный, достаточно припомнить ту обстановку, при которой происходили въ октябрскіе дни 1905 года переговоры съ Витте. Всеобщая желѣзнодорожная забастовка прекратила всѣ сообщенія въ Россіи. Петергофъ, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе Государь, былъ почти отрѣзанъ отъ столицы — сосредоточенія всего государственнаго управленія; сообщенія между этими двумя центрами поддерживались лишь моремъ на правительственныхъ судахъ. Изъ провинціи безпрестанно приходили свѣдѣнія о новыхъ буйныхъ революціонныхъ вспышкахъ. Манджурская армія проявляла грозные признаки разложенія. Количество войскъ, находящихся въ Европейской Россіи и въ частности въ Петербургѣ было сравнительно незначительное. Наконецъ сама столица была погружена въ мракъ, благодаря забастовкѣ рабочихъ на электрическихъ станціяхъ, причемъ ежеминутно угрожала стачка водопровода. На петербургскихъ и окрестныхъ заводахъ происходили непрестанные митинги и охраненіе внѣшняго уличнаго порядка достигалось съ величайшимъ трудомъ: полиція сбилась съ ногъ. Казалось, что надвигается крушеніе государства и при этомъ господствовало убѣжденіе, что одинъ лишь творецъ Портсмутскаго договора знаетъ «какъ спасти Россію».

Что Витте стремился къ власти не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, но Витте, какъ уже указано, стремился къ власти прочной, почти неотъемлемой. Дважды испытавъ непрочность своего служебнаго положенія, если оно всецѣло зависитъ отъ единоличной воли монарха, а именно при отставленіи отъ должности министра финансовъ, а затѣмъ при утратѣ того вліятельнаго положенія, которое онъ съ трудомъ себѣ создалъ на безцвѣтной должности предсѣдателя кокомитета министровъ, онъ рѣшилъ создать себѣ такое положеніе, при которомъ его отставка вызвала бы, какъ онъ думалъ, взрывъ всеобщаго негодованія. Сдѣлаться кумиромъ русской общественности, послѣ только-что столь удачно достигнутаго имъ успѣха въ

этомъ отношенiи въ Америкѣ, ему казалось весьма легко. При всемъ этомъ однако онъ хотѣлъ сохранить и благоволенiе престола. Принять передъ престоломъ всецѣло на себя отвѣтственность за измѣненiе формы правленiя онъ отнюдь не желалъ. И вотъ Витте оставляетъ за собою лазейку, которую впослѣдствiи и стремится всячески использовать. Есть, молъ, два способа вернуть спокойствiе странѣ и тотъ, который я могу осуществить (причемъ подразумѣвалось — я одинъ) быть можетъ не лучшiй, а затѣмъ Вы рѣшайте.

Весь этотъ планъ былъ однако слишкомъ прозраченъ и получилъ ввиду этого лишь частичное исполненiе. Государственная реформа была осуществлена и провозглашена не утвержденнымъ докладомъ Витте, а Царскимъ манифестомъ, съ которымъ исторiя его неразрывно и свяжетъ и лишь въ дополненiе къ манифесту былъ опубликованъ докладъ Витте, перечислявшiй тѣ мѣры, которыя надлежитъ, во исполненiе манифеста, въ ближайшую очередь осуществить.

Не удалось Витте въ конечномъ счетѣ и запугать отказомъ стать во главѣ правительства иначе какъ при условiи принятiя его программы. Несмотря на то, что въ отвѣтъ на письмо Государя отъ 13-го октября, въ которомъ на него возлагалось объединенiе дѣятельности отдѣльныхъ министровъ, онъ заявилъ, что не въ состоянiи принять на себя этой задачи до утвержденiя его предположенiй, все же окончательное рѣшенiе не принималось. Прошло два дня, какъ повѣтствуетъ Витте, и изъ Петергофа никакихъ новыхъ предложенiй или приглашенiй имъ не получается. Смущенный этимъ обстоятельствомъ, Витте приходитъ къ убѣжденiю, что разсчетъ можетъ не оправдаться, что надо изыскать еще какiя-либо иныя мѣры, новые способы. Такой способъ Витте тутъ же изобрѣтаетъ, но въ томъ, что онъ былъ его инициаторомъ въ своихъ воспоминанiяхъ не только не признается, но даже отрицаетъ, утверждая, что даже узналъ о немъ много времени спустя. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что онъ принялъ мѣры, чтобы Великому Князю Николаю Николаевичу, мнѣнiе котораго у Государя , Витте зналъ, имѣло большой вѣсъ, были доставлены такiя свѣдѣнiя, которыя убѣдили бы его въ безусловной необходимости немедленнаго дарованiя конституцiи, какъ единственнаго средства спасти государство отъ полной разрухи. Для этого Витте, вечеромъ 16-го октября, т. е. наканунѣ того дня, когда состоялось окончательное рѣшенiе Государя, направляетъ къ Великому Князю извѣстнаго ему черезъ управляющаго экспедицiей заготовленiя государственныхъ бумагъ,

кн. Б. А. Голицына, рабочаго этой экспедиціи, Ушакова, причемъ для того, чтобы великимъ княземъ названный рабочій былъ принятъ прибѣгаетъ къ услугамъ нѣкоего близкаго ему Андроникова, имѣвшаго возможность черезъ приближенныхъ великаго князя достигнуть этой цѣли. Ушаковъ, снабженный соотвѣтствующими данными и указаніями и притомъ самъ умѣренныхъ взглядовъ и убѣжденный сторонникъ конституціи, рисуетъ великому князю нужную для Витте картину. За симъ остальной ходъ событій общеизвѣстенъ: Витте въ результатѣ достигаетъ своей цѣли.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ уже упомянуто, Витте говоритъ, что узналъ объ изложенномъ посѣщеніи лишь впослѣдствіи черезъ П. Н. Дурново, но тутъ же неосторожно добавляетъ, что получилъ отъ Ушакова, опять таки впослѣдствіи, письменное изложеніе его бесѣды съ великимъ княземъ, что уже само по себѣ устанавливаетъ наличность сношеній между нимъ и Ушаковымъ. Выдалъ себя Витте впрочемъ и инымъ способомъ, а именно, заявивъ, что узналъ объ этомъ посѣщеніи лишь въ 1907 г. Между тѣмъ объ этомъ посѣщеніи зналъ весь Петербургъ спустя лишь нѣсколько дней послѣ изданія манифеста 17-го октября. Спрашивается могъ ли при такихъ условіяхъ не знать о немъ Витте, въ особенности ввиду близости къ нему того самого Андроникова, черезъ посредство котораго Ушаковъ, по словамъ самаго Витте, проникъ къ великому князю.

Еще легче объяснить причину той двойственности которой проникнуто все изложеніе у Витте его участія въ изданіи историческаго манифеста. Дѣло въ томъ, что когда выяснилось, что манифестъ этотъ не внесъ желаемаго успокоенія, а собранныя на основаніи выработаннаго Витте закона двѣ первыя государственныя Думы проявили свою явную антигосударственность, то положеніе Витте, въ смыслѣ довѣрія Верховной власти къ его государственной мудрости, было окончательно подорвано. Вотъ тогда то, а именно въ началѣ 1907 г., т. е. еще до измѣненія выборнаго закона и тѣмъ болѣе до выясненія на опытѣ, что въ странѣ имѣются элементы, способные здраво судить о государственныхъ интересахъ и дѣлахъ, Витте и обратился къ Государю съ включенной въ его воспоминаніяхъ запиской, цѣль которой состояла въ томъ, чтобы снять съ себя нареканія за преподанные имъ въ октябрѣ 1905 г. совѣты. По поводу этой записки Витте не безъ упрека говоритъ, что Государь приказалъ ему передать черезъ министра двора гр. Фредерикса, что ходъ событій изложенъ имъ, Витте, вѣрно, причемъ Государь добавилъ,

чтобы гр. Федериксъ передалъ этотъ отвѣтъ устно, а не письменно. Однако такое рѣшеніе было мудрое. Формально Витте былъ правъ и сказать, что Витте невѣрно изложилъ фактическую сторону дѣла, поскольку она касалась явныхъ, а тѣмъ болѣе запечатлѣнныхъ на бумагѣ дѣйствій и словъ Витте, не было основаній. Но къ тому времени Государю, конечно, были извѣстны закулисныя, имѣвшіе иной характеръ поступки Витте, а посему признать его образъ дѣйствій лойяльнымъ и выразить это на бумагѣ Государь естественно не пожелалъ. Витте этого повидимому не понялъ или не хотѣлъ понять. Страстно стремясь до конца жизни вернуться вновь къ власти, онъ продолжалъ не упускать случая для проявленія своей преданности престолу и указанія на то, что измѣненіе формы государственнаго правленія въ Россіи произошло не на основаніи твердо высказаннаго имъ убѣжденія въ необходимости этого измѣненія, такъ какъ онъ указывалъ и на иной выходъ, причемъ который изъ нихъ лучшій, онъ самъ рѣшить не могъ.

Теперь становится вполнѣ понятнымъ, почему въ своихъ мемуарахъ Витте вынужденъ былъ дать описаніе своей роли въ предшествовавшихъ изданію манифеста 17-го октября переговорахъ, соотвѣтственно тому, какъ онъ ее описывалъ въ представленной имъ Государю запискѣ. Однако на-ряду съ этимъ передъ исторіей Витте желалъ предстать въ роли творца русской конституціи, приписавъ себѣ такое вліяніе, какого онъ въ дѣйствительности даже не имѣлъ. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что проявленная Государемъ въ октябрьскіе дни нерѣшительность зависѣла отъ его желанія предварительно дать себѣ точный отчетъ посредствомъ обсужденія этого вопроса въ кругу лицъ, которымъ онъ вполнѣ довѣрялъ, въ томъ, какое изъ двухъ возможныхъ рѣшеній можетъ успѣшнѣе возстановить порядокъ и вообще въ большей степени соотвѣтствуетъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ.

Преслѣдуя одновременно двѣ противоположныя цѣли, Витте вынужденъ былъ впасть въ то противорѣчіе съ самимъ собою, которое съ такой рѣзкостью выступаетъ въ главѣ его воспоминаій, относящейся до изданія манифеста 17-го октября.

IV.

Графъ С. Ю. Витте — Предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Тотчасъ послѣ изданія манифеста 17-го октября, графъ Витте, назначенный офиціальнымъ главой объединеннаго правительства (что вызвало переименованіе комитета министровъ въ Совѣтъ ми-

нистровъ), приступаетъ къ образованію своего кабинета. Уступить часть власти общественности въ лицѣ ея представителей онъ при этомъ вовсе не намѣревается и все указываетъ, что въ глубинѣ души, желаетъ наоборотъ присвоить себѣ диктаторскую власть. Такъ, напримѣръ, на должности министровъ финансовъ и земледѣлія онъ приглашаетъ таких сотрудниковъ, въ полномъ послушаніи которыхъ его указаніямъ онъ вполнѣ увѣренъ, а именно состоявшихъ въ бытность его м-ромъ финансовъ директорами департаментовъ этого минситерства — И. П. Шипова и Н. Н. Кутлера. Одновременно онъ стремится однако включить въ свой кабинетъ и такихъ лицъ, которыя дали бы ему въ глазахъ общества либеральную окраску. Въ этихъ видахъ онъ приглашеатъ на должность министра народнаго просвѣщенія, послѣ отказа отъ нея кн. Трубецкого, гр. И. И. Толстого, абсолютно въ этомъ дѣлѣ несвѣдущаго, но пользующагося репутаціей человѣка съ передовыми мнѣніями. Съ тою же цѣлью предпринимаетъ онъ шаги для прослойки своего министерства нѣкоторыми общественными дѣятелями, а именно представителями тѣхъ круговъ, которые признали (еще послѣ манифеста 18-го февр. 1905 г. о созданіи нижней законосовѣщательной палаты изъ выборныхъ членовъ), что «борьба съ правительствомъ кончена, что наступила эпоха дружнаго сотрудничества съ нимъ и оказанія ему возможной помощи». Въ искренности желанія Витте ввести въ свой кабинетъ элементъ общественный сомнѣваться нѣтъ основаній, тѣмъ болѣе, что портфели, которые онъ предлагалъ, второстепенные, съ политикой имѣющіе малое соприкосновеніе, а именно, государственнаго контроля и министерства торговли и промышленности. Переговоры, которые велъ по этому поводу Витте, переданы имъ въ своихъ мемуарахъ довольно точно, равно какъ вѣрно указана причина, вслѣдствіе которой они въ конечномъ счетѣ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ двумъ представителямъ общественности — Д. Н. Шипову и А. И. Гучкову, не дали реальныхъ результатовъ. Что касается третьяго изъ приглашенныхъ имъ общественныхъ дѣятелей — кн. Е. Н. Трубецкого, то Витте не отмѣтилъ, что кн. Трубецкой вообще отказался вступить въ его кабинетъ по весьма характерной для него причинѣ. Дѣйствительно кн. Трубецкой съ присущей ему прямотой и честностью откровенно заявилъ, что не можетъ принять предложеннаго ему портфеля м-ра народнаго просвѣщенія, такъ какъ выдалъ въ своей публицистической дѣятельности слишкомъ много векселей, платить по которымъ въ данное смутное время, онъ понимаетъ, нельзя.

Значительно менѣе полно изложены у Витте причины, по которымъ, послѣ довольно продолжительныхъ колебаній, онъ счелъ необходимымъ остановиться на П. Н. Дурново для занятія должности м-ра внутреннихъ дѣлъ, несмотря на то, что этимъ былъ обусловленъ отказъ Шипова и Гучкова вступить въ составъ его кабинета. Здѣсь прежде всего надо упомянуть, что на это назначеніе первоначально не выразилъ согласія и Государь. Получилъ это согласіе Витте лишь послѣ троекратнаго ходатайства о томъ, и опредѣленно выраженнаго имъ на письмѣ заявленія, что онъ не можетъ ручаться за успѣшное предупрежденіе революціонной катастрофы безъ того, чтобы во главѣ м-ва внутр. дѣлъ стояло лицо вполнѣ знакомое съ полицейскимъ дѣломъ въ области борьбы съ революціонными вожаками, причемъ такимъ лицомъ въ данную минуту является одинъ лишь Дурново. Однако и тутъ согласіе Государя было лишь условное, а именно на упомянутомъ письмѣ Витте Государь написалъ: «хорошо, только не на долго».

Чѣмъ же, спрашивается, объясняется такое упорство Витте, не взирая на то, что оно разрушало его планы объ образованіи кабинета, включающаго представителей общественности.

Для выясненія причинъ этого упорства надо припомнить событія, непосредственно слѣдовавшія за обнародованіемъ манифеста 17-го октября, а именно, что онъ не только не остановилъ революціоннаго движенія, а далъ ему новый толчекъ. Правда, что въ Петербургѣ манифестъ былъ первоначально ознаменованъ лишь радостными манифестаціями толпы и хотя у многихъ манифестирующихъ были красные флаги въ рукахъ, но все же никакихъ революціонныхъ эксцессовъ при этомъ не произошло. Правда и то, что желѣзнодорожная забастовка прекратилась, чѣмъ возстановилась парализованная хозяйственнная жизнь страны. Несомнѣнно и то, что дарованіе конституціи удовлетворило многочисленные общественные элементы и первоначально оторвало ихъ отъ революціонныхъ круговъ, съ которыми они дѣйствовали до тѣхъ поръ совмѣстно. Именно этимъ надо объяснить и прекращеніе желѣзнодорожной забастовки, противъ которой тогда возстала техническая часть управленія желѣзно-дорожнымъ движеніемъ. Обстоятельства эти вполнѣ отвѣчали предположеніямъ Витте, который былъ убѣжденъ, что одно опубликованіе манифеста внесетъ успокоеніе въ страну, а его, Витте, сдѣлаетъ ея кумиромъ. Въ эти первые дни Витте и рѣшаетъ назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. С. Д. Урусова, занимавшаго должность тверского губернатора и успѣвша-

го на этомъ посту привлечь къ себѣ своимъ широкимъ либерализмомъ симпатии передового тверского земства, связаннаго со многими будущими лидерами еще не образовавшейся тогда партiи к. д.

Однако очень скоро стало выясняться, что полнаго успокоенiя въ странѣ не наступило. Прежде всего стали приходить извѣстiя изъ провинцiи, сообщавшiя что тамъ безпорядки съ объявленiемъ манифеста усилились. Не предувѣдомленная, какъ уже было упомянуто, объ имѣвшемъ быть изданнымъ манифестѣ, не получившая никакихъ по этому поводу указанiй, мѣстная администрацiя во многихъ губернiяхъ совершенно растерялась, а мѣстные вожаки революцiоннаго движенiя воспользовались провозглашенными въ голой формѣ свободами, чтобы ихъ использовать въ своихъ цѣляхъ и прежде всего для насильственнаго освобожденiя изъ тюремъ арестованныхъ, не дѣлая въ большинствѣ случаевъ различiя между политическими заключенными и обыкновенными преступниками. Въ нѣкоторыхъ городахъ толпа, гулявшая съ красными флагами, принудила принять участiе въ ея шествiи представителей администрацiи, причемъ были случаи, что губернаторы сами предводительствовали толпой, также неся красный флагъ. Относительное спокойствiе столицы тоже продолжалось недолго. Вновь возобновились прекратившiяся было забастовки трамвайная и электрическая. На фабрикахъ стали учащаться насилiя надъ фабричной администрацiей, выражаясь преимущественно въ томъ, что неугодныя рабочимъ лица вывозились изъ фабрикъ на улицу въ тачкахъ. Общее число бастовавшихъ рабочихъ достигло въ ноябрѣ 667 тыс., превысивъ число бастовавшихъ въ октябрѣ, когда ихъ насчитывалось въ Петербургѣ 577 тыс. Въ началѣ ноября возобновилась и желѣзнодорожная забастовка. Наконецъ образовался совѣтъ рабочихъ депутатовъ и власть надъ населенiемъ въ значительной степени перешла къ нему.

Какъ отмѣчалъ въ то время Вѣстникъ Европы «какiе-то люди, особенно страшные своей личной неизвѣстностью, а еще болѣе анонимностью стоящаго за ними чего-то огромнаго и сильнаго въ сознанiи и глазахъ низшихъ служащихъ, заняли то самое мѣсто, на которомъ они привыкли видѣть офицiальное начальство». Эти люди дѣйствовали именемъ совѣта рабочихъ депутатовъ, «снимали» съ работы не только лицъ, занятыхъ въ частныхъ учрежденiяхъ, но и въ правительственныхъ. Они закрывали рестораны, типографiи и даже министерства. На-ряду съ этимъ вспыхнули мѣстныя возстанiя въ Севастополѣ, Кронштадтѣ и многихъ другихъ мѣстахъ.

Одновременно, присвоившая себѣ неограниченную свободу печать въ большинствѣ своихъ органовъ съ ожесточенiемъ уже не критиковала, а просто ругала правительство. Появилось множество каррикатурныхъ журналовъ, заключавшихъ совершенно непристойныя изображенiя лицъ, принадлежащихъ къ составу правительства. Доставалось при этомъ, и едва-ли не больше другихъ, самому Витте. Не отставали даже и толстые журналы; такъ Русское Богатство въ номерѣ, вышедшемъ въ концѣ октября, писало: «Витте, какъ министръ финансовъ раззорилъ Россiю, какъ премьеръ онъ ее зальетъ кровью, и все изъ за того, чтобы спасти и увѣнчать свою карьеру».

Для Витте все это было болѣе чѣмъ неожиданно. Онъ ожидалъ лавровъ, а получалъ лишь терніи. Въ сущности, не зная Россiи и русскаго народа и не оцѣнивая въ достаточной степени влiянiя на массы революцiонныхъ вожаковъ, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что манифестъ какъ масломъ зальетъ разбушевавшееся море народное а опубликованiе его всеподданнѣйшаго доклада, въ которомъ возвѣщалось немедленное установленiе свободы слова, печати, собранiй и т. д. создастъ ему огромную и всеобщую популярность. Витте не понималъ, что рабочая толпа шла не за представителями либеральнаго лагеря, стремившимися измѣнить лишь политическiй строй государства, что вожаками толпы были исключительно революцiонеры подполья, обѣщавшiе имъ измѣненiе всего соцiальнаго строя и всевозможныя матерiальныя выгоды, что для этихъ вожаковъ измѣненiя политическаго строя имѣли значенiе лишь поскольку они имъ развязывали руки для усиленiя своей агитацiонной пропаганды, почему манифестъ 17-го октября именно въ этомъ смыслѣ и поспѣшили использовать. Лѣвые были безусловно правы, говоря въ то время радикалъ-либераламъ — будущимъ кадетамъ: «Вы торгуете за нашъ счетъ, вы присваиваете себѣ то, что мы завоевали». Но Витте не давалъ себѣ въ этомъ отчета, не сознавалъ, что радикальные лидеры политическаго движенiя лишь постолько обладали авторитетомъ у толпы, поскольку они потворствовали ея матерiальнымъ вожделѣнiямъ. Не уразумѣлъ онъ въ особенности того, что сами эти лидеры вовсе не имѣли намѣренiя преклониться передъ правительствомъ, какъ бы оно ни дѣйствовало, пока сами не вошли въ составъ его. Находившаяся въ рукахъ этихъ лидеровъ печать отнеслась въ виду этого къ манифесту 17-го октября сдержанно, а затѣмъ очень скоро возобновила свой походъ противъ правительства. Обстоятельство это тотчасъ отразилось на настроенiи

либеральныхъ элементовъ — обыкновенныхъ читателей этой прессы. Первоначально испытанное ими удовлетворенie отъ дарованiя конституцiи быстро улетучилось.

Однако въ концѣ октября все это обнаружилось въ полной мѣрѣ, ставъ яснымъ и для Витте. Мечта, сдѣлаться общественнымъ кумиромъ, разсѣялась какъ дымъ, а увѣренность справиться съ положенiемъ собственными силами, т. е. путемъ присущихъ ему прiемовъ — лести и, скажемъ прямо, обмана — поколеблена въ корнѣ. Для него стало ясно, что остановить уличную революцiю можно только мѣрами полицейскими. Но съ администрацiей Витте былъ совершенно незнакомъ и это сознавалъ. Нуженъ былъ человѣкъ, опытный въ этомъ дѣлѣ, энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ согласный взять на себя весь одiумъ рѣшительныхъ репрессiй. Именно такимъ человѣкомъ въ глазахъ Витте былъ Дурново. Первоначально онъ хотѣлъ однако лишь сохранить его на должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полицiей, назначивъ кн. Урусова министромъ. Но тутъ онъ встрѣтилъ рѣшительный отказъ со стороны Дурново, заявившаго, что вступить въ энергичную борьбу съ революцiей онъ можетъ лишь имѣя вполнѣ развязанныя руки.

Можно однако предположить, что Витте съ своей стороны понялъ невозможность перекинуть на второстепенное по занимаемой имъ должности лицо отвѣтственность за суровое подавленiе революцiи, что при наличности министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Урусова — отвѣтственность эта неизбѣжно падетъ на него самого. Между тѣмъ Витте хотѣлъ во что бы то ни стало сохранить передъ передовымъ общественнымъ мнѣнiемъ незапятнанныя ризы либерала-прогрессиста, врага всякаго насилiя.

Вотъ въ совокупности тѣ обстоятельства, которыя вынудили Витте остановиться на Дурново, и тѣмъ самымъ отказаться отъ мысли ввести въ свой кабинетъ общественныхъ цѣятелей. Послѣднее было для него тѣмъ легче, что къ тому времени онъ убѣдился, что это участiе, не облегчивъ ему борьбу съ революцiей, не создастъ ему ореола и среди радикальныхъ наиболѣе дѣятельныхъ и воинственныхъ либераловъ.

Съ назначенiемъ Дурново у самаго Витте руки были развязаны. Предоставивъ Дурново всю черную работу по подавленiю революцiи и почти немедленно по его назначенiи рѣшительно отъ него отмежевавшись, Витте могъ продолжать съ своей стороны заигрывать и кокетничать почти со всѣми слоями оппозицiонной общественности.

Составляя свои мемуары, Витте основательно все это забылъ, не сохранивъ, повидимому, никакого воспоминанія о томъ состояніи полной растерянности, въ которомъ онъ пребывалъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ своего премьерства, т. е. вплоть до того времени, когда усиліями Дурново революціонное движеніе было въ значительной мѣрѣ подавлено, а столица приняла свой болѣе или менѣе обычный видъ.

Дѣйствительно, въ ноябрьскіе и декабрьскіе революціонные дни 1905 г. выявился окончательно весь Витте, опредѣлились такія его свойства, о существованіи которыхъ до тѣхъ поръ нельзя было подозрѣвать. Выяснилось на дѣлѣ, что смѣлость Витте односторонняя, что смѣлый въ своихъ начинаніяхъ и реформахъ, пока онъ опирался на безграничную самодержавную власть, онъ однако этой смѣлостью передъ ходомъ событій, передъ надвигающейся бурей, передъ грознымъ своей анонимностью и потому неуловимымъ общественнымъ мнѣніемъ не обладалъ. Не имѣлъ онъ ни того высокаго гражданскаго мужества, которое необходимо для созданія великаго государственнаго дѣятеля, не обладалъ онъ и стойкой твердостью въ осуществленіи принятаго рѣшенія. Нервный, горячій, жаждущій власти не ради ея внѣшнихъ аттрибутовъ, а того поля для творческой дѣятельности, которое она предоставляетъ, Витте не отличался, однако, ни политической прозорливостью, ни врожденной чуткостью, ни, тѣмъ болѣе, стойкостью убѣжденій. Если прибавить къ сказанному, что не брезгалъ Витте въ своей государственной дѣятельности никакими средствами, что вообще въ политикѣ онъ былъ яркимъ оппортунистомъ, безъ обладанія однако тонкой хитростью какого-нибудь Остермана или Тальерана, то, думается, что роль его по отношенію къ революціи опредѣлится вполнѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Витте всего этого совершенно не признаетъ и, не обинуясь, приписываетъ себѣ такія заслуги, которыхъ за нимъ безусловно нѣтъ. Не онъ подавилъ московское вооруженное возстаніе декабря 1905 г., какъ онъ это утверждаетъ, а Дурново, лично руководя изъ своего кабинета дѣйствіями растерявшейся московской администраціи. Роль Витте въ этомъ дѣлѣ была совершенно иная. По его настоянію, подготовлявшееся на глазахъ у всѣхъ возстаніе это не было своевременно предупреждено. На это возстаніе, благо оно подготовлялось не въ Царской резиденціи, не въ мѣстѣ пребыванія правительства и слѣдовательно серьезнаго захвата имъ власти нечего было опасаться, Витте смотрѣлъ какъ на предметный урокъ для мирнаго обывателя и поэтому не-

прочь былъ его искусственно вызвать. Онъ былъ увѣренъ, что возстаніе это обнаружитъ для обывателя всѣ отрицательныя стороны революціи и повернетъ его симпатіи къ оффиціальной власти и къ принимаемымъ ею для обезпеченія спокойной жизни въ странѣ мѣропріятіямъ. Не чужда была Витте одновременно и другая мысль, а именно та, которую онъ приписываетъ проф. Мечникову, какъ высказанную ему уже годъ спустя, — дать вполнѣ разгорѣться этому возстанію, тѣмъ самымъ привлечь въ Москву всѣ революціонные элементы и затѣмъ сразу вооруженной силой ихъ уничтожить. Осуществленію этого плана энергично воспротивился опять таки Дурново, вполнѣ сознававшій обоюдоострость такого образа дѣйствій. Въ самой столицѣ Витте наоборотъ противился аресту образовавшагося въ ней совѣта рабочихъ депутатовъ, опасаясь, что за него заступятся рабочія массы. Арестъ этотъ былъ произведенъ вопреки словамъ Витте, не только по его приказанію, а наоборотъ противъ его мнѣнія и даже въ тайнѣ отъ него. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ наивно утверждаетъ, что не придавалъ значенія этому совѣту, такъ какъ его вліяніе распространялось только на петербургскій рабочій раіонъ, но не указываетъ при этомъ, что вліяніе это съ каждымъ днемъ превращалось въ скрытую, но вполнѣ опредѣленную власть, съ которой законное правительство входило даже въ нѣкоторыя сношенія, какъ напримѣръ, для полученія ея разрѣшенія на посылку официальныхъ телеграммъ во время телеграфной забастовки. Такое разрѣшеніе было между прочимъ «испрошено» у совѣта для посылки телеграммы Витте въ Кукшту, гдѣ послѣ ликвидаціи образовавшейся тамъ кушктинской республики главные вожаки были присуждены къ смертной казни. Витте, надо прямо сказать, не отличавшійся физической храбростью и опасавшійся репрессій, узнавъ объ этомъ осужденіи поспѣшилъ отмѣнить смертную казнь, телеграмма о чемъ и была послана послѣ полученія соотвѣтствующаго «разрѣшенія», конечно, охотно даннаго.

Продолжительное существованіе совѣта рабочихъ депутатовъ, во главѣ котораго находился, какъ полагается, отнюдь не рабочій, а помощникъ присяжнаго повѣреннаго Хрусталевъ-Носарь, между тѣмъ несомнѣнно сыграло извѣстную роль въ трагическихъ событіяхъ 1917 г., приведшихъ Россію къ той безднѣ, въ которую она нынѣ погрузилась. Революціонныя организаціи на опытѣ, произведенномъ ими въ 1905 г., многому, конечно, научились и этотъ опытъ тотчасъ послѣ февральской революціи 1917 г. использовали въ полной мѣрѣ.

На сколько Витте запамятовалъ событія 1905 г. яркій образчикъ даетъ его разсказъ о пріемѣ имъ, тотчасъ по назначеніи главой правительства, представителей повременной печати. Глашатаемъ прессы явился издатель Биржевыхъ Вѣдомостей, извѣстныхъ въ просторѣчіи подъ названіемъ Биржевки, излюбленной газеты петербургскихъ швейцаровъ и дворниковъ, — нѣкій Проппсръ. Онъ заявилъ, что печать не довѣряетъ правительству и одновременно предъявилъ рядъ требованій, въ числѣ коихъ былъ, между прочимъ, уводъ всѣхъ войскъ изъ Петербурга, поручивъ охраненіе порядка въ столицѣ муниципальной полиціи. При этомъ Витте добавляетъ, что «по дерзости этой рѣчи, сказанной человѣкомъ, привыкшимъ проводить долгіе часы въ министерскихъ пріемныхъ ради полученія какихъ-нибудь правительственныхъ свѣдѣній можно было убѣдиться, что Россія охвачена безуміемъ».

Разсказъ этотъ вѣренъ, но не полонъ. Въ немъ не заключается отвѣта Витте на «продерзостныя рѣчи» издателя уличнаго листка, а онъ то именно и характеренъ для принятой Витте въ то время тактики. Вмѣсто того, чтобы указать Пропперу на всю непристойность его рѣчи, что сразу бы его и прибывшихъ съ нимъ охладило, Витте, еще мечтавшій о широкой популярности, вступаетъ съ нимъ въ подробныя объясненія, носившія характеръ извиненій и заключавшія обѣщаніе, что правительство «исправится». Отвѣтъ Витте, тотчасъ воспроизведенный въ прессѣ, не имѣлъ, однако, того дѣйствія, на которое онъ расчитывалъ и лишь выказалъ его внутреннюю слабость, а этого толпа никогда не прощаетъ. Преклоняется она не передъ тѣми, кого она ведетъ, а тѣми, которые ее ведутъ.

Еще болѣе странно, что Витте ставитъ себѣ въ заслугу свое знаменитое воззваніе къ рабочимъ, въ которомъ онъ называлъ ихъ «братцы». Онъ даже приписываетъ этому обращенію прекращеніе рабочей забастовки, предписанной совѣтомъ рабочихъ депутатовъ въ видѣ протеста противъ введенія военнаго положенія въ губерніяхъ Царства Польскаго. На дѣлѣ воззваніе это вызвало, по комичности его тона, лишь насмѣшки, которыя неизмѣнно вызываетъ всякое правительство, говорящее не языкомъ власти, а стремящееся подлаживаться подъ настроеніе толпы. Впрочемъ по существу это былъ первый опытъ примѣненія системы главноуговариванія, давшей въ послѣдствіи въ 1917 г. столь блестящіе результаты.

Нельзя наконецъ не отмѣтить совершенно непонятнаго утвержденія Витте, что за время своего управленія онъ успѣлъ увеличить

и улучшить сельскую и городскую полицію. Но кому же неизвѣстно, что какъ до Витте, такъ и послѣ него, полиція, за исключеніемъ обѣихъ столицъ, въ городахъ почти не существовала, а въ сельскихъ мѣстностяхъ совсѣмъ отсутствовала. Порядокъ въ странѣ покоился исключительно на нѣкоемъ гипнозѣ, вызванномъ обаяніемъ власти. Вотъ это обаяніе во время премьерства Витте было дѣйствительно нѣсколько возстановлено, но исключительно дѣйствіями Дурново, а отнюдь не Витте, который этимъ умѣньемъ вовсе не обладалъ.

Среди различныхъ мѣропріятій, обсуждавшихся при Витте совѣтомъ министровъ, онъ упоминаетъ между прочимъ и объ извѣстномъ проектѣ Н. Н. Кутлера о принудительномъ отчужденіи опредѣленной части всѣхъ крупныхъ земельныхъ владѣній (насколько помнится — отъ 250 десятинъ) для производства дополнительнаго надѣленія землей малоземельнаго крестьянства. Приписывая инціативу составленія этого проекта самому Кутлеру, онъ говоритъ, что высказался противъ его осуществленія такъ какъ оно подорвало бы экономическія и финансовыя рессурсы страны.

Въ дѣйствительности вопросъ этотъ возникъ и проходилъ иначе. Государь передалъ Витте для его разсмотрѣнія въ совѣтѣ министровъ проектъ проф. Мигулина. Проектъ этотъ былъ совершенно фантастическій. Имъ предлагалось прирѣзать сельскимъ обществамъ за счетъ государственныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ угодій, небольшіе участки земли, съ тѣмъ, чтобы они служили крестьянамъ выгонами для скота. Въ запискѣ, сопровождавшей проектъ, имѣлось поясненіе, что основной причиной крестьянской бѣдноты явилось превращеніе сельскими обществами нѣкогда имѣвшихся у каждаго изъ нихъ выгоновъ въ пахотныя земли. Проектъ этотъ былъ совершенно неосуществимъ и притомъ явно нелѣпъ. Дѣйствительно, земли многихъ сельскихъ обществъ окружены со всѣхъ сторонъ крестьянскими же землями, а слѣдовательно прирѣзка имъ земли государственной или частновладѣльческой фактически невозможна. Съ другой стороны, если крестьяне превратили общественные выгона въ пахоть, то очевидно потому, что для нихъ это было экономически выгоднѣе, а слѣдовательно можно было быть увѣреннымъ, что ту же участь испытаетъ и вновь прирѣзанная къ нимъ земля, которую къ тому же въ большинствѣ случаевъ и не придется превращать въ пахотную, ибо она уже будетъ таковой. Частное совѣщаніе министровъ, ознакомившихся съ проектомъ, единогласно его отвергло, но самъ Витте на этомъ не остановился. Полагая, въ виду полученія имъ проекта проф. Мигулина непосред-

ственно отъ Государя, что мысль о принудительномъ отчужденiи частновладѣльческихъ земель въ принципѣ не встрѣчаетъ возраженiй свыше, онъ рѣшилъ развить проектъ Мигулина и съ этимъ предложенiемъ обратился къ главноуправляющему земледѣлiемъ и землеустройствомъ — Кутлеру. Послѣднiй однако опредѣленно заявилъ, что разрушенiе частнаго землевладѣнiя гибельно отразится на благосостоянiи всей страны. Витте настаивалъ на своей мысли, говоря, что мѣру эту можно провести такъ, чтобы частновладѣльческiя экономiи были тѣмъ не менѣе сохранены и просилъ Кутлера обдумать этотъ вопросъ. Къ послѣднему Кутлеръ и приступилъ или, вѣрнѣе, поручилъ это «обдумыванiе» чиновнику главнаго управленiя землеустройства А. А. Кауфману, который тотчасъ и приступилъ къ этому и въ скоромъ времени представилъ составленный имъ по этому предмету вполнѣ разработанный проектъ. Вотъ этотъ-то проектъ по передачѣ его Кутлеромъ — Витте былъ, *за подписью послѣдняго*, сообщенъ членамъ совѣта министровъ. Не прошло однако и одного дня, какъ чиновникъ канцелярiи совѣта министровъ объѣхалъ всѣхъ лицъ, которымъ проектъ за подписью Витте былъ доставленъ, съ тѣмъ чтобы, подъ предлогомъ вкравшихся въ него ошибокъ, получить его обратно. Нѣсколько дней спустя тотъ же проектъ, но уже за подписью Кутлера, былъ вновь разосланъ (въ гектографированномъ видѣ) министрамъ. Однако проектъ этотъ въ совѣтѣ министровъ никогда не обсуждался, а былъ разсмотрѣнъ въ совѣщанiи представителей всѣхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ Кутлера. На этомъ совѣщанiи проектъ былъ подвергнутъ жестокой критикѣ и единогласно отвергнутъ, а самъ Кутлеръ, тотчасъ послѣ закрытiя совѣщанiя, заявилъ А. В. Кривошеину, занимавшему въ ту пору должность товарища главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣлiемъ, что послѣ провала представленнаго имъ проекта онъ понимаетъ, что оставаться на своемъ посту не можетъ и долженъ подать прошенiе объ отставкѣ. Надо полагать, что въ промежутокъ между полученiемъ отъ Кутлера проекта и его обсужденiемъ въ упомянутомъ совѣщанiи Витте освѣдомился объ истинномъ настроенiи по этому вопросу на верхахъ и не замедлилъ отречься отъ Кутлера и всѣхъ дѣлъ его: прошенiе Кутлера объ отставкѣ имъ было принято.

Тѣмъ не менѣе мысль о принудительномъ отчужденiи хотя бы извѣстной доли крупныхъ земельныхъ владѣнiй не была чужда Витте. Усмотрѣть это можно изъ его воспоминанiй, гдѣ онъ говоритъ, что не понимаетъ почему бы правительству не обсудить этотъ во-

просъ совмѣстно съ народными представителями въ Государственной Думѣ. Иного взгляда Витте, не понимающій русскаго крестьянства и несвѣдущій какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ земельномъ вопросѣ, имѣть и не могъ. Благодаря своему невѣдѣнію онъ могъ думать, что мыслимо произвести частичное отчужденіе частновладѣльческой земли. Для лицъ знающихъ земельный вопросъ было совершенно очевидно, что тотчасъ послѣ отчужденія части крупныхъ земельныхъ владѣній начались бы еще болѣе усиленныя требованія объ отчужденіи всего, оставшагося у владѣльцевъ, пространства удобныхъ полевыхъ земель. Произошло бы это по той простѣйшей причинѣ, что отчужденіемъ не только любой доли, но и всей безъ остатка частновладѣльческой земли, такъ называемаго земельнаго голода утолить нельзя.

Витте, какъ впрочемъ подавляющее большинство русскихъ образованныхъ людей, загипнотизированный громадностью Россіи и ея сравнительно малой населенностью, былъ увѣренъ, что количество земли, которое можетъ быть распредѣлено между земледѣльческимъ населеніемъ, при условіи обращенія на эту цѣль всѣхъ частновладѣльческихъ и государственныхъ различныхъ наименованій земель, если не безпредѣльно, то во всякомъ случаѣ необъятно. Между тѣмъ это совершенно не такъ. Густота населенія европейской Россіи дѣйствительно меньше, нежели въ Западной Европѣ, но это лишь вслѣдствіе малой населенности нашихъ городовъ. Если же взять однѣ сельскія мѣстности и сравнить ихъ населенность у насъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, то окажется обратное. Такъ, въ Россіи приходилось въ 1905 г. въ сельскихъ мѣстностяхъ въ среднемъ 139 жителей на квадратную версту удобной полевой земли, тогда какъ въ Германіи лишь 107, во Франціи 84, а въ Англіи 79. На ряду съ этимъ при раздѣлѣ всей, до послѣдней десятины, удобной полевой земли между всѣмъ сельскимъ населеніемъ въ Россіи прійдется на душу приблизительно такое же количество земли, какъ и въ Западной Европѣ, при производствѣ тамъ той же операціи. Такъ во Франціи на душу сельскаго населенія прійдется 1,991 гектара, а въ Россіи 2,053 гектара. При раздѣлѣ земли въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній разница между нами и Франціей конечно будетъ большая, но отнюдь не въ пользу Россіи. Такъ въ нашихъ западныхъ, центральныхъ и среднихъ черноземныхъ губерніяхъ на душу сельскаго населенія полевой земли приходится меньше нежели во Франціи и лишь въ 12 губерніяхъ, преимущественно приволжскихъ и новороссійскихъ, оно нѣсколько больше, достигая

въ Самарской губ. 3.902 гектара на душу. При первобытныхъ способахъ использованія производительныхъ силъ почвы нашимъ крестьянствомъ, благодаря чему урожайность земель Франціи въ нѣсколько разъ превышаетъ нашу урожайность, одинаковое по пространству количество земли во Франціи и въ Россіи величины отнюдь не тождественныя. Отъ этого и зависитъ невозможность обезпечить у насъ все сельское населеніе достаточнымъ для его безбѣднаго существованія земельнымъ надѣломъ и это тѣмъ болѣе, что къ землѣ, при ея даровомъ раздѣлѣ, потянулась бы и часть городского населенія.

Словомъ при частичномъ отчужденіи частновладѣльческой земли неминуемо должно было произойти то, что фактически произошло нынѣ при большевикахъ, а именно всеобщій передѣлъ, при которомъ въ передѣляемыя земли вошли не только крупныя владѣнія, а всѣ вообще земли, въ томъ числѣ и крестьянскіе надѣлы. Результатъ же такого предѣла на-лицо, а именно превращеніе всего русскаго земельнаго крестьянства — въ малоземельное, т. е. владѣющее на одинъ крестьянскій дворъ пространствомъ земли еле достаточнымъ для собственнаго пропитанія и слѣдовательно на рынокъ не работающее вовсе.

Витте, какъ вообще почти всѣ наши государственные дѣятели, не сознавалъ, что исконное стремленіе русской государственной власти обезпечить все крестьянское населеніе землей, къ чему съ давнихъ поръ сводилась вся наша земельная политика, давало и могло дать лишь самыя вредныя послѣдствія. Цѣль эта была физически неосуществима за отсутствіемъ потребнаго количества удобныхъ земель, а мѣры, принимаемыя для ея достиженія, приводили не къ обогащенію страны, а къ ея обѣдненію. Одновременно поддерживалось въ населеніи ложное убѣжденіе, что достаточно распредѣлить между нимъ всю земельную площадь, чтобы оно немедленно разбогатѣло.

Подъ вліяніемъ соціалистическихъ ученій, которыми русская государственная власть безсознательно, не давая себѣ сама въ томъ отчета, была съ давнихъ поръ увлечена, стремилась она обезпечить все населеніе землей въ предѣлахъ то продовольственной, то трудовой нормы. Совершенно упускалось при этомъ изъ виду, что распредѣленіе всей земли между хозяйствами, отвѣчающими по ихъ размѣрамъ продовольственнымъ потребностямъ рабочей семьи — равносильно полному прекращенію притока зерна на рынокъ, а слѣдовательно не только уничтоженію нашего хлѣбнаго экспорта, но и

9

необходимости ввоза иностраннаго хлѣба для пропитанія городского населенія. Что же касается трудовой нормы, то опредѣлить ее еще никому не удалось, такъ какъ она зависитъ отъ множества причинъ характера отнюдь не постояннаго, а измѣняющагося во времени, какъ, напримѣръ, плодородія почвы, принятой системы сельскаго хозяйства и степени примѣненія въ немъ машинной силы.

Не зналъ Витте, какъ опять таки большинство русской интеллигенціи, и того, что нигдѣ въ мірѣ мелкая — крестьянская земельная собственность на занимаетъ столь значительной доли удобныхъ полевыхъ земель, какъ въ Россіи. Такъ, даже во Франціи, гдѣ мелкая земельная собственность получила большее распространеніе, чѣмъ въ центральной части Европы, владѣнія, превышающія пространствомъ 40 гектаровъ, занимаютъ 45% всей земельной площади, тогда какъ въ Россіи общая площадь владѣній, превышающихъ 27 десятинъ, составляла въ 1905 г. лишь около 28% всей полевой земли, а съ тѣхъ поръ еще значительно сократилась.*) Общая же площадь владѣній, превышающихъ 10 гектаровъ составляетъ во Франціи 67,5% общаго пространства, а въ Россіи въ 1905 г. занимала лишь 25% удобной полевой земли.

Нѣкоторымъ оправданіемъ для Витте (если вообще можетъ быть оправданіе для крупнаго государственнаго дѣятеля, впадающаго въ грубыя и гибельныя по ихъ послѣдствіямъ ошибки) можетъ служить то обстоятельство, что въ ту пору рѣшительно всѣ слои населенія твердили о необходимости произвести дополнительное надѣленіе крестьянъ землей. На этомъ положеніи стояли всѣ соціалистически мыслящіе элементы; у нихъ въ земельномъ вопросѣ были два лозунга, раздѣлявшіе ихъ на два отдѣльныхъ лагеря: «вся земля народу» — говорили одни, «вся земля *всему* народу» — говорили другіе, а именно тѣ, которые нынѣ будто бы претворили

---

*) Необходимо указать, что во Франціи размѣры земельныхъ владѣній опредѣлены въ предѣлахъ отдѣльныхъ коммунъ, территорія которыхъ, какъ извѣстно, незначительна. Слѣдовательно, въ дѣйствительности количество крупныхъ хозяйствъ во Франціи значительно больше, чѣмъ указанное здѣсь, такъ какъ части того же хозяйства, расположенныя въ разныхъ коммунахъ приняты за отдѣльное хозяйство. Произошло это потому, что учетъ хозяйствъ и опредѣленіе ихъ размѣра произведены были по окладнымъ листамъ, но эти листы составляются отдѣльно по каждой коммунѣ, вслѣдствіе чего на хозяйства, расположенныя въ нѣсколькихъ коммунахъ составляется нѣсколько окладныхъ листовъ. Свѣдѣнія о Франціи извлечены изъ изданія французскаго министерства земледѣлія — Statistique agricole de la France. Enquête de 1892. Свѣдѣнія о Россіи извлечены изъ изд. центр. статистическаго комитета — «Поземельная статистика Россіи 1905 г.».

это въ дѣйствительность. Мнѣнія эти съ различными оговорками и поправками раздѣляли и радикально настроенные либералы. Они требовали дополнительнаго надѣленія землей малоземельной части крестьянства, не давая себѣ при этомъ однако труда подкрѣпить это требованіе какими-либо фактическими данными. Вполнѣ сочувствовали этой мысли и крупные торгово-промышленные круги, отчасти потому, что думали, что такимъ путемъ произойдетъ успокоеніе въ странѣ, а быть можетъ и обогащеніе крестьянской массы и тѣмъ самымъ создастся мощный внутренній рынокъ для произведеній русской промышленности. Былъ однако у нашей крупной буржуазіи и другой стимулъ, а именно стремленіе замѣнить помѣстное служилое сословіе у власти, которая, по ихъ представленію, всецѣло сосредоточена въ его рукахъ. Представленіе это, кстати сказать, было фальшивое — Россіей уже давно правилъ разночинецъ, дворянство же ей никогда не правило; роль эта принадлежала нѣкогда боярству, но уже со временъ Петра перешла въ руки служилой бюрократіи, съ землей органически не связанной. Стремленіе крупной буржуазіи пріобщиться къ власти возникло не въ 1905 г., а нѣсколько ранѣе, причемъ ярко обнаружилось уже на Нижегородской Промышленной Выставкѣ 1896 года, а съ тѣхъ поръ неуклонно возрастало. Къ этимъ кругамъ Витте былъ особенно близокъ и ихъ значеніе въ обще-государственномъ организмѣ признавалъ едва-ли не за первенствующее. Наоборотъ къ землевладѣльцамъ Витте относился, какъ уже было указано, отрицательно, признавая ихъ едва ли не за паразитовъ на государственномъ тѣлѣ. Наконецъ многіе представители самого землевладѣльческаго класса, подъ вліяніемъ земельныхъ захватовъ и погромовъ ихъ экономій, находясь въ состояніи паники, также думали, что отчужденіемъ доли своихъ земель они могутъ спасти оставшуюся часть и спокойно ею пользоваться.

Ни тѣ, ни другіе, ни третьи очевидно не понимали, что сказавши *а*, необходимо сказать *б* и въ одночасіе дойти до ижицы, что частичное отчужденіе частновладѣльческой земли должно роковымъ образомъ привести къ всеобщему, черному передѣлу, что этимъ создастся всеобщее малоземеліе, которое приведетъ не къ развитію промышленности, торговли и вообще другихъ неземледѣльческихъ промысловъ, а къ ихъ гибели и исчезновенію, за отсутствіемъ всякаго рынка сбыта, что одновременно погибнутъ гражданственность, науки, искусство, что мы вернемся къ натуральному хозяйству, впадемъ въ первобытное варварство, безъ первобытнаго простора.

Какъ бы то ни было, но Витте понялъ, что провести принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли, опираясь на престолъ, ему не удастся и даже нѣтъ разсчета. Сохранялъ-ли онъ эту мѣру про запасъ для установленія на ея почвѣ дружескихъ отношеній съ Государственной Думой, конечно, трудно сказать, но если судить по нѣкоторымъ частямъ его воспоминаній, то мысль эта у него мелькала. Однако, если Витте не провелъ закона о земельной экспропріаціи, то мѣры къ облегченію добровольнаго перехода рентныхъ владѣній, сопряженнаго съ ихъ парцелляціей, въ крестьянскія руки при немъ все же были осуществлены, а именно, значительно расширена дѣятельность крестьянскаго банка по покупкѣ имъ за собственный счетъ, для послѣдующей перепродажи крестьянамъ, крупныхъ земельныхъ владѣній.

Проведеніе этой мѣры Витте въ своихъ воспоминаніяхъ причисляетъ къ своимъ заслугамъ, совершенно не упоминая о той двойственной роли, которую онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, никогда еще не обнаруживалось съ такой очевидностью и яркостью охватившее его стремленіе за-разъ прельстить всѣ политическія партіи.

Фактически расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка было первоначально обсуждено въ совѣтѣ министровъ и принципіальное ея разрѣшеніе получило высочайшее одобреніе по меморіи совѣта. Тогда министерствомъ финансовъ былъ изготовленъ соотвѣтствующій законопроектъ и представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который къ этому немедленно и приступилъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ встрѣтилъ значительную оппозицію. Въ департаментѣ гос. экономіи, гдѣ онъ первоначально разсматривался, противъ его осуществленія были приведены весьма существенныя возраженія. Вотъ тутъ-то и обнаружилась вся двойственность Витте. Вмѣсто того, чтобы выступить въ защиту имъ же проведеннаго въ совѣтѣ министровъ проекта, Витте заявилъ, что не придавая ему вообще особаго значенія, онъ долженъ сказать, что въ сущности правы представители оппозиціи. На предложеніе предсѣдателя д-та взять проектъ обратно Витте однако отвѣтилъ отказомъ; проектъ голосами представителей правительства былъ департаментомъ принятъ и переданъ на одобреніе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Тутъ повторилась та-же сцена, но уже въ болѣе рѣзкой формѣ. Оппозиція усиленно критиковала проектъ, представитель министерства финансовъ, товарищъ министра Путиловъ его всемѣрно защищалъ, а глава правительства Витте, повторивъ,

что не придаетъ особаго значенія проекту, сказалъ, что его самого въ качествѣ финансиста проектъ поражаетъ, какъ фальшивая нота, взятая плохимъ музыкантомъ. Такого выпада представитель министерства финансовъ выслушать хладнокровно не могъ и тутъ же заявилъ, что не входя въ разсмотрѣніе по существу вопроса хорошъ или плохъ музыкантъ, взявшій ноту, звучащую въ обсуждаемомъ проектѣ, онъ обязывается заявить, что министерство финансовъ тутъ не причемъ, ибо ограничилось технической разработкой основныхъ положеній, принятыхъ совѣтомъ министровъ по предложенію его предсѣдателя — гр. Витте. Инцидентъ этотъ тогда вызвалъ не мало толковъ и проникъ отчасти въ печать, отмѣтившую, что голова правительства отдѣлилась отъ туловища.

Чѣмъ же однако было вызвано такое двойственное въ этомъ дѣлѣ поведеніе Витте. Объясняется оно очень просто, если припомнить, что въ обществѣ проектъ этотъ вызвалъ также двойственное къ нему отношеніе. Наиболѣе оппозиціонные элементы видѣли въ этомъ проектѣ способъ обезпечить матеріальные интересы землевладѣльцевъ, скупивъ у нихъ по хорошей цѣнѣ имущества, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были перейти населенію безвозмездно. Одновременно противъ проекта высказывались лица, убѣжденныя, что сокращеніе площади частновладѣльческихъ земель поведетъ лишь къ уменьшенію общей производительности страны въ области с. хозяйства; указывалось и на то, что крестьянскій банкъ не будетъ въ состояніи справиться съ возложенной на него задачей. Послѣднее вполнѣ оправдалось: крестьянскій банкъ скупилъ такое количество земли, что не могъ съ нею всецѣло развязаться вплоть до самой міровой войны. Выяснялась, наконецъ, и полная ненужность принятія у насъ искусственныхъ мѣръ для парцелляціи крупныхъ владѣній на мелкіе крестьянскіе участки, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ парцелляція эта не шла такими гигантскими шагами, какъ въ Россіи. Такъ, со времени освобожденія крестьянъ и до 1905 г., т. е. за 44 года площадь крупнаго рентнаго землевладѣнія уменьшилась съ 87 до 53 милл. десятинъ т. е. на 40%, причемъ значительная доля оставшейся въ крупныхъ участкахъ земли состояла подъ лѣсомъ. Еще нагляднѣе доказало это обслѣдованіе, произведенное въ 1916 г., когда выяснилось, что изъ общей обсѣмененной площади пахотныхъ земель въ 71.700.000 десятинъ крестьянскаго посѣва было 64.000.000 десятинъ, а болѣе или менѣе крупнаго владѣльческаго всего лишь 7.700 десятинъ. Правда, что одновременно было установлено, что 45% зерна, поступающаго на рынокъ

доставляется владѣльческими экономіями съ ихъ, составляющей всего лишь 9% общей площади, посѣва.

На ряду съ противниками проекта были однако и горячіе защитники его. За него стояли всѣ тѣ, которые были убѣждены, что увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, за счетъ владѣльческаго, вполнѣ соотвѣтсвуетъ общимъ государственнымъ интересамъ. Поддерживали его и лица, думающія, что такимъ путемъ можно достигнуть нѣкотораго успокоенія крестьянской массы. Наконецъ усиленно хлопотали о его проведеніи многіе, охваченные паникой, землевладѣльцы, Лица эти совершенно не вникали въ общегосударственное значеніе раздробленія крупныхъ владѣній на мелкіе участки, а преслѣдовали лишь свои матеріальные интересы данной минуты. Надо признать, что проектъ расширенія дѣятельности крестьянскаго банка былъ осуществленъ преимущественно по ихъ настояніямъ.

Какъ было поступить при этихъ условіяхъ Витте, желавшему въ то время всѣмъ угодить. Способъ имъ былъ изобрѣтенъ самый простой, а именно одновременно осуществить проектъ и гласно противъ него высказаться. Такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность въ зависимости отъ того, съ кѣмъ въ данную минуту имѣлъ дѣло, указывать либо на одно, либо на другое изъ его отношеній къ этому дѣлу, въ зависимости отъ того, которому изъ двухъ сочувствовалъ его собесѣднпкъ. Привлечь симпатіи и одобреніе всѣхъ круговъ — вотъ въ чемъ была цѣль Витте. Проведенная однако съ циничной откровенностью она конечно могла имѣть и противоположные результаты, а именно подорвать къ Витте довѣріе всѣхъ и вся, что въ конечномъ счетѣ и получилось.

Значительно точнѣе передаетъ Витте въ своихъ воспоминаніяхъ вліяніе, оказанное имъ, на разрѣшеніе въ принятомъ направленіи краеугольныхъ вопросовъ, обсужденныхъ при немъ его кабинетомъ, а именно на новое изданіе основныхъ законовъ и на выборный законъ въ Государственную Думу. Тутъ Витте былъ вѣренъ своему основному стремленію — сохранить за правительствомъ, составленнымъ изъ служилаго элемента, всю полноту власти, сдѣлавъ общественности лишь такія уступки, которыя не обезсилили бы власть, а наоборотъ по возможности ее укрѣпили. Конечно не оставлялъ онъ при этомъ и своей обычной тактики — облекать принимаемыя имъ рѣшенія, по возможности, въ такія формы, которыя носили бы отпечатокъ либерализма. Captatio benevolentiae общественнаго мнѣнія постоянно озабочивало Витте, причемъ основной его прин-

ципъ можно формулировать словами: говорите, пишите, исповѣдуйте, а тѣмъ паче думайте, что хотите — въ этомъ Вы, граждане, вполнѣ свободны, но управленіе государственнымъ кораблемъ предоставьте людямъ государственнаго воспитанія и служебнаго опыта, въ частности же въ данную минуту, оставьте это управленіе въ моихъ рукахъ.

Послѣ испытанныхъ имъ вслѣдъ за изданіемъ манифеста 17-го октября разочарованій, когда онъ убѣдился, что сохранить свое положеніе, опираясь на общественное мнѣніе, еще труднѣе, нежели когда положеніе это зависитъ всецѣло отъ Верховной власти, Витте, при установленіи новаго текста основныхъ законовъ, всемѣрно старался охранить власть монарха отъ всякаго ущерба. Руководился онъ при этомъ не только личными соображеніями. Государственный интересъ былъ всегда и неизмѣнно близокъ сердцу Витте и онъ при разрѣшеніи коренныхъ вопросовъ государственной жизни не упускалъ его изъ виду.

Къ выработанному совѣщаніемъ гр. Сольскаго новому тексту основныхъ законовъ Витте отнесся съ исключительнымъ вниманіемъ и подвергъ его тщательному обсужденію въ Совѣтѣ министровъ, при чемъ неоднократно возвращался къ уже разсмотрѣннымъ совѣтомъ статьямъ, все опасаясь, что они обезсилятъ Верховную власть. Вопросъ этотъ его настолько озабочивалъ, что однажды, открывая засѣданіе, онъ даже сказалъ, что не спалъ всю ночь все обдумывая одну изъ статей основныхъ законовъ, принятую совѣтомъ наканунѣ и могущую, по его мнѣнію, лишить корону такой прерогативы, которая можетъ при извѣстныхъ обстоятельствввхъ быть существенно важной въ цѣляхъ государственныхъ.

Роль Витте въ составленіи новыхъ основныхъ законовъ была имъ выяснена еще при жизни на страницахъ Историческаго Вѣстника черезъ посредство того же Глинскаго, который описалъ его дѣятельность въ Портсмутѣ, и потому читающей публикѣ была извѣстна до появленія въ печати его мемуаровъ. Въ мемуарахъ лишь ярче выступаетъ та легкость, съ которой старые сановники, казалось, убѣжденные въ теченіе всей ихъ жизни сторонники самодержавія, внезапно превращались въ создателей изъ Россіи монархіи лишь по имени, по существу же почти ничего общаго съ этой формой правленія не имѣющей. Первоначальный проектъ новыхъ основныхъ законовъ, какъ извѣстно, былъ составленъ П. А. Харитоновымъ, бывшимъ ближайшимъ сотрудникомъ Плеве по разработкѣ предположеній, имѣвшихъ цѣлью въ корнѣ уничтожить какую-либо самостоятельность Финляндіи. Tempora mutantur...

Говоря объ участіи Витте въ установленіи новыхъ основныхъ законовъ нельзя не отмѣтить, что тутъ онъ мудро предусмотрѣлъ возможность возникновенія для государства необходимлсти издавать отдѣльные законы безъ участія законодательныхъ палатъ и заранѣе это обезпечилъ. Въ сущности онъ своевременно заготовилъ тѣ позиціи, на которыя государственная власть могла опереться въ случаѣ слишкомъ бурнаго натиска на нее оппозиціонныхъ элементовъ. Правда, что когда этими позиціями воспользовался не онъ, а его преемники по власти, то онъ ихъ страстно въ этомъ укорялъ.

Что касается отношенія Витте къ той или иной системѣ выборовъ въ Государственную Думу, то онъ безусловно правъ, утверждая въ своихъ мемуарахъ, что по этому вопросу онъ разошелся съ нѣкоторыми изъ своихъ коллегъ по кабинету, настаивавшихъ на принятіе формулы — всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосовъ. За эту формулу высказались — Философовъ министръ торговли и промышленности и Немѣшаевъ, министръ путей сообщенія. Философовъ заявилъ, что онъ долго сомнѣвался въ возможности примѣнить въ Россіи такъ называемую четыреххвостку, но нынѣ убѣдился, что всякая другая формула для русскаго народа непріемлема. Равенство правъ всѣхъ и каждаго составляетъ основное credo нашихъ народныхъ массъ, и выразилось оно съ особой яркостью при недавно происходившихъ сельскихъ погромахъ, когда толпа тѣ предметы, которые она не могла съ соблюденіемъ справедливости подѣлить между собою какъ, напримѣръ, фортепіано, разбивала на части и эти части уже распредѣляла между участниками погрома. Съ своей стороны Немѣшаевъ откровенно сказалъ, что не имѣлъ по этому вопросу опредѣленнаго мнѣнія, но, побывавъ недавно въ Кіевѣ на митингѣ желѣзнодрожныхъ рабочихъ, пришелъ къ убѣжденію, что единственная правильная система выборовъ та, которая выражена въ извѣстной четырехчленной формулѣ.

Рѣшительно отвергнувъ высказанное упомянутыми министрами мнѣніе, Витте, надо сказать, умѣвшій господствовать въ своемъ кабинетѣ, построилъ выборы на системѣ въ достаточной степени по внѣшнему виду демократичной, но, какъ ему казалось, обезпечивавшей консервативный составъ членовъ Государственной Думы. Крестьянство, составляющее слишкомъ 85% населенія Россіи получило въ лицѣ всѣхъ домохозяевъ право участія въ выборахъ въ нижнюю палату.

Здѣсь еще разъ обнаружилось полное незнакомство Витте съ

русскимъ народомъ. Только этимъ незнакомствомъ можно объяснить, что онъ съ одной стороны описываетъ въ своихъ мемуарахъ крестьянство, какъ забитую массу, надъ которой чуть ли не ежедневно глумятся разныя мелкія административныя власти и которой помыкаютъ, какъ хотятъ, а съ другой, полагается на эту же массу, какъ на опору существующаго государственнаго строя и полагается искренно, такъ какъ никакихъ мѣръ воздѣйствія на крестьянскихъ избирателей при производствѣ выборовъ онъ администраціи не предлагалъ принять.

Нечего объяснять, что оба эти представленія были въ корнѣ ложныя. Утверждать, что крестьянство забито, что имъ помыкаютъ мѣстныя власти, могли въ своихъ партійныхъ цѣляхъ оппозиціонные общественные элементы, но въ устахъ русскаго министра такое утвержденіе — чудовищно. Русскій народъ былъ бѣденъ, невѣжественненъ, но забитъ онъ не былъ и быть не могъ по той простой причинѣ, что забивать его было некому. Въ сельскихъ мѣстностяхъ у насъ было полное отсутствіе какой бы то ни было власти и можно было удивляться, что при отсутствіи и полиціи и суда тамъ деражался какой ни на есть порядокъ. Земскіе начальники — эта bête noire оппозиціонной печати — въ общемъ отличались бездѣятельностью, а если случалось, что нѣкоторые изъ нихъ нелѣпо и неправильно проявляли свою дискреціонную власть (притомъ по существу весьма незначительную — три дня ареста и нѣсколько рублей штрафа), случаи, которые неизмѣнно отмѣчала печать, то вѣдь это была капля въ морѣ. Да и гдѣ же та страна, въ которой администрація, въ лицѣ отдѣльныхъ ея представителей, никогда не злоупотребляетъ властью и каковъ тотъ порядокъ, который можетъ это всецѣло предотвратить.

Столь же неправильно представленіе, бывшее не у одного Витте, а у очень многихъ, въ томъ числѣ даже и у нѣкоторыхъ революціонныхъ вожаковъ, что крестьянство — нѣчто вполнѣ однообразное, цѣльное и притомъ, всецѣло и сознательно преданное существующему государственному строю. Крестьянство со времени своего освобожденія значительно диференцировалось, причемъ къ нему офиціально продолжали принадлежать многочисленные элементы, утратившіе органическую связь съ нимъ и далеко отошедшіе отъ примитивнаго крестьянскаго міропониманія. Извѣстное вліяніе оказало на крестьянство и безпрерывно производившаяся среди него въ теченіе сорока лѣтъ революціонная пропаганда. Наконецъ развѣ когда-либо и глѣ-либо народное собраніе, избранное

въ моментъ революціоннаго психоза, всѣмъ или хотя бы большинствомъ населенія, преслѣдовало иную цѣль, кромѣ сверженія существующей власти и занятія ея мѣста.

Насколько убѣжденіе въ консервативности крестьянства было сильно у Витте обнаружилось въ особенности когда начали приходить свѣдѣнія о результатахъ выборовъ въ Государственную Думу и выяснялось, что число избранныхъ членовъ, принадлежащихъ (по крайней мѣрѣ по паспорту) къ крестьянству весьма значительно. По этому поводу на одномъ изъ засѣданій совѣта министровъ Витте прямо заявилъ: «Слава Богу Дума будетъ мужицкая», къ чему Оберъ Прокуроръ Синода кн. Оболенскій прибавилъ «и поповская, что тоже недурно».

Объ этой вѣрѣ въ крестьянство Витте въ своихъ мемуарахъ совсѣмъ не упоминаетъ, между тѣмъ ею въ значительной мѣрѣ вдохновлялась вся его политика въ то время.

По мѣрѣ того, какъ выяснялась партійная принадлежность избранныхъ въ Государственную Думу настроеніе Витте, приподнявшееся было послѣ постепеннаго прекращенія въ странѣ всевозможныхъ забастовокъ и революціонныхъ вспышекъ, стало вновь минорнымъ. Въ совѣтѣ министровъ онъ объяснялъ результатъ выборовъ какъ слѣдствіе суровости полицейскихъ мѣръ, принимавшихся Дурново, противъ чего онъ, Витте, все время возражалъ. То-же объясненіе даетъ Витте и въ «воспоминаніяхъ» и повидимому искренне вѣритъ въ его правильность.

Вѣрно и то, что Витте разошелся съ Дурново очень скоро по назначеніи послѣдняго министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ уже съ января 1906 г. стремился отъ него избавиться: негръ сдѣлалъ свое дѣло, — негръ можетъ уйти. Однако желаніе это зародилось у него не только на почвѣ его несогласія съ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій Дурново. Вызвано оно было и личными соображеніями, что проскальзываетъ между строкъ и въ его воспоминаніяхъ. Послѣдовавшее 1-го января 1906 г. утвержденіе Дурново въ должности министра внутреннихъ дѣлъ (до тѣхъ поръ онъ былъ лишь управляющимъ министерствомъ) свидѣтельствовало объ измѣнившемся отношеніи Государя къ Дурново, и Витте въ послѣднемъ началъ видѣть опаснаго конкурента, возможнаго замѣстителя своего какъ главы кабинета.

Въ своихъ мемуарахъ Витте представляетъ этотъ вопросъ иначе, утверждая, что уже съ января рѣшилъ сколь можно скорѣе покинуть свой постъ и даже ходатайствовалъ о томъ передъ Госуда-

ремъ. Было ли однако это желаніе искреннимъ и не было ли тутъ повторенія того пріема, который ему удался передъ изданіемъ манифеста 17-го октября, а именно стремленіе вызвать увольненіе Дурново подъ угрозой собственной отставки въ противномъ случаѣ? Опредѣленно это утверждать нельзя, но нѣкоторыя косвенныя доказательства въ пользу такого предположенія имѣются на-лицо. Конечно, ихъ нельзя усмотрѣть въ томъ, что Витте продолжалъ дѣятельно интересоваться всѣми вопросами управленія — это отвѣчало его природѣ. Еще менѣе доказательны въ этомъ отноешіни тѣ усилія, которыя онъ все время прилагалъ для совершенія крупнѣйшаго заграничнаго займа; вопросомъ этимъ Витте не могъ не интересоваться хотя бы ради охраненія отъ крушенія введенной имъ въ Россіи золотой валюты. Конечно, Витте, посвятившій совершенію этого займа цѣлую главу своихъ воспоминаній преувеличиваетъ, когда говоритъ, что заемъ этотъ спасъ Россію. Спасъ онъ не Россію, а русскіе финансы, что не одно и то же, но этимъ онъ конечно облегчилъ положеніе правительства и заслуга его въ этомъ дѣлѣ неоспорима.

Усмотрѣть намѣреніе Витте остаться у власти можно въ томъ, что онъ дѣятельно готовился къ встрѣчѣ съ Государственной Думой. Витте имѣлъ въ виду выступить передъ народными представителями съ опредѣленной и наиболѣе, по возможности, либеральной программой. По всѣмъ вѣдомствамъ было отдано распоряженіе о составленіи списка предположеннымъ ими реформъ и разрабатываемыхъ съ этой цѣлью законодательныхъ проектовъ. Списки эти, заключавшіе изложеніе главныхъ основаній проектируемыхъ преобразованій, были переданы въ особую междувѣдомственную комиссію, учрежденную подъ предсѣдательствомъ А. П. Никольскаго, замѣнившаго къ этому времени Кутлера на должности главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ. Комиссія, состоявшая преимущественно изъ лицъ ближайшихъ образомъ руководившихъ законодательными работами въ отдѣльныхъ министерствахъ, спѣшно приступила къ разсмотрѣнію этихъ списковъ. Предполагалось, что послѣ утвержденія совѣтомъ министровъ рѣшеній комиссіи въ министерствахъ будутъ немедленно заготовлены самые проекты новыхъ законовъ, которые и будутъ внесены въ законодательныя установленія тотчасъ по открытіи ихъ дѣйствій. Въ число предположенныхъ законодательныхъ мѣръ, *по иниціативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ* были включены: предоставленіе членамъ сельскихъ обществъ права свободнаго выхода изъ общины съ выдѣлені-

емъ въ ихъ личную собственность состоявшей въ ихъ владѣніи надѣльной земли, а также отмѣна всѣхъ еще сохранившихся ограниченій въ правахъ крестьянъ — мѣры, которыя были впослѣдствіи при Столыпинѣ осуществлены указами 5-го октября и 9-го ноября 1906 года.

Работы по заготовкѣ матеріала для правительственной декларации передъ Государственными Думой и Совѣтомъ продолжались ускореннымъ темпомъ почти до самаго ухода Витте отъ власти; лишь въ самые послѣдніе дни передъ своей отставкой онъ повидимому пересталъ интересоваться этимъ вопросомъ. Если бы Витте твердо рѣшилъ отойти отъ власти еще въ январѣ, какъ онъ это утверждаетъ, то едва ли бы онъ сталъ готовиться къ встрѣчѣ правительства съ народными представителями. Наконецъ, то обстоятельство, что въ своихъ воспоминаніяхъ онъ не распространяется вовсе о томъ, насколько онъ былъ озабоченъ встрѣтить Государственную Думу во всеоружіи дѣятельнаго реформатора также свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у него заранѣе принятаго рѣшенія покинуть постъ главы правительства. Дѣйствительно, Витте трудно было одновременно утверждать въ своихъ мемуарахъ, что онъ съ одной стороны готовился къ совмѣстной работѣ съ Государственной Думой, а съ другой, что онъ рѣшилъ покинуть власть до открытія дѣйствій новыхъ законодательныхъ учрежденій.

Думается, что планы Витте были иные. По мѣрѣ полученія свѣдѣній, указывавшихъ на принадлежность огромнаго большинства членовъ Государственной Думы къ ярко оппозиціоннымъ политическимъ партіямъ, что выяснилось въ полной мѣрѣ лишь незадолго до ея открытія, Витте все болѣе убѣждался, что съ какой программой онъ не выступитъ, все же при сохраненіи въ составѣ кабинета Дурново, никакая совмѣстная работа съ Государственной Думой у него не наладится. Единственный выходъ онъ усматривалъ въ уходѣ Дурново (и, вѣроятно, министра юстиціи Акимова) и въ послѣдующемъ, послѣ собранія Государственной Думы, предоставленіи нѣсколькихъ министерскихъ портфелей лидерамъ возможно умѣренной части оппозиціи. Не касаясь второго вопроса, могущаго быть разрѣшеннымъ лишь послѣ начала занятій Государственной Думы, онъ рѣшилъ вопросъ объ увольненіи Дурново поставить ребромъ немедленно. Однако, вѣрный своему обычному способу достиженія поставленной цѣли не прямыми путями, а косвенными, онъ ходатайствовалъ не о замѣнѣ Дурново на должности министра внутреннихъ дѣлъ другимъ лицомъ, а о собственной отставкѣ.

Но одновременно въ заключающемъ это ходатайство письмѣ къ Государю (приведенномъ въ его мемуарахъ), онъ мотивировалъ свое прошеніе объ увольненіи невозможностью для него выступить передъ Государственной Думой, имѣя министромъ внутреннихъ дѣлъ Дурново. Выводъ изъ этого письма напрашивался самъ собой, а именно — благоволите уволить Дурново и я останусь.

Разсчетъ Витте при этомъ былъ ясный: либо послѣдуетъ согласіе Государя на удаленіе Дурново и тогда онъ останется у власти и такъ или иначе сговорится съ Думой, либо согласія этого не послѣдуетъ и онъ уйдетъ, сохранивъ обликъ либеральнаго реформатора, къ которому ходъ событій неминуемо вынудитъ вновь обратиться. Reculer pour mieux sauter — вотъ, что въ сущности хотѣлъ сдѣлать Витте. Конечно вся эта сторона вопроса въ мемуарахъ вовсе не освѣщена.

Какъ извѣстно разсчеты Витте не оправдались. 20 апрѣля, т. е. за шесть дней до открытія Государственной Думы однимъ общимъ указомъ были уволены отъ должностей и Витте и Дурново. Такого исхода Витте вовсе не ожидалъ, былъ имъ до крайности пораженъ и не могъ удержаться отъ выраженія крайняго негодованія...

На этомъ послѣднемъ неудачномъ ходѣ завершилось дѣятельное и властное участіе Витте въ государственномъ управленіи.

Для полнаго выявленія всѣхъ рессурсовъ богато одаренной природы Витте, можно пожалѣть, что ему не пришлось имѣть дѣла съ первой Государственной Думой. Что онъ приложилъ бы всѣ усилія, чтобы съ ней сговориться, сомнѣваться не приходится. Вопросъ лишь въ томъ, до какихъ уступокъ онъ при этомъ бы дошелъ. На принудительное отчужденіе доли частновладѣльческихъ земель онъ вѣроятно бы согласился, но этимъ однимъ оппозиція, т. е. кадетская партія, не удовлетворилась бы. Цѣль ея лидеровъ была опредѣленная — превратиться самимъ во власть. Противъ сохраненія за Витте поста предсѣдателя совѣта министровъ, партія, при условіи предоставленія ей нѣсколькихъ министерскихъ портфелей, не возражала бы. На эти условія Витте вѣроятно бы тоже пошелъ. Но ставъ у власти лидеры к. д. вынуждены были бы расплачиваться по выданнымъ ими векселямъ. Произошло бы то, на что указывалъ кн. Трубецкой, когда ему Витте въ октябрѣ 1905 г. предлагалъ портфель министра народнаго просвѣщенія. Вотъ здѣсь положеніе Витте стало бы трагическимъ, ибо какъ ни на есть между нимъ и тѣми, которые такъ удачно ввергли Россію въ 1917 г. въ пучину бѣдствій, — цѣлая бездна. Одинъ — государственный дѣ-

ятель быть можетъ односторонне понимавшій задачи, подлежавшія въ ближайшую очередь разрѣшенію власти, но несомнѣнно обладавшій огромнымъ практическимъ смысломъ и продолжительнымъ государственнымъ навыкомъ и опытомъ. Другіе — доктринеры теоретики, но въ особенности дилеттанты въ области управленія, отличающіеся свойственной всѣмъ дилеттантамъ легкомысліемъ и смѣлостью невѣжества. Если бы Витте устоялъ подъ ихъ натискомъ то ему пришлось бы разстаться со своими общественными коллегами и событія, вѣроятно, пошли бы приблизительно по тому же пути, по которому они слѣдовали послѣ роспуска двухъ первыхъ Государственнныхъ Думъ. Если бы, однако, Витте упорствовалъ въ стремленіи привлечь къ своей дѣятельности сочувствіе оппозиціонныхъ силъ, то началась бы расплата по выданнымъ к. д. векселямъ, а за ней слѣдомъ не только политическая, но и соціальная революція.

Дѣйствительно, если лидеры к. д. оказались младенцами въ дѣлѣ управленія государствомъ въ 1917 г., послѣ той школы, которую они прошли, участвуя въ теченіе десяти лѣтъ въ работахъ Государственной Думы, то можно себѣ представить какими несмышленышами они были въ 1905 г.

Нынѣ, когда Россія низвергнута въ соціалистическій прахъ, особенно радоваться тому, что это не произошло одиннадцатью годами раньше едва ли приходится. Какъ ни на есть Россія въ 1906 г. не была истощена предшествовавшей изнурительной трехлѣтней войной и можно думать, что русскій народъ оказалъ бы большее противодѣйствіе революціонной бурѣ и къ нему скорѣе бы вернулся его государственный разумъ.

V.

Графъ С. Ю. Витте въ роли критика правительственной дѣятельности.

По сколько воспоминанія гр. Витте отличаются неумѣреннымъ самовосхваленіемъ, по столько они же, коль скоро въ нихъ идетъ рѣчь о другихъ государственнныхъ дѣятеляхъ его времени, изобилуютъ ихъ порицаніемъ, причемъ оцѣнка отдѣльныхъ личностей нерѣдко ограничивается приданіемъ имъ рѣзкихъ эпитетовъ безъ всякаго подтвержденія ихъ соотвѣтствующими доказательствами.

Плеве, Горемыкинъ, Кривошеинъ, гр. Коковцевъ опредѣляются всѣ почти одними и тѣми же словами. Это безпринципные карьери-

сты, бюрократическія посредственности, люди, лишенные и ума и познаній.

Огульное осужденіе почти всѣхъ лицъ, занимавшихъ сколько-нибудь выдающееся положеніе въ государственномъ управленіи, характеризуетъ, конечно, не этихъ лицъ, а самого автора воспоминаній, выявляетъ отсутствіе у него объективнаго отношенія къ своимъ политическимъ недругамъ, а также ту озлобленность, которой онъ страдалъ, когда, отставленный отъ власти и тщетно стремившійся къ ней вернуться, онъ составлялъ свои воспоминанія.

Опровергать здѣсь оцѣнки, сдѣланныя Витте, конечно, не приходится, тѣмъ болѣе, что и опровергать то собственно нечего, такъ какъ онѣ не подкрѣплены никакими фактами и носятъ характеръ простого осужденія, а иногда и брани. Можно лишь удивляться, что среди лицъ, подвергшихся рѣзкой критикѣ Витте, имѣются и такія, которыя какъ, напримѣръ, гр. Коковцевъ, были по его избранію его ближайшими и многолѣтними сотрудниками, не мало содѣйствовавшими успѣшности проводимой имъ политики. Относительно гр. Коковцева нельзя не упомянуть и того, что въ бытность министромъ финансовъ онъ въ общемъ, въ области государственнаго хозяйства, слѣдовалъ той же политикѣ, какую проводилъ въ свое время Витте, причемъ положеніе нашихъ финансовъ при немъ несмотря на тяжесть расходовъ по веденію японской войны и на революціонное движеніе 1905—1906 г. г. было едва ли не болѣе блестящимъ нежели при самомъ Витте. Это доказываютъ цифровыя данныя, опровергнуть которыя нѣтъ возможности. Впрочемъ, повторяемъ, «воспоминанія» почти не содержатъ конкретныхъ обвиненій нашихъ государственныхъ работниковъ въ чемъ-либо сколько-нибудь опредѣленномъ. Бездарны они и весь тутъ сказъ.

Исключеніе составляетъ П. А. Столыпинъ. На немъ Витте сосредоточилъ всю свою злобу и даже озаглавилъ одну изъ главъ воспоминаній словами «Реакціонная политика Столыпина». Въ главѣ этой имѣется такое нагроможденіе невѣрныхъ фактовъ, неправильныхъ выводовъ и яркихъ противорѣчій, что, разбирая воспоминанія Витте, нельзя на ней не остановиться. Обвиненія сыплются на Столыпина, какъ изъ рога изобилія. Припоминаются, дѣйствовавшіе въ первые годы управленія Столыпина военно-полевые суды, приговорившіе многихъ къ разстрѣлу и одновременно указывается, что при немъ, Витте, ни одинъ человѣкъ разстрѣлянъ не былъ — указаніе по существу невѣрное, ибо если разстрѣленныхъ по суду при Витте было незначительное число, то разстрѣленн-

ныхъ безъ суда было достаточно. Разстрѣливались люди и при подавленіи московскаго вооруженнаго возстанія, и при усмиреніи революціонной вспышки на московско-рязанской желѣзной дорогѣ, и при водвореніи порядка въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, да и въ другихъ мѣстахъ.

Приписывается Столыпину и поддержка черносотенцевъ, изъ которыхъ онъ будто бы создалъ базу своей власти и одновременно полное неумѣніе привлечь къ своей дѣятельности сочувствіе какихъ бы то ни было общественныхъ круговъ, въ томъ числѣ тѣхъ же черносотенцевъ, на которыхъ онъ будто бы опирался. Въ явномъ противорѣчіи съ фактами вмѣняется въ вину Столыпину назначеніе его шурина Нейдгардта градоначальникомъ Одессы, хотя на это назначеніе, безразлично хорошо оно было или дурно, Столыпинъ никакого вліянія оказать не могъ, такъ какъ оно состоялось еще въ 1904 г., когда Столыпинъ самъ былъ лишь Саратовскимъ губернаторомъ.

Но самое главное обвиненіе Столыпина сводится къ тому что онъ измѣнилъ выборный законъ въ Государственную Думу и затѣмъ превратилъ ее въ свой, «всецѣло ему послушный департаментъ». Обвиненіе это въ устахъ Витте по меньшей мѣрѣ странно. Витте, никогда не стѣснявшійся въ средствахъ для осуществленія своей воли, Витте, нѣкогда содѣйствовавшій учрежденію комитета по сооруженію Сибирской жел. дороги и указавшій въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ, что приданіе этому комитету законодательной власти мощно содѣйствовало осуществленію этого крупнаго дѣла; Витте, установившій не только помимо, но и вопреки Государственному Совѣту, Царскимъ указомъ, золотую валюту, наконецъ, Витте, самъ обезпечившій въ основныхъ законахъ воможность для Верховной власти издавать законы помимо законодательныхъ учрежденій, — этотъ самый Витте, вдругъ становящійся въ позу непоколебимаго поклонника точнаго соблюденія всѣхъ законныхъ нормъ — явленіе неожиданное и не лишенное юмора.

Однако, самымъ любопытнымъ въ этомъ отношеніи надо признать обвиненіе Столыпина въ реакціонности на ряду съ изложеніемъ тѣхъ случаевъ, когда Витте, по званію члена Государственнаго Совѣта, вступалъ въ рѣзкую полемику съ Столыпинымъ.

Такихъ случаевъ было два, а именно при прохожденіи черезъ Государственный Совѣтъ утвержденныхъ Думою новыхъ штатовъ главнаго морского штаба и при обсужденіи Совѣтомъ проекта введенія земскихъ учрежденій въ Юго-Западныхъ губерніяхъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ Витте боролся отнюдь не съ реакціонностью Столыпина, а съ его недостаточнымъ, по высказанному имъ тогда мнѣнію, консерватизмомъ, а въ особенности монархизмомъ, выражавшемся въ небрежномъ охраненіи Столыпинымъ прерогативъ Короны. Что Витте именно на этой почвѣ боролся съ Столыпинымъ безусловно вѣрно и объясняется весьма легко, а именно все тою же невозможностью для него примириться съ утратой власти.

Различными способами и, между прочимъ, черезъ столь рѣзко имъ аттестованнаго въ своихъ воспоминаніяхъ Кривошеина, онъ домогается назначенія то посломъ при одной изъ великихъ державъ, то министромъ путей сообщенія, то наконецъ хотя бы предсѣдателемъ особой комиссіи по упорядоченію казеннаго желѣзно-дорожнаго хозяйства. Встрѣчая каждый разъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны Столыпина, совершенно ему не довѣрявшаго, онъ естественно стремится подорвать его положеніе у Государя и одновременно выставить себя горячимъ защитникомъ прерогативъ Верховной власти. Съ этой цѣлью онъ выступаетъ съ рѣзкой критикой образа дѣйствій Столыпина въ дѣлѣ утвержденія новыхъ штатовъ главнаго морского штаба не непосредственно властью монарха, а при ихъ предварительномъ одобреніи законодательными учрежденіями. Въ этомъ вопросѣ онъ дѣйствуетъ въ ближайшемъ союзѣ съ правымъ крыломъ Государственнаго Совѣта и въ конечномъ результатѣ добивается своей цѣли: штаты морского штаба изъемлются изъ обсужденія Государственныхъ Думы и Совѣта и получаютъ непосредственное утвержденіе Государя, а Столыпинъ подаетъ прошеніе объ отставкѣ, судьба котораго въ теченіе нѣсколькихъ дней остается неизвѣстной.

Почти также оканчивается его второй походъ противъ Столыпина, а именно при обсужденіи проекта введенія земства въ юго-западныхъ губерніяхъ, походъ, который онъ ведетъ опять таки въ рядахъ праваго крыла Совѣта и въ результатѣ котораго, по настоянію Столыпина, два члена Совѣта по назначенію, П. Н. Дурново и В. Ф. Треповъ, получаютъ продолжительный, не испрашивавшійся ими отпускъ, т. е. фактически изъемлются на нѣкоторое время изъ состава верхней палаты.

Обо всемъ этомъ Витте упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ столь же кратко, какъ туманно, что и позволяетъ ему тутъ же метать громы по адресу реакціонности Столыпина.

Дышащее нескрываемой злобой, пристрастное отношеніе къ Столыпину приводитъ Витте къ тому, что даже тѣ проведенныя

Столыпинымъ мѣры, которыя вполнѣ отвѣчали его собственнымъ предположеніямъ, онъ, если не обходитъ ихъ молчаніемъ, рѣзко осуждаетъ. Такъ про изданный при Столыпинѣ указъ 5 октября 1906 г., фактически уравнявшій крестьянъ въ ихъ гражданскихъ правахъ съ лицами другихъ сословій, онъ совершенно не упоминаетъ, такъ же какъ обходитъ молчаніемъ состоявшуюся по инициативѣ Столыпина передачу всѣхъ удобныхъ полевыхъ земель, принадлежащихъ казнѣ и удѣламъ, крестьянскому банку для послѣдующей ихъ перепродажи крестьянамъ. Между тѣмъ по этому указу переходило крестьянамъ около 9 милліоновъ десятинъ изъ которыхъ 1.800.000 принадлежало удѣламъ, а остальныя казнѣ.

Наконецъ, утверждая, что законъ о свободномъ выходѣ изъ общины осуществленъ Столыпинымъ согласно предположеніямъ, выработаннымъ имъ, Витте, въ качествѣ предсѣдателя сельско-хозяйственнаго совѣщанія, онъ, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ, что Столыпинъ извратилъ этотъ законъ и даже превратилъ его въ опредѣленно вредный, такъ какъ ввелъ въ него насильственное разрушеніе общины. Тутъ все невѣрно. Законъ о выходѣ изъ общины въ сельско-хозяйственномъ совѣщаніи не обсуждался, точно также какъ не разрушалъ общины законъ, изданный при Столыпинѣ, а лишь предоставлялъ отдѣльнымъ членамъ общины закрѣплять за собой долю причитающейся имъ полевой земли.

Здѣсь неумѣстно входить въ оцѣнку дѣятельности Столыпина, но одно слѣдуетъ сказать, а именно, что онъ обладалъ драгоцѣннѣйшимъ для государственнаго дѣятеля свойствомъ, а именно, врожденной интуицiей, дававшей ему возможность вѣрно угадывать ходъ событій и опредѣлять общественное настроеніе минуты. Обладалъ онъ и какими то особыми флюидами, при помощи которыхъ онъ привлекалъ къ себѣ личныя симпатіи людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Число сторонниковъ Столыпина, вопреки утвержденію Витте, было весьма значительно: сочувствіемъ культурной, національно и патріотически настроенной части русской общественности Столыпинъ несомнѣнно пользовался. Обстоятельство это являлось едва ли не основной причиной открытой непріязни къ нему Витте. Дѣйствительно, этого сочувствія Витте, какъ ни старался, добиться ни отъ одной части русской общественности не могъ. Цѣнили его умъ, энергію, признавали значительность и полезность многихъ изъ осуществленныхъ имъ мѣръ, но симпатіи къ нему и тѣмъ болѣе довѣрія не испытывали ни въ какихъ кругахъ. Его двуличіе, его игра на два и даже нѣсколько фронтовъ, столь ярко выступающія

въ его воспоминаніяхъ, были черезчуръ явны и именно они подорвали къ нему довѣріе и Верховной власти и общества.

Нельзя не пожалѣть, что Витте не сумѣлъ подавить своихъ личныхъ чувствъ при составленіи своихъ мемуаровъ и благодаря этому не далъ безпристрастно нарисованной портретной галлереи современныхъ ему русскихъ государственныхъ дѣятелей, близко ему извѣстныхъ по постояннымъ, какъ дѣловымъ, такъ, поневолѣ, вращаясь въ томъ же кругу, частнымъ сношеніямъ. Въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, когда перомъ его водило не исключительно личное чувство, вышедшія изъ подъ него характеристики отличаются живостью и образностью. Если не для историка, по по крайней мѣрѣ для тѣхъ изъ оставшихся въ живыхъ современниковъ. которые встрѣчались съ лицами, игравшими ту или иную роль въ эпоху царствованія Николая II, Витте нѣсколькими мѣткими штрихами возсоздаетъ многіе изъ знакомыхъ имъ нѣкогда образовъ. Правда, абсолютной объективности и здѣсь искать нельзя, Такъ напримѣръ, воспроизведя нѣсколькими мастерскими чертами нѣкоторыя стороны характера Куропаткина, онъ, при оцѣнкѣ его дѣятельности, вдругъ рубитъ съ плеча, что Куропаткинъ разстроилъ все управленіе военнымъ вѣдомствомъ . Послѣднее однако совершенно невѣрно, Куропаткинъ не обладалъ необходимѣйшимъ свойствомъ военноначальника — стойкостью въ проведеніи разъ принятаго рѣшенія, но кабинетный работникъ и организаторъ управленія и хозяйственной части войскъ онъ былъ несомнѣнно выдающійся.

Такими ничѣмъ не обоснованными и ничѣмъ не подкрѣпленными, столь же краткими, сколь рѣзкими, сужденіями пестрятъ многія страницы воспоминаній Витте. Читая эти воспоминанія, недоумѣваешь, какъ могъ человѣкъ столь выдающагося ума, какъ ихъ авторъ, нагромоздить такое множество опрометчиво рѣзкихъ, не освѣщенныхъ никакими фактами, носящихъ характеръ приговоровъ осужденій почти всѣхъ лицъ, о которыхъ онъ только упоминаетъ. Для будущаго историка эти огульные приговоры не представятъ никакого значенія, а у современиковъ они могутъ вызвать лишь негодованіе и недоумѣніе.

Если повѣрить на слово Витте, то окажется, что рѣшительно всѣ государственные дѣятели Россіи за тѣ 20 лѣтъ, что онъ былъ то у власти, то близокъ къ ней (съ 1890 по 1911 г. г., когда имъ составлялись его воспоминанія), были сплошь не только круглыми бездарностями, но кромѣ того отчаянными честолюбцами, дѣлу своему не преданными, родины не любившими и чуть ли не ея вра-

гами. Среди этихъ ничтожныхъ по ихъ внутреннимъ свойствамъ и качествамъ людей имѣлся лишь одинъ человѣкъ, обладавшій всѣми талантами, всѣми способностями, всеобъемлющимъ знаніемъ и всесокрушающей волей и этотъ человѣкъ былъ никто иной какъ самъ авторъ воспоминаній — графъ С. Ю. Витте.

Людямъ вообще свойственно ошибаться на собственнный счетъ, переоцѣнивать себя и свою работу, но люди, обладающіе тактомъ, умѣютъ, отдавая отчетъ въ своей дѣятельности, изобразить ее такъ, чтобы лестную ея оцѣнку сдѣлалъ не самъ составитель отчета, а знакомящійся съ нимъ. Чѣмъ объяснить, что Витте поступилъ иначе и съ примитивной прямолинейностью заявилъ, что онъ оказалъ «безчисленныя и неоцѣнимыя услуги государству и престолу», а всѣ остальныя лица, стоявшія за это время у власти, лишь тормозили его дѣятельность, сами же губили государство. Одному отсутствію у Витте объективности сужденій, одной страстности его натуры приписать этого нельзя. Была несомнѣнно другая причина, а состояла она, думается, въ томъ, что такта, внутренняго чутья Витте былъ совершенно лишенъ. Именно это отсутствіе чутья не позволяло Витте вѣрно охватить общественное настроеніе минуты и сдѣлать соотвѣтственные выводы, и одновременно допускало съ его стороны такія безтактности, какъ обращеніе къ рабочимъ со словами «братцы». Наконецъ, то же свойство, а именно нѣкоторая тупость восприниманія чувствъ и мыслей другихъ людей лишила его возможности, несмотря на всѣ его усилія, пріобрѣсти широкую популярность. Подкупъ во всѣхъ его формахъ былъ его любимѣйшимъ средствомъ воздѣйствія на людей, причемъ онъ въ особенности прибѣгалъ къ лести, но лесть эта была грубая, слишкомъ явно разсчитанная на полученіе отъ нея опредѣленной выгоды и поэтому часто не достигала цѣли.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Витте постоянно утверждаетъ, что онъ высказывалъ Государю свои мнѣнія въ рѣшительной и даже рѣзкой формѣ, однако, если просмотрѣть его всеподданнѣйшіе доклады, то получится впечатлѣніе обратное. Эти доклады, по сравненію съ докладами другихъ министровъ, отличались, наоборотъ, неприкрашеннымъ подобострастіемъ, которое не могло нравиться чуткой природѣ покойнаго Государя.*)

---

*) Одной изъ особенностей Витте была именно неопредѣленность или вѣрнѣе двойственность высказываемыхъ имъ мнѣній по вопросамъ, по которымъ онъ либо не былъ увѣренъ, что взглядъ его раздѣляется выше, либо отношеніе къ которому среди общественности было различ-

Независимо отъ всего этого Витте при всемъ своемъ умѣ отличался чрезвычайно упрощеннымъ пониманіемъ вещей. Эта простота концепцій ему во многомъ помогала; она освобождала его отъ сомнѣній въ полезности предпринимаемаго имъ и, тѣмъ самымъ, усиливала его энергію. Она же несомнѣнно помогла ему въ Америкѣ для прельщенія тамошняго общественнаго мнѣнія. Въ Америкѣ Витте оказался ко двору, тѣмъ болѣе, что другого своего свойства — двуличія, неискренности, — за краткостью пребыванія тамъ, онъ не успѣлъ обнаружить. Тамъ его внѣшняя и внутренняя простота отвѣчали основнымъ чертамъ населенія заокеанской республики.

Нюансы, полутоны, безчисленныя мелочи, играющія, въ общей совокупности, значительную роль въ жизни народовъ, были совсѣмъ недоступны Витте. Какъ молодой степной быкъ онъ летѣлъ къ своей цѣли головой впередъ, расчищая себѣ путь, то грубостью, то лестью, то бурнымъ натискомъ, то быстрымъ обходомъ. Когда же онъ встрѣтилъ на своемъ пути явленіе по своей сложности ему непонтное, а именно усиленіе уличной революціи и критики его дѣятельности со стороны радикально либеральнаго лагеря послѣ исполненія именно имъ, какъ онъ всячески старался это внушить, давнихъ чаяній всей оппозиціонной общественности, то онъ растерялся и почувствовалъ, что почва ускользаетъ у него изъ подъ ногъ. А ускользала она потому, что собственной твердой политической базы у него не было. Обладая выдающимися финансовыми способностями, богатой финансовой фантазіей, будучи по существу практическимъ дѣльцемъ исключительнаго размаха, политической прозорливостью онъ однако не былъ одаренъ.

Для многихъ непонятно какимъ образомъ Витте могъ и при жизни и въ своихъ воспоминаніяхъ такъ высоко ставить личность Александра III, такъ открыто его восхвалять, несмотря на непопу-

---

ное. Ко времени нахожденія Витте во главѣ правительства одновременное изложеніе двухъ противоположныхъ по тому же вопросу мнѣній превратилось у него въ привычный пріемъ. По самымъ важнымъ вопросамъ онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что ихъ можно разрѣшить и въ томъ и въ другомъ направленіи, причемъ въ пользу каждаго изъ нихъ можно привести существенные доводы, которые онъ затѣмъ и излагалъ. Въ русскомъ текстѣ перваго тома воспоминаній Витте имѣется весьма любопытное въ этомъ отношеніи мѣсто, а именно, когда Витте перчисляетъ (стр. 255), обращавшіеся къ нему «совершенно противорѣчивые упреки и обвиненія», онъ передаетъ, что ему между прочимъ говорили: «Васъ Государь не слушаетъ, потому что вы не настаиваете на вашемъ мнѣніи и даете Ему въ вашихъ доводахъ выходъ и въ другія стороны». Не безинтересно и то, что этого заявленія Витте съ своей стороны не опровергаетъ, да оно и трудно, ибо образчиками подобной двойственности изобилуютъ «воспоминанія».

лярность такого мнѣнія въ либеральныхъ кругахъ, съ настроеніями которыхъ онъ всегда, а въ особенности съ начала революціоннаго движенія, считался. Однако достаточно припомнить тѣ условія, при которыхъ Витте въ теченіе трехъ лѣтъ былъ докладчикомъ и сотрудникомъ Александра III, чтобы вполнѣ понять его чувства къ этому государю. Молодой, еще не достигшій 40 лѣтъ, Витте пріѣзжаетъ въ Петербургъ изъ провинціи на должность директора желѣзнодорожнаго департамента. Онъ несомнѣнно чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ и испытываетъ желаніе ихъ немедленно и бурно примѣнить, но тутъ же онъ вступаетъ въ среду петербургскаго, нѣсколько чопорнаго, спокойнаго, скептическаго ко всякимъ новымъ начинаніямъ высшаго чиновничества и конечно сознаетъ, что онъ не къ масти, что здѣсь нужны какіе-то другіе пріемы, ему чуждые и его природой неусвояемые. И вдругъ Витте попадаетъ въ докладчики самого Императора, и къ удивленію своему здѣсь встрѣчаетъ ту же простоту обращенія и даже ту же прямолинейность мысли, которыя и ему присущи. Простой здравый смыслъ Александра III, опредѣленность и рѣшительность его сужденій и рѣшеній не могли не прельстить молодого Витте. Къ тому же Александръ III обладалъ государственнымъ чутьемъ, котораго Витте всегда не доставало, но оцѣнить которое въ другихъ онъ былъ вполнѣ въ состояніи. Онъ тотчасъ подмѣчаетъ это свойство и отмѣчаетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ. Александръ III, говоритъ Витте «хотя ему быть можетъ недоставало нѣкоторой тонкости ума, безспорно обладалъ широкимъ и отчетливымъ пониманіемъ основныхъ вопросовъ народной жизни, качество, которое у главы государства часто важнѣе блестящаго ума». Это еще болѣе усиливаетъ обаяніе, которое вызываетъ у Витте призвавшій его къ власти державный повелитель. Въ особенности же привлекаютъ Витте ясность и непреклонность воли Александра III, благодаря которой разъ одобренному государемъ мѣропріятію не смѣютъ ни прямо ни косвенно препятствовать лица изъ состава правительства, этому мѣропріятію не сочувствующія. Въ годы бытности своей министромъ при Александрѣ III Витте чувствовалъ подъ собой твердую почву, которой впослѣдствіи онъ лишился. Все это въ совокупности и породило у молодого, жаждущаго дѣятельности, страстно стремящагося претворить въ дѣло свою творческую мысль, Витте то преклоненіе, которое впослѣдствіи, когда онъ оказался въ другихъ условіяхъ, у него не только сохранилось, но, вѣроятно, усилилось.

Насколько основныя свойства характера Александра III встрѣ-

тили живой откликъ у Витте, настолько, наоборотъ, особенности покойнаго Государя Николая II были ему чужды и непонятны. Это конечно не оправдываетъ Витте по отношенію къ той злобной и въ общемъ несправедливой характеристикѣ покойнаго Государя, при томъ еще какъ то странно пересыпанной то рѣзкой критикой, то выраженіями безпредѣльной преданности, но это объясняетъ эту характеристику и тѣмъ самымъ дѣлаетъ ее еще менѣе достовѣрной. Весь умственный складъ Витте, простота его мышленія, лапидарность сужденій не позволяли ему ни понять ни обнять сложной, тонкой и нѣсколько мистической природы покойнаго Государя.

Какъ кѣмъ то уже было удачно подмѣчено, Императоръ Николай II былъ миніатюристомъ, которому были гораздо виднѣе и понятнѣе мелкія черты, изъ которыхъ слагается жизнь какъ индивидуальная, такъ и народная, нежели тѣ общія и основныя ея очертанія, которыя ее характеризуютъ. Наоборотъ, Витте рисовалъ себѣ все грубыми, рѣзкими и яркими мазками. Это основное несходство между Государемъ и его министромъ несомнѣнно порождало взаимное непониманіе и недовѣріе. Если прибавить къ этому, что Витте ко времени перемѣны царствованія уже привыкъ къ власти и вѣроятно съ мѣста задался цѣлью поработить волю молодого Государя, то станетъ вполнѣ понятнымъ его чувства, когда онъ убѣдился, что Государь по немногу, мягко и незамѣтно, выходитъ изъ подъ его гнета и многіе вопросы рѣшаетъ помимо него и вопреки его мнѣнію. Витте могъ легко и всецѣло подчиниться волѣ Александра III. Этому содѣйствовало и то, что онъ при немъ только и по его инициативѣ былъ призванъ къ власти и слѣдовательно не могъ притязать на осуществленіе своей воли вопреки волѣ Царской, содѣйствовало же въ особенности то, что Витте въ Александрѣ III усматривалъ полное соотвѣтствіе между той формальной властью, которой обладалъ этотъ государь и той внутренней органической силой, которая была ему присуща. Этого соотвѣтствія Витте въ покойномъ Государѣ не видѣлъ и поэтому внутренне не могъ примириться съ тѣмъ, что надъ нимъ господствовала воля, которую, по ея органической силѣ, онъ оцѣнивалъ какъ уступающую своей волѣ.

Въ этомъ была трагедія Витте. Не въ этомъ ли была и трагедія Россіи?

Къ какому же окончательному выводу приводитъ внимательное ознакомленіе съ мемуарами Витте? Выводъ этотъ, думается, можетъ быть лишь одинъ, а именно, что оставленныя Витте воспоминанія

не только не достигнутъ той цѣли, которую онъ явно преслѣдовалъ при ихъ составленіи — возвеличеніе себя и своей дѣятельности — а наоборотъ въ нѣкоторой степени развѣнчаютъ его.

Да, воспоминанія Витте во всѣхъ отношеніяхъ ниже и его самаго, и его крупнаго ума и его живой, неутомимой работы.

Сколько нибудь тщательная провѣрка данныхъ, заключающихся въ записяхъ Витте, обнаружитъ будущему историку прежде всего несоотвѣтствіе многихъ изъ нихъ съ дѣйствительностью, а отсутствіе въ нихъ сколько нибудь тонкаго анализа общаго хода событій и вообще глубокихъ сужденій можетъ, пожалуй, породить сомнѣнія въ исключительности присущихъ Витте дарованій и даже выдающагося ума.

Въ своихъ воспоминаніяхъ страдающій отъ бездѣятельности, озлобленный Витте почти всецѣло застилаетъ того Витте, который въ теченіи многихъ лѣтъ съ полнымъ напряженіемъ своихъ силъ и своего разумѣнія неустанно работалъ на пользу Россіи, какъ онъ эту пользу понималъ. Не хвастливый перечень его заслугъ передъ государствомъ и, конечно, не то множество мелкихъ фактовъ преимущественно анекдотическаго характера, изъ которыхъ, въ сущности, состоятъ почти цѣликомъ мемуары Витте, будутъ содѣйствовать его возвеличенію на страницахъ исторіи. Дѣйствительно, если судить по однимъ его воспоминаніямъ, то нужно будетъ придти къ выводу, что, по мнѣнію Витте, судьбы Россіи зависѣли отъ различныхъ мелкихъ бюрократическихъ треній, отъ зависти къ нему, Витте, однихъ вліятельныхъ лицъ и преслѣдованія только личныхъ цѣлей другими такими же лицами. На дѣлѣ Витте, однако, не могъ не понимать, что если такія тренія и личныя свойства и имѣли нѣкоторую долю вліянія на ходъ событій, какъ они его имѣли и имѣютъ въ жизни всѣхъ народовъ при любомъ государственномъ строѣ, то видѣть въ нихъ основную причину того или иного направленія историческаго развитія Россіи — младенческій взглядъ. Но дѣло въ томъ, что перечисленные факторы имѣли большое, а въ глазахъ Витте рѣшающее вліяніе на его собственную судьбу, на его служебное положеніе. И вотъ Витте, незамѣтно для самого себя, отождествляетъ причины, приведшія къ его устраненію отъ власти, съ причинами, тормозившими правильное развитіе Русской народной жизни. Именно вслѣдствіе этого воспоминанія Витте составляютъ тенденціозную и во многомъ невѣрную хронику закулисной жизни правительственныхъ верховъ, а отнюдь не историческую хронику опредѣленной эпохи жизни Русскаго государства.

Для того, чтобы служить цѣннымъ историческимъ матерьяломъ, воспоминанія Витте должны были быть написаны не въ ту эпоху его жизни, когда онъ ихъ составлялъ, эпоху наиболѣе для него тяжелую, когда онъ видѣлъ, что ростъ Русскаго государства пріобрѣталъ съ каждымъ годомъ все усиливающійся темпъ, а онъ самъ былъ лишенъ значенія сколько нибудь вліятельной части государственнаго механизма. Напиши Витте свои воспоминанія нѣсколько позднѣе и онѣ, по всей вѣроятности, имѣли бы иной характеръ.

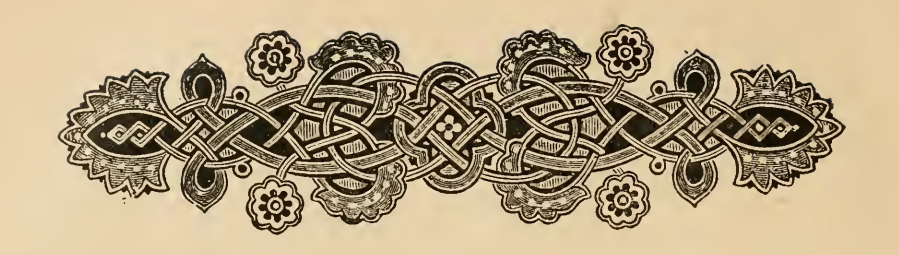
Съ годами Витте до извѣстной степени примирился съ своимъ личнымъ положеніемъ и вновь обратилъ свои помыслы преимущественно къ Россіи, къ ея будущей судьбѣ, къ ея возможному возвеличенью. Съ особенной яркостью обнаружился этотъ внутренній переломъ въ Витте съ началомъ міровой войны. Если до тѣхъ поръ мысли его были направлены къ возврату къ власти, для чего онъ не переставалъ предпринимать тѣ или иные шаги, то съ началомъ войны онъ былъ захваченъ ходомъ міровыхъ событій и тѣми послѣдствіями, которыя онѣ могутъ имѣть для судебъ Россіи.

Относясь съ одной стороны весьма пессимистически къ исходу войны, опасаясь тяжкихъ отъ нея послѣдствій для Русскаго государства, онъ, однако, одновременно мечталъ о завладѣніи нами Царьградомъ и изыскивалъ средства для нашего будущаго прочнаго закрѣпленія на берегахъ Босфора. Въ этихъ видахъ онъ проэктировалъ овладѣніе нами всѣмъ южнымъ берегомъ Чернаго моря съ немедленнымъ проведеніемъ по нему желѣзной дороги, которая неразрывно связала бы насъ сухимъ путемъ съ Константинополемъ и тѣмъ упрочила бы наше положеніе тамъ.

Съ воодушевленіемъ говоря объ этихъ планахъ, Витте обнаруживалъ не тѣ свои мелкія свойства, которыя съ такой выпуклостью выступаютъ въ его мемуарахъ, а благородныя черты горячаго патріота и государственнаго дѣятеля широкаго размаха, какимъ онъ былъ въ лучшую пору своей творческой работы, когда онъ правилъ русскими финансами.

Этимъ послѣднимъ обликомъ Витте хочется закончить настоящій краткій очеркъ.

В. Гурко.



Изъ недавняго прошлаго.

(Историческая справка).

27-го Февраля 1917-го года бунтующіе рабочіе и запасные солдаты Петроградскаго гарнизона, при посредствѣ революціоннаго листка «Новости», были оповѣщены о томъ, что «Совѣтъ старѣйшинъ» Государственной Думы, получивъ Высочайшій указъ о перерывѣ занятій на срокъ до Пасхи, постановилъ указа не исполнять, и что всѣ депутаты остаются на своихъ мѣстахъ.

Въ тотъ-же день, ровно въ полночь, образовался подъ предсѣдательствомъ Родзянко исполнительный комитетъ Государственной Думы, въ который вошли: Керенскій, Чхеидзе, Милюковъ, Коноваловъ, Дмитрюковъ, Ржевскій, Некрасовъ, Шидловскій и Львовъ.

28-го Февраля Родзянко уже благодарилъ части Петроградскаго гарнизона за ихъ поддержку и вѣрность Государственной Думѣ, а членъ той-же Думы — священникъ Поповъ 2-ой «благословлялъ революціонныя войска».

Такимъ обазомъ, Государственная Дума вмѣсто того, чтобы использовать свой авторитетъ для успокоенія раздутыхъ Германскими агитаторами страстей Петроградской черни, пошла подъ дѣйствіемъ оскорбленнаго самолюбія за толпою и, заразивъ другихъ своимъ примѣромъ, обратила обыкновенный уличный бунтъ въ государственный переворотъ. Сдѣлано это было по свидѣтельству Милюкова съ полнымъ «сознаніемъ, что отъ участія или неучастія Думы въ руководствѣ движеніемъ зависитъ его успѣхъ или неудача» и «что для успѣха движенія Дума много уже сдѣлала во время войны — и спеціально со времени образованія прогрессивнаго блока». *)

---

*) П. Н. Милюковъ, «Исторія русской революціи». Т. I, стр. 43.

Этими днями закончился трехсотлѣтній періодъ Великой Императорской Россіи и родина наша, подъ громкіе крики: «война съ нѣмцами до побѣдоноснаго конца», вступила на путь «свободы, равенства и братства», въ теченіе столькихъ лѣтъ манившій къ себѣ, сладкими грезами, нашу передовую интеллигенцію.

Едва минуло четыре года отъ начала «великой и безкровной революціи», погубившей Россію, но уже пора оглянуться назадъ и пересмотрѣть все то, что мы пережили за это время и прежде всего условія, въ которыхъ происходила подготовка революціи, многими уже позабытыя, а многимъ и совершенно неизвѣстныя.

Революція произошла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда тяжелая война явно приближалась къ побѣдоносному для насъ концу, когда правительству удалось совершенно пополнить недостатокъ снарядовъ и вооруженія и когда сытый, одѣтый и пополненный свѣжими укомплектованіями фронтъ готовился сдѣлать, одновременно съ союзниками, послѣднее усиліе, чтобы окончательно сломить врага.

Совсѣмъ иное происходило въ тылу. Безпокойная «общественность», состоявшая изъ людей уклонившихся отъ службы на фронтѣ и наполнившихъ собою безчисленныя тыловыя организаціи, старалась показать, что и она жертвуетъ всѣмъ для успѣха войны. Изыскивая мотивы, которыми можно было-бы оправдать свое отсутствіе на фронтѣ, она суетилась, сплетничала, критиковала всѣхъ и все, увѣряя, что безъ нея Армія пропала-бы и что ея представители являются наилучшими патріотами.

Паника, которой совсѣмъ не зналъ занятый своимъ дѣломъ фронтъ, свила прочное гнѣздо въ тылу. Болтливая и изнервничавшаяся отъ болтовни «общественность» питалась, ею же измышлявшимися, слухами, о намѣреніи правительства заключить сепаратный миръ съ Германіей, о всевозможныхъ измѣнахъ и изливала на Царскую Семью ушаты лжи, распуская самыя невѣроятныя и чудовищныя измышленія въ связи съ именемъ Распутина. Все это создавало въ обществѣ напрасные страхи тамъ гдѣ для нихъ никакихъ основаній не было, и развивало всеобщую нервность и паническій ужасъ передъ тѣмъ, что всѣ усилія и жертвы, принесенныя Россіей для успѣха войны могутъ оказаться напрасными.

Эту-то нездоровую атмосферу тыла и рѣшили использовать для своихъ цѣлей политическія партіи, которыя стремились къ измѣненію государственнаго строя Россіи и ясно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что на фронтѣ уже близокъ мигъ побѣды, послѣ которой обстановка неминуемо измѣнится не въ ихъ пользу.

Я не задаюсь цѣлью описывать событія революціи. У всѣхъ живы

въ памяти подробности этихъ дней. Несомнѣнно только то, что все произошло въ условіяхъ помутненія общественнаго разума, причемъ надо замѣтить, что это помутненіе коснулось первоначально только разума «общественности», но никакъ не народа, именемъ котораго «общественность» дѣйствовала, но который въ переворотѣ неповиненъ и вынужденъ былъ примириться съ событіями лишь въ силу неожиданнаго отреченія Государя и передачи Имъ всей полноты власти Временному Правительству.

Не волей народа устроенъ былъ Петроградскій бунтъ, а небольшой кучкой черни, вышедшей на улицу по подстрекательству нѣмецкихъ агентовъ, не жалѣвшихъ денегъ, и тыловыхъ солдатъ, не желавшихъ идти на фронтъ. Присоединившаяся къ бунту интеллигенція съ Керенскимъ во главѣ и съ Государственной Думой въ хвостѣ, вела толпу «пораженцевъ» и будущихъ дезертировъ свергать Царя, якобы для того, чтобы довести войну до побѣднаго конца, тогда какъ каждый изъ идущихъ въ этой толпѣ думалъ лишь о томъ, какъ-бы ему самому не попасть на фронтъ.

Жалко было смотрѣть въ эти дни и на большую часть нашей интеллигенціи, которая съ блаженной улыбкой на лицѣ встрѣтила вѣсть объ отреченіи Царя и съ снисходительной гримасой взирала на разстрѣлы Петроградскихъ городовыхъ и избіеніе офицеровъ, не понимая, что совершается роковое событіе, послѣ котораго она очутится у разбитаго корыта и будетъ вынуждена вымаливать себѣ даровые обѣды въ столовыхъ Американскаго Краснаго Креста.

Что-же дѣлалъ въ эти дни народъ? Что дѣлала армія на фронтѣ? Они безмолвствовали, потому что и понятія не имѣли о томъ, что творилось ихъ именемъ. Недоумѣнно было встрѣчено извѣстіе о переворотѣ и въ деревнѣ и на фронтѣ и тревогой забились сердца. Непосредственно за переворотомъ и деревню и фронтъ облетѣло извѣстіе объ отреченіи Царя, чѣмъ и самому перевороту была придана та форма законности, которая обязывала принять его, какъ совершившійся фактъ, какъ-бы санкціонированный волею Государя.

Только нѣкоторое время спустя, когда на фронтъ и въ деревню наѣхали агитаторы отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и фейерверкомъ обѣщаній и провокаціи заглушили вѣру солдатъ и народа въ то, чему тѣ съ дѣтства молились, тогда только въ людяхъ проснулись дурныя страсти, — фронтъ сталъ разваливаться, а деревня грабить.

Но какъ-же все это могло произойти? Кто столь умѣло подготовилъ нравственную пропасть, въ которую такъ легко свалился 180-ти мил-

ліонный народъ. Кто были эти люди, которые столь смѣло взялись осчастливить Россію и, разваливъ ее въ восемь мѣсяцевъ, отдали великое государство во власть Интернаціонала на посмѣяніе всему миру? Гдѣ они теперь, когда Россія погибаетъ отъ голода и въ чрезвычайкахъ?

Князь Д. П. Голицынъ, въ статьѣ своей «О паденіи власти», говоритъ: «Революціонеры были всегда и вездѣ. Они повсюду и всегда будутъ спутниками власти. Въ сущности они никогда не дѣлали революціи, а дѣлала революцію та власть, которая переставала вѣрить въ незыблемость своей мощи, спускалась внизъ, навстрѣчу своему врагу, вмѣсто того, чтобы въ повышеніи своего созидательнаго настроенія, искать нравственной опоры. Когда власть начинаетъ спорить и доказывать свою правоту, тѣмъ болѣе лебезливо извиняться въ своемъ неумѣніи нравиться обывателю, то она превращаетъ непреложное въ спорное, а аксіому снабжаетъ вопросительнымъ знакомъ. Власть не можетъ опираться на слова, а должна искать опоры въ дѣйствіи, въ простой и прямой рѣшимости,въ наглядномъ творческомъ трудѣ. Слова—орудіе разрушителей, митинговыхъ болтуновъ, забрасывающихъ готовыми выраженіями, звучащими гулко и напористо. Власть не должна знать страха, потому что въ страхѣ смерть власти....»

Естественно, что и въ Россіи были революціонеры. Переживъ много фазисовъ, русское революціонное движеніе, въ періодъ 1904-1917 г. г., было представлено двумя революціонными организаціями.

Одна изъ нихъ именовалась россійской соціалъ-демократической партіей (с.-д.) и подраздѣлялась на фракціи: 1, большевиковъ, вождемъ которой былъ проживавшій въ Женевѣ Ульяновъ-Ленинъ, и 2, меньшевиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ нынѣ покойный Плехановъ. Эта партія для революціонизированія евреевъ, имѣла въ Россіи спеціальную организацію, извѣстную подъ названіемъ «Бундъ».

Другая именовалась партіей соціалистовъ-революціонеровъ (с.-р.) и считала себя преемницей извѣстной организаціи «Народной Воли» члены которой въ 1881-омъ году совершили убійство Императора Александра II. Партія эта управлялась центральнымъ комитетомъ, обосновавшимся послѣ 1905-го года въ Парижѣ, въ составѣ предсѣдателя Марка Натансона, двухъ товарищей предсѣдателя: Минора и В.Чернова, и двухъ членовъ комитета — Аргунова и Авксентьева. При комитетѣ состояла боевая организація «террористовъ», которой руководилъ Борисъ Савинковъ, устроившій, въ періодъ времени 1904-1907 годовъ,

въ Россіи рядъ убійствъ Министровъ, губернаторовъ и чиновъ полиціи каковыми дѣйствіями партія с.-р. разсчитывала устрашить и обезсилить Правительство.

Первая изъ этихъ партій (с.-д.) имѣла предметомъ своего воздѣйствія городской пролетаріатъ и вела агитацію преимущественно въ средѣ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, насчитывая, въ періодъ своего расцвѣта, на всемъ протяженіи Россіи отъ десяти до пятнадцати тысячъ послѣдователей, четыре-пятыхъ изъ коихъ были евреи. Не смотря на сравнительно большое число своихъ послѣдователей партія эта особой интенсивности въ работѣ не проявляла, т. к. связь ея ячеекъ съ руководящими центрами, находившимися за-границей, была затруднена, а кромѣ того раздѣленіе ея на двѣ фракціи — большевиковъ и меньшевиковъ вызывало много программныхъ споровъ и внутреннихъ несогласій.

Вторая партія (с.-р.), имѣя краеугольнымъ камнемъ своей пропаганды земельный вопросъ, должна была вести агитацію преимущественно въ крестьянской средѣ, но на практикѣ свила себѣ гнѣздо въ средѣ учащейся молодежи и отчасти въ средѣ сельскихъ учителей и насчитывала въ Россіи около восьмидесяти тайныхъ кружковъ, общая численность членовъ которыхъ не превышала двухъ или двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ.

Обѣ эти партіи имѣли въ Россіи только тайныя организаціи, а руководящіе ихъ центры находились заграницей, гдѣ издавались партійные органы и агитаціонная литература. Обѣ партіи задавались цѣлью обратить Россію въ соціалистическую республику, необходимымъ для чего средствомъ было низложеніе Монархіи, препятствовавшей достиженію ихъ стремленій.

Въ вопросахъ будущаго устройства Россійской соціалистической республики программы партій расходились въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Соціалисты-революціонеры полагали, что земля должна составлять собственность государства и сдаваться лишь въ пользованіе обрабатывающимъ ее сельскимъ общинамъ, а соціалъ-демократы (большевики) шли дальше и, заинтересованные участію преимущественно городскихъ рабочихъ, требовали полной соціализаціи, т. е. обращенія въ собственность государства не только земли, но и фабрикъ, заводовъ, всѣхъ орудій производства, а также и частныхъ капиталовъ.

Соціалъ-демократы до революціи безусловно отрицали терроръ, какъ средство борьбы съ противникомъ, а соціалисты-революціонеры наоборотъ — усиленно проповѣдывали и примѣняли его и разсчитывали

этимъ путемъ быстрѣе достигнуть своихъ цѣлей, устрашая власть и выводя изъ рядовъ правительства наиболѣе сильныя личности.

Въ 1905-омъ году представителямъ обѣихъ этихъ партій удалось получить большія деньги отъ Московскихъ купцовъ П. Рябушинскаго и Саввы Морозова и при помощи артистки Андреевой (сожительницы М. Горькаго) захватить въ свои руки крупное наслѣдство, полученное влюбленнымъ въ Андрееву юношей Шмидтомъ. На эти деньги, въ самый разгаръ войны Россіи съ Японіей, было поднято 9-го Декабря 1905-го года Московское вооруженное возстаніе и организованы земельные безпорядки въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Юга Россіи. Мятежъ этотъ былъ скоро подавленъ, послѣ чего главари партій скрылись за-границу, а ихъ послѣдователи, оставшіеся въ Россіи, занимались грабежами и разбоями еще около года, пока не были переловлены. Съ тѣхъ поръ руководители обѣихъ партій въ Россіи не появлялись вплоть до Мартовской революціи 1917-го года, когда, приглашенные Керенскимъ въ Россію, уже въ качествѣ почетныхъ гостей, были предупредительно пропущены воевавшей съ нами Германіей, согласившейся, однако, на провозъ этихъ господъ изъ Франціи и Швейцаріи подъ непремѣннымъ условіемъ, что они прослѣдуютъ по Германской территоріи «какъ зараза» въ запломбированныхъ вагонахъ.

Эта предупредительность Германіи объясняется тѣмъ, что ея генеральный штабъ, озабоченный углубленіемъ революціи въ тылу у своего врага, еще задолго до войны вошелъ въ тѣсное общеніе съ главарями нашей политической эмиграціи, ютившейся заграницей. На приглашеніе Нѣмцевъ содѣйствовать ихъ военнымъ успѣхамъ противъ Россіи усиленіемъ революціоннаго движенія внутри страны и шпіонажемъ откликнулись большевики — съ Ленинымъ, Зиновьевымъ-Радомысльскимъ, Каменевымъ-Розенфельдомъ, Троцкимъ-Бронштейномъ во главѣ, сознательно рѣшившіе купить цѣною пораженія Россіи въ міровой войнѣ успѣхъ русской, столь нужной для ихъ цѣлей, революціи. Къ этому соглашенію примкнула и часть соціалистовъ-революціонеровъ группы Виктора Чернова, присвоившихъ себѣ наименованіе «лѣвыхъ». Большая-же часть проживавшихъ заграницей соціалистовъ-революціонеровъ принадлежала къ идейнымъ противникамъ нѣмцевъ и оставалась до конца сторонниками войны.

Это соглашеніе большевиковъ съ нѣмцами, заключенное еще до поѣздки ихъ въ Россію, имѣло послѣдствіемъ нарожденіе въ средѣ русскихъ партійныхъ рабочихъ, такъ называемаго «пораженческаго» настроенія, проводниками котораго были партійныя ячейки большеви-

ковъ, слѣпо выполнявшія получаемыя ими изъ заграничнаго центра указанія и усердно пропагандировавшія мысль, что интересы «трудового народа» и рабочаго класса требують пораженія Россіи въ міровой войнѣ, будто-бы противной волѣ и нуждамъ народа и задачамъ «Интернаціонала».

Пропаганда эта, не соотвѣтствовавшая общему настроенію въ Россіи, первоначально вызвала лишь легкую заминку въ дѣятельности нѣскольких заводовъ, работавшихъ на оборону, но въ дальнѣйшемъ въ мѣрѣ того, какъ нервы стали уставать отъ затяжки войны, объединила кучки недовольныхъ, которые проявили свою активность послѣ паденія власти 28-го Февраля 1917-го года и, по приглашенію Керенскаго и Чхеидзе положили основаніе «Совѣту рабочихъ депутатовъ».

Изъ сказаннаго видно, что ко времени революціи силы подполья, по сравненію съ массой населенія Россіи, были совершенно ничтожны и что обѣ названныя выше партіи все свое участіе въ дѣлѣ подготовки смуты проявили лишь въ измѣннической пропагандѣ «пораженчества», осуществлявшейся на Германскія деньги. Правительство легко предупреждало всякія ихъ попытки къ выступленію и, если потомъ уже послѣ паденія Царской Власти имъ пришлось сыграть крупную и роковую для Россіи роль, то въ этомъ виновата была исключительно полная безпомощность «общественности», пріявшей въ лицѣ Временнаго Правительства, власть изъ рукъ Государя.

Главная представительница этой «общественности» — конституціонно-демократическая партія (к.-д.) возникла въ 1905-омъ году вслѣдъ за изданіемъ Высочайшаго Манифеста 17-го Октября и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возникновенія, перемѣнила по тактическимъ соображеніямъ наименованіе назвавшись партіей «Народной свободы». Видя идеалъ государственнаго строя въ конституціонной Монархіи, партія ставила задачей расширеніе эволюціоннымъ путемъ положеній, объявленныхъ въ Манифестѣ, до установленія въ Россіи вполнѣ законченнаго парламентскаго строя съ отвѣтственнымъ передъ нанародными представителями Правительствомъ.

Располагая для веденія агитаціи довольно значительными денежными средствами, партія сумѣла провести въ члены Думы многихъ своихъ сторонниковъ, дѣятельность которыхъ была затѣмъ строго подчинена руководству находившагося внѣ Думы центра этой партіи. Этимъ путемъ партія разсчитывала направить дѣятельность Государственной Думы въ русло своихъ интересовъ и повести ее посредствомъ борьбы за

расширеніе правъ до намѣченныхъ ею предѣловъ. Одновременно партія старалась помощью агитаціи и прессы создавать соотвѣтствующее настроеніе въ обществѣ.

Правда при своемъ возникновеніи конституціонно-демократическая партія рѣзко отмежевалась отъ революціонныхъ партій соціалистическаго направленія, но Правительство не нашло возможнымъ дать ей оффиціальное признаніе, т. к. преслѣдуемыя ею цѣли не соотвѣтствовали Основнымъ Законамъ и руководители партіи, въ переговорахъ съ ними Правительства, рѣшительно отказывались осудить въ своихъ печатныхъ органахъ систему террора, примѣнявшуюся соціалистами-революціонерами.

Однако намѣченный партіей мирный эволюціонный путь дѣятельности, а особенно личное вліяніе на нѣкоторыхъ представителей Правительства (Графъ С. Ю. Витте) видныхъ членовъ этой партіи сдѣлали то, что партія, хотя и не оффиціально, но совершенно открыто развивала свою дѣятельность безъ всякой помѣхи со стороны правительственной власти.

Впрочемъ партія к.-д. не долго оставалсь въ рамкахъ политической умѣренности. Неполный успѣхъ при выборахъ въ первую Государственную Думу, благодаря чему партіи не удалось составить въ Думѣ крупнаго большинства, противодѣйствіе, встрѣченное въ Думѣ со стороны другихъ партій, и, наконецъ, роспускъ первой Думы побудили кадетскихъ вождей утратить политическое равновѣсіе.

Когда произошелъ роспускъ первой Государственной Думы, члены ея, принадлежавшія къ партіи к.-д., съ предсѣдателемъ Думы Муромцевымъ во главѣ выѣхали въ Выборгъ и, объявивши тамъ, что засѣданіе Думы продолжается, вынесли постановленіе обратиться къ народу съ воззваніемъ о томъ, чтобы народъ Царю податей не платилъ и рекрутовъ не давалъ.

Какъ ни странно, но Правительство и послѣ этой выходки не измѣнило своего терпимаго отношенія къ кадетской партіи, она же, оффиціально сохраняя свой прежній обликъ, стала, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, искать точки соприкосновенія съ дѣятелями революціонныхъ партій. Въ 1906-омъ году группа кадетъ съ П. Н. Милюковымъ во главѣ, вошла въ сношенія съ проживавшими въ Парижѣ соціалистами-революціонерами. Съ этого времени въ Думской своей дѣятельности партія к.-д. является постоянной оппозиціей Правительству, причемъ лидеръ ея П. Н. Милюковъ, увѣряя въ одной изъ своихъ рѣчей, что партія неуклонно оберегаетъ интересы Царя и народа, назвалъ эту тактику

«оппозиціей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА» стараясь тѣмъ дать понять, что онъ выступаетъ только противъ дѣятельности Министровъ, мѣшающихъ идиллическому единенію Царя съ Его вѣрноподданными.

На дѣлѣ было конечно совершенно иное. Партія задалась цѣлью дискредитировать съ Думской трибуны какъ престижъ правительства, во главѣ котораго стоялъ тогда П. А. Столыпинъ, такъ и Царя. Для этого партіей были усвоена тактика «оппозиціи ради оппозиціи» и тенденціозной критики всѣхъ Правительственныхъ начинаній «во что-бы то ни стало». Сама Государственная Дума въ лицѣ своихъ членовъ Октябристовъ и Націоналистовъ отмѣтила эти выступленія к.-д., указавъ, что въ дѣйствительности эта тактика является «осадой власти» и «оппозиціей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ».

Новая тактика кадетъ, такъ мѣтко названная «осадой власти» осуществлялась въ Государственной Думѣ постоянными запросами Правительству, не только по самымъ ничтожнымъ, но зачастую и по опредѣленно вымышленнымъ поводамъ. Внѣ Думы тактика эта проявлялась въ газетной травлѣ всѣхъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, при чемъ особенно доставалось губернаторамъ, чинамъ корпуса жандармовъ и полиціи, т. е. тѣмъ органамъ, на которыхъ лежали обязанности по охраненію государственнаго порядка и которые должны были входить въ непосредственное общеніе съ населеніемъ.

Обыкновенно Государственная Дума удовлетворялась объясненіями Правительства, чѣмъ дѣло съ формальной стороны и исчерпывалось. Но этимъ далеко не исчерпывалось то впечатлѣніе, которое оставалось въ населеніи отъ этихъ запросовъ, а для цѣлей кадетской партіи только это и было нужно.

Партійныя газеты, помѣщая отчеты о такихъ засѣданіяхъ Государственной Думы, или совершенно опускали объясненія представителей правительства или печатали ихъ съ сокращеніями, искажавшими ихъ смыслъ и значеніе. Всѣ-же нападки на правительство, приправленные хлесткими, шаблонными фразами «безотвѣтственныхъ» ораторовъ Думской оппозиціи, не только помѣщались полностью, но обычно сопровождались сочувственными комментаріями. Въ потокѣ трескучихъ фразъ затеривался часто самый смыслъ запроса и получалось лишь впечатлѣніе, что Правительство въ чемъ-то провинилось и вынуждено извиняться и оправдываться передъ раскрывшей его злоупотребленія общественностью.

Могучимъ источникомъ противоправительственной агитаціи явились также народившіеся въ огромномъ количествѣ столичные и провин-

ціальные органы періодической печати крайняго направленія, а равно безчисленные, наводнившіе книжный рынокъ, переводы иностранныхъ брошюръ преимущественно соціалистическаго направленія. Изданія эти печатались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и выпускались въ обращеніе по крайне низкимъ цѣнамъ. Наряду съ этимъ, массами выпускались брошюры, прозрачно вбивавшія въ головы читателей мысль, что Цари являлись «узурпаторами державныхъ правъ народа», а національные герои Суворовъ, Кутузовъ и Скобелевъ были «опричники», проливавшіе кровь народную.

Пропаганда эта оказывала сильное вліяніе на умы политически незрѣлаго населенія и приводила его въ состояніе безпросвѣтной умственной смуты и нравственной и политической анархіи, заражавшей все болѣе и болѣе широкіе круги. Создававшійся-же этимъ путемъ политическій психозъ ставилъ въ крайне тяжелое положеніе и правительство и представителей власти на мѣстахъ.Проникая въ широкіе малосознательные слои населенія, агитація кадетъ порождала въ немъ то недоброжелательство и недовѣріе къ власти, которое, заставляя ее постоянно обороняться отъ нападеній, создавало положеніе дѣйствительно очень сходное съ состояніемъ «осады».

Такое положеніе власти носило въ себѣ залогъ ея будущаго разложенія, которое такъ нужно было кадетамъ для скорѣйшаго достиженія намѣченныхъ ими цѣлей. Не учли они только одного чрезвычайно важнаго обстоятельства, а именно, что, разрушая старую власть путемъ подрыва уваженія къ ней среди населенія и приведенія умовъ въ состояніе смуты и анархіи, они убивали въ народѣ самое сознаніе необходимости подчиненія власти вообще и въ частности той, къ которой сами они стремились. Отсюда постепенно и сами провинціальные низы кадетской партіи пріобщались къ революціонной психологіи своихъ лѣвыхъ товарищей, которая съ присущей ей самоувѣренностью и утратой чувства отвѣтственности, стала все больше и больше проникать въ ихъ толщу.

Врачи, ветеринары и даже профессора, собираясь на съѣзды для обсужденія вопросовъ, относящихся къ ихъ спеціальности, начинали съ заявленій, что безъ прямого, тайнаго и равнаго голосованія нельзя бороться съ чумою или лечить сапъ у лошадей. Особую настойчивость проявили въ этомъ отношеніи, такъ называемые, Пироговскіе съѣзды врачей, устраивавшіеся въ Москвѣ, благодаря чему въ теченіе ряда лѣтъ ни одинъ изъ этихъ съѣздовъ не могъ выполнить своей научной про-

граммы, т. к. ихъ приходилось закрывать за настойчивое принятіе политическихъ резолюцій.

Примѣру этому стали по своему подражать и соціалисты, устраивая отъ времени до времени политическія забастовки и уличныя демонстраціи. Наружно кадеты, по программѣ своей, отмежевывались отъ лѣвыхъ товарищей, считая ихъ крайними утопистами, и зная ихъ численную слабость, не сомнѣвались въ томъ, что легко раздѣлаются съ ними, какъ только очутятся у власти. Но пока шла борьба съ ненавистнымъ правительствомъ, кадеты считали нужнымъ использовать эти выступленія революціонеровъ и всегда по «тактическимъ соображеніямъ» брали ихъ подъ свою защиту, помогая соціалистамъ запросами въ Государственной Думѣ и статьями въ газетахъ, направленными противъ правительства, подавлявшаго безпорядки.

Русское общество всегда было склонно слѣдовать за модой. Послѣ Манифеста 17-го Октября пошла мода на политику. Случавшіеся раньше политическіе процессы возбуждали въ широкой публикѣ интересъ къ личности людей, драпировавшихся въ тогу идейныхъ борцовъ за свободу, а окружавшая ихъ таинственность дразнила любопытство. Но приподнять эту завѣсу удавалось лишь немногимъ; найти настоящаго революціонера было трудно, т. к. они поневолѣ скрывались, а затѣмъ и сходиться съ ними было опасно.

Кадетскіе вожди очень искусно учли создавшееся положеніе и переименовавшись въ партію «Народной свободы», что давало имъ звуковое сходство съ партіей «Народной Воли», успѣшно разрѣшили вопросъ, открывъ всѣмъ и каждому возможность пріобщить себя къ «передовой» интеллигенціи и заняться политикой. Для этого нужно было выполнить одно только условіе — стать въ оппозицію къ Правительству: Болѣзнь кадетизма охватила широкіе круги населенія. Принадлежность къ партіи не каралась закономъ, а быть въ оппозиціи Правительству становилось даже выгоднымъ, т. к. партія широко покровительствовала своимъ членамъ и проявляла полную терпимость къ тѣмъ, кто числился въ ея рядахъ.

Центръ партіи поддерживалъ тѣсное общеніе съ своими отдѣлами въ провинціи, которые были такимъ образомъ въ курсѣ всѣхъ политическихъ новостей и сплетень, коими опутывали представителей Правительства ихъ столичные вожди. Все это щекотало нервы обывателей, навязывало имъ мысль о необходимости перемѣнъ и сулило неясные миражи личнаго участія въ государственной дѣятельности, поле для которой должно было открыться послѣ паденія существующаго строя. Въ чемъ

будетъ выражаться эта дѣятельность и какія будутъ въ наличности реальныя возможности для ея проявленія — никто не зналъ, но это не служило препятствіемъ для самыхъ широкихъ плановъ и для безпощадной критики всего существующаго строя.

Въ обществѣ искусственно создавалось настроеніе полной неудовлетворенности и ожиданіе перемѣнъ, обращавшееся въ жажду чего-то новаго, неяснаго и непонятнаго, но непремѣнно — новаго.

Въ такой обстановкѣ произошло объявленіе войны. Это великое событіе всколыхнуло всю толщу населенія и, въ порывѣ здороваго патріотическаго чувства, на нѣкоторое время потонули разрушительные инстинкты политически больной интеллигенціи. Къ сожалѣнію однако теченія эти скоро вновь выплыли на поверхность нашей политической жизни, уже въ болѣе сплоченномъ видѣ подъ покровомъ «общественныхъ организацій», работающихъ на оборону страны.

Всѣмъ памятны первые дни по объявленіи войны, когда Россія слилась въ патріотическомъ порывѣ и благоговѣла передъ Царемъ. Петроградскіе рабочіе, наканунѣ строившіе баррикады на улицахъ, стояли на колѣняхъ на площади Зимняго Дворца, а Государственная Дума приглашала забыть всѣ распри и партійные счеты и объединиться.

По существу, однако, общество осталось тѣмъ-же какимъ было раньше. Объявленіе міровой войны ударило лишній разъ по нервамъ, не пробудивъ въ немъ сознанія всей полноты долга передъ родиной и не заставивъ задуматься надъ тѣмъ, какое великое испытаніе выпало на долю Россіи.

Патріотическій порывъ первыхъ дней естественно охватилъ и представителей подлинной общественности, въ лицѣ земскихъ дѣятелей. По ихъ почину земства ассигновали двѣнадцать милліоновъ рублей на устройство во внутреннихъ губерніяхъ лѣчебныхъ заведеній для раненныхъ. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе дѣятельности «Союза земствъ», а затѣмъ и «Союза городовъ.

Несомнѣнно, что при образованіи обоихъ этихъ союзовъ и правительство и сами представители земствъ и городовъ имѣли въ виду только интересы Россіи и ея Арміи и были далеки отъ мысли о томъ, что организаціи эти могутъ стать ширмой для противоправительственной борьбы.

Такъ, конечно, смотрѣло и общество, но совершенно иначе думали кн. Г. Е. Львовъ и М. В. Челноковъ, оказавшіеся во главѣ союзовъ. Они

и ихъ политическіе единомышленники стремились использовать всѣхъ и все какъ средство усилить свое общественное значеніе. а затѣмъ повести новый натискъ на правительство для достиженія своихъ политическихъ цѣлей.

Къ работѣ приступили быстро. Въ нѣдрахъ кадетской партіи (при ближайшемъ участіи гласнаго Московской городской думы Н. И. Астрова,) имѣвшей старыя связи во всѣхъ слояхъ русской общественности, было рѣшено использовать союзы, чтобы противопоставить дѣятельность общественныхъ организацій дѣятельности органовъ Правительства въ самомъ выгодномъ для первыхъ свѣтѣ.

Обстановка слагалась самая благопріятная. На правительственныя учрежденія ложилась обязанность распространять свои заботы на всѣ отрасли дѣятельности на фронтѣ и въ тылу и при томъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ утвержденными для нихъ смѣтами, подъ стѣсненіемъ контроля и формъ строгой отчетности, зачастую безъ кредитовъ на непредусмотрѣнныя смѣтами потребности. Союзы-же, какъ добровольцы, могли работать тамъ, гдѣ находили для себя удобнымъ, предоставляя Правительству обслуживать нежелательныя для нихъ или неудобныя мѣста. Средства они имѣли весьма крупныя и безконтрольныя и конечно не стѣсненныя отдѣлами и параграфами смѣты. Все это давало имъ возможность обставлять свои учрежденія и лазареты такою роскошью,о которой казенное хозяйство не смѣло и мечтать.

Когда-же масштабъ войны обозначился въ такихъ размѣрахъ, что 12-ть милліоновъ, ассигнованные земствами на открытіе дѣятельности союзовъ, (въ 1916 году изъ этихъ денегъ въ кассу фактически поступило лишь три милліона) оказались каплей въ морѣ, то союзы испросили у правительства казенную субсидію, цыфра которой къ 1916-му году достигала уже 256-ти милліоновъ руб. Сложившаяся такимъ образомъ обстановка дала возможность союзамъ поставить свои учрежденія на большую высоту по сравненію съ казенными. Въ послѣднихъ питали и лѣчили, тогда какъ въ союзныхъ кромѣ того ухаживали и баловали офицеровъ и «солдатиковъ». Требованія больничнаго режима и дисциплины въ этихъ заведеніяхъ уступали мѣсто сантиментальнымъ поблажкамъ и излюбленнымъ наказаніемъ для провинившихся была угроза «перевести въ казенный лазаретъ».

Пока комфортъ лазаретовъ создавался на пожертвованія частныхъ лицъ, все это было естественно и терпимо. Но, когда единственнымъ источникомъ содержанія этихъ учрежденій стали казенные кредиты, а деньги на поддержаніе комфорта стали добываться разными комбина-

ціями съ казенными авансами въ обходъ контроля, то это стало уже злоупотребленіемъ.

Широкіе круги общества наблюдали разницу въ оборудованіи и въ постановкѣ союзныхъ и казенныхъ лазаретовъ и не вдаваясь въ истинныя причины, ускользавшія отъ поверхностного взгляда, склонны были объяснять это: съ одной стороны самоотверженной работой дѣятелей Союзовъ, а съ другой господствующими въ казенныхъ учрежденіяхъ рутиной и злоупотребленіями. Такое впечатлѣніе какъ нельзя болѣе отвѣчало видамъ заправилъ обоихъ Союзовъ, такъ какъ создавало имъ популярность не только въ обществѣ, но и въ военной средѣ.

Конечно, лавры этой дешевой популярности не удовлетворяли лицъ, стоявшихъ во главѣ обоихъ Союзовъ. Въ цѣли ихъ входило создать изъ этихъ организацій надежный оплотъ, подъ прикрытіемъ котораго они могли-бы сгруппировать свои силы, кадры своихъ людей и денежныя средства, столь щедро и безконтрольно отпускаемыя имъ казною.

Лозунги «Война», «Польза Арміи», «работа общественности, жертвующей всѣмъ для войны» были избраны тѣмъ оружіемъ, которымъ они съ большимъ успѣхомъ парировали всѣ попытки власти осуществить контроль надъ ихъ дѣятельностью, не стѣсняясь распускать про неугодныхъ для нихъ чиновъ правительства обвиненія, что тѣ, молъ, «измѣнники» и въ угоду нѣмцамъ своимъ вмѣшательствомъ препятствуютъ успѣшной работѣ союзовъ на пользу арміи.

Уже осенью 1914 года, обозначились первыя попытки кн. Львова и Челнокова воздвигнуть стѣну между Правительствомъ и общественными организаціями, въ главѣ которыхъ они стояли. Къ этому времени относятся «циркуляры» этихъ лицъ къ земскимъ и городскимъ управленіямъ, въ которыхъ говорилось, что земства и города, вошедшіе въ Союзы, при открытіи своихъ лазаретовъ и прочихъ учрежденій, работающихъ на оборону, не должны испрашивать какихъ-либо разрѣшеній отъ мѣстныхъ властей, а приглашаемый ими для обслуживанія этихъ учрежденій личный составъ можетъ быть допускаемъ къ исполненію обязанностей безъ разрѣшенія губернаторовъ.

Циркуляры эти стояли въ явномъ противорѣчіи съ закономъ, по силѣ котораго Губернаторы, какъ отвѣтственные представители власти, обязаны имѣть надзоръ не только за организаціями ввѣренныхъ имъ губерній, но и за всѣмъ личнымъ ихъ составомъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратило вниманіе на это нарушеніе и потребовало отмѣны циркуляровъ, но попытка разбилась о ссылку на то, что Союзы приступили къ своей дѣятельности съ Высочайшаго

соизволенія, въ которомъ они какъ-бы черпали свое право на независимость отъ администраціи, и о крики о томъ, что Министерство беретъ подъ подозрѣніе съ такимъ трудомъ налаженное общественное дѣло и тормозитъ его, едва-ли не въ угоду нѣмцамъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и Государственный Контроль, на которомъ лежала прямая обязанность ревизіи денежныхъ оборотовъ Союзовъ, получившихъ уже сотни милліоновъ казенныхъ денегъ, оставался совершенно пассивнымъ. И въ то время, когда по отношенію къ казеннымъ учрежденіямъ, помимо послѣдующей ревизіи отчетности, осуществлялась ревизія предварительная и фактическая, Союзы оставались совершенно свободными отъ всякой отчетности.

Благодаря столь льготнымъ условіямъ, Союзы быстро расширяли свою дѣятельность. Положившіе основаніе имъ земскіе дѣятели постепенно отходили въ сторону и учрежденія эти пополнились наемными служащими, контроль-же продолжалъ осуществляться все въ той-же формѣ, въ какой былъ установленъ въ началѣ для учрежденій этихъ, какъ работавшихъ на свои собственныя деньги, на началахъ полнаго взаимнаго довѣрія.

Казенныя деньги отпускались союзамъ въ видѣ «авансовъ», которые погашались по числу, показанныхъ въ отчетахъ оборудованными, коекъ. Сколько коекъ было въ дѣйствительности, были-ли онѣ заняты и могли-ли быть на нихъ размѣщены больные, — это было вопросомъ только довѣрія, которымъ всячески злоупотрребляли.

Оффиціально было заявлено, что контроль въ отношеніи союзовъ осуществляется «на принципахъ добраго хозяина». Если отбросить возможность непроизводительныхъ тратъ и злоупотребленій, то надо признать, что контроль «добраго хозяина», конечно, болѣе соотвѣтствовалъ обстановкѣ военнаго времени, и остается только пожалѣть о томъ, что тотъ-же Государственный Контроль, во время той-же войны, находилъ возможнымъ примѣнять двѣ мѣрки: одну — «добраго хозяина» — по отношенію къ общественности, передъ которой онъ трусилъ и лебезилъ, и другую — «хозяина злаго и придирчиваго» — по отношенію къ чинамъ казенныхъ управленій. Этимъ успѣшно была возведена и вторая ограда, которая должна была укрыть нѣдра «Земгора» отъ проникновенія туда глазъ «ненавистнаго правительства».

Одновременно оба Союза начинаютъ сильно расширять предѣлы своихъ первоначальныхъ заданій — оказанія тыловой помощи увѣчнымъ воинамъ — и создаютъ рядъ учрежденій на линіи фронта. Не ограничиваясь этимъ они принимаютъ на себя обязанности по устройству

окоповъ, по проведенію дорогъ, по хозяйственнымъ заготовкамъ и по устройству бѣженцевъ, получая на все это въ изобиліи все новые и новые казенные авансы. Старые общественные дѣятели, вошедшіе первоначально въ эти организаціи постепенно отходятъ или теряются въ массѣ новыхъ служащихъ, привлекаемыхъ для работы въ спеціальныхъ и полевыхъ учрежденіяхъ. Всѣ эти новыя лица устремляются въ Союзы или по приглашенію ихъ политическихъ заправилъ, или съ намѣреніемъ уклониться отъ службы въ строю. Всѣ они принимаются не только безъ вѣдома правительственной власти, но и безъ наведенія о нихъ какихъ-либо справокъ у мѣстной администраціи. Въ такомъ-же порядкѣ, съ освобожденіемъ отъ службы въ строю, привлекаются и рабочіе въ многочисленныя рабочія дружины и мастерскія Союзовъ. Все это создаетъ путанницу въ призывныхъ участкахъ и массовое уклоненіе отъ военной службы.

Закупка предметовъ снаряженія и продовольствія производилась союзами также безъ всякаго согласованія съ дѣйствіями правительственныхъ органовъ и интендантства. Ихъ агенты, щедро снабженные авансами и не стѣсненные справочными цѣнами, являясь въ ближайшіе къ фронту районы, вздували цѣны и тѣмъ вызывали сокрытіе населеніемъ продуктовъ отъ казенныхъ закупщиковъ, что вредно отзывалось какъ на интересахъ казны, такъ и на интересахъ фронта, обслуживаемаго интендантствомъ. Къ этому времени относится наводненіе союзовъ такъ называемыми представителями третьяго сословія, получившими на фронтѣ наименованіе «Земгусаровъ». Лица эти подбирались преимущественно по признаку политическому, т. е. изъ «передовыхъ интеллигентовъ», стоящихъ въ оппозиціи къ «отсталому и ненавистному правительству».

Развиваясь въ этомъ направленіи, Земскій и Городской Союзы только по названію поддерживали наружную связь съ земствами и городами, т. к. ни прежнихъ людей, ни земскихъ и городскихъ средствъ для работы у нихъ не было. Эти десятки тысячъ людей объединенные въ Союзы правильнѣе было-бы разсматривать, какъ укрывшуюся въ тылу армію «Конституціонно-демократической партіи», спасавшую свои жизни въ то время, когда остатки нашего кадроваго офицерства гибли на поляхъ сраженій.

Наступила великая страда фронта, вызванная недостаткомъ снарядовъ и ружей. Правительство работало и постепенно заполняло этотъ пробѣлъ. Общественность тоже не оставалась безъ дѣла. Она кричала объ измѣнѣ, о намѣреніи нѣкоторыхъ членовъ Правительства заклю-

чить сепаратный миръ съ нѣмцами, о своей готовности всѣмъ пожертвовать, чтобы спасти Армію, и взялась дѣлать для фронта снаряды, выпрашивая у казны субсидіи и образовавъ «Военно-промышленные Комитеты», равнымъ образомъ стоявшіе внѣ всякаго контроля Правительственной власти.

Подъемъ «тылового патріотическаго настроенія», а также негодованія противъ ненавистнаго правительства былъ чрезвычайный. Воспитанницы Института благородныхъ дѣвицъ Кавалерственной Дамы Чертковой въ Москвѣ, какъ отголосокъ общаго настроенія, заявляли, что они также желаютъ работать на Армію, но дѣлать не бинты и не противогазы, а непремѣнно артиллерійскіе снаряды.

Весной 1916-го года появился оффиціальный отчетъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія о его работахъ въ дѣлѣ снабженія Арміи снарядами. Въ немъ подробно были перечислены всѣ работы, выполненныя казенными заводами, всѣ заготовки Военнаго вѣдомства , поступившія изъ заграницы, и, наконецъ, заготовки общественныхъ организацій. Цыфры этого отчета свидѣтельствовали, что главная масса снарядовъ, а именно около 70 о/о общаго ихъ количества были изготовлены Артиллерійскимъ вѣдомствомъ и его контрагентами, около 28 о/о поступило изъ заграницы и лишь около 2 о/о приходилось на долю общественныхъ организацій.

Немного погодя, появился аналогичный отчетъ Военно-промышленнаго Комитета, въ которомъ, къ изумленію Военнаго вѣдомства, значилось, что общественными организаціями было изготоклено 40 о/о общаго количества снарядовъ и ни словомъ не упоминалось о субсидіяхъ, которыя Венно-промышленные Комитеты получили отъ казны. Противорѣчіе было разительнымъ, но ключъ къ нему нашелся скоро: отчетъ Военно-промышленнаго Комитета включилъ въ составъ указанныхъ 40 о/о всѣ снаряды, выработанные на частныхъ заводахъ, обращенныхъ правительственнымъ распоряженіемъ въ контрагентовъ казны и приспособленныхъ для этихъ работъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ!

Между тѣмъ въ широкой публикѣ слагалось вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что не будь въ этомъ дѣлѣ могучей помощи общественности, нашъ фронтъ остался-бы безъ снарядовъ, ибо Правительство въ этомъ направленіи ничего якобы не дѣлало. Утвержденію такого мнѣнія много способствовалъ и «Земскій Союзъ», на долю котораго выпала обязанность заготовлять не снаряды, а только деревянные ящики для ихъ упаковки. Ящики эти снабжались клеймомъ заготовителя: «Всероссійскій Земскій Союзъ». Затѣмъ, для поднятія нравственнаго настрое-

нія на фронтѣ, на тѣхъ-же ящикахъ были сдѣланы надписи «снарядовъ не жалѣть»; обѣ эти надписи были поставлены рядомъ и, когда ящики со снарядами прибывали на фронтъ, то въ Арміи слагалось неправильное, но опредѣленное впечатлѣніе, что только Земскому Союзу она обязана удовлетвореніемъ самой насущной потребности.

Къ осени 1915-го года недостатокъ въ снарядахъ на фронтѣ миновалъ, но работы по изготовленію ихъ и по другимъ видамъ снабженія арміи, естественно, продолжались. Вызванные этими событіями къ жизни Военно-промышленные Комитеты, во главѣ которыхъ стояли въ Петроградѣ — А. И. Гучковъ и А. И. Коноваловъ, въ Москвѣ — Павелъ Рябушинскій и въ Кіевѣ — Терещенко, продолжали работать на казенныя субсидіи и, примкнувъ къ оппозиціи правительству, гнѣздившейся до того времени въ средѣ заправилъ «Земгора» умножили собою ряды «организованной» общественности.

Ко времени затрудненій на фронтѣ кадеты пріурочили и первое свое открытое выступленіе, съ требованіемъ отвѣтственнаго Министерства, т. е. передачи власти въ ихъ, какъ они полагали, руки. Московскій городской голова М.В. Челноковъ, слѣдуя указаніямъ центра кадетской партіи и настояніямъ съѣхавшихся въ Москву дѣятелей «Земгора», обратился къ Правительству съ просьбой разрѣшить созвать чрезвычайное собраніе Московской городской думы «для доклада о ходѣ работъ городского общественнаго управленія по снабженію арміи снарядами». Послѣ нѣкотораго колебанія Министерство разрѣшило созвать это собраніе, подъ личной его, Челнокова, отвѣтственностью, съ обязательствомъ никакихъ политическихъ выступленій не допускать.

На этомъ засѣданіи, названномъ кадетами «историческимъ» были допущены протесты противъ намѣренія Государя принять на себя главное командованіе нашими арміями и вынесена резолюція съ требованіемъ «Министерства общественнаго довѣрія» каковымъ терминомъ кадеты до времени прикрывали понятіе министерства парламентскаго. Эта послѣдняя резолюція, несмотря на запрещеніе Правительства, была Челноковымъ разослана во всѣ городскія и земскія учрежденія съ просьбой обсудить и присоединиться къ ней.

Такимъ путемъ было положено начало открытому походу на Правительство, къ участію въ которомъ приглашались тѣмъ самымъ всѣ круги русской общественности.

Обстановка была отлично учтена партіей «Народной Свободы». Кадеты уже закончили періодъ «осады власти» и нашли своевременнымъ приступить къ открытому ея штурму, увлекая за собою всю общественность

и не сознавая того, что, насильственно разрушая старую власть, они разрушаютъ въ народѣ сознаніе необходимости подчиненія вообще какой-либо власти и въ разгаръ войны, роютъ могилу Государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ себѣ.

Выступленіе произвело въ провинціи очень сильное впечатлѣніе. Революціонный фронтъ сталъ быстро разростаться. Дѣятели «Земгора» стали объединяться съ дѣятелями «Военно-промышленныхъ Комитетовъ». Оставалось привлечь Торгово-промышленный союзъ, кооперативы и особенно Московское общество сельскаго хозяйства, при помощи которыхъ надѣялись завести связи въ деревнѣ. Предстояло всѣхъ объединить и согласовать работу, а для этого рамки «Земгора», въ средѣ служащихъ котораго были и непосвященные, оказались неудобными.

На помощь пришелъ членъ Государственной Думы А. И. Коноваловъ, который, пользуясь правомъ неприкосновенности, предложилъ устраивать у него собранія лицъ, ставшихъ во главѣ революціонной общественности.

На собраніяхъ этихъ, подъ видомъ раутовъ или «чашки чаю», собиралось до шестидесяти человѣкъ, причемъ составъ собраній мѣнялся въ зависимости отъ пріѣзда изъ провинціи или отъѣзда туда тѣхъ или иныхъ лицъ. Постояннымъ оставался только президіумъ изъ пяти лицъ: князя Г. Е. Львова, М. В. Челнокова, А. И. Коновалова, Павла Рябушинскаго и А. А. Бубликова.

Чтобы охарактеризовать господствовавшеее на этихъ собраніяхъ настроеніе, достаточно привести слова В. А. Маклакова, который послѣ перваго «Коноваловскаго собранія» выразилъ свои впечатлѣнія словами»: «Тамъ я въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя крайнимъ правымъ». Надо замѣтить, что тотъ-же Маклаковъ нѣсколько дней передъ тѣмъ помѣстилъ въ одной изъ Московскихъ газетъ пасквиль на Государя, въ которомъ изобразилъ Его въ видѣ безумнаго шоффера, мчащаго автомобиль съ неудержимой быстротой по кручамъ горъ, и скорбѣлъ о томъ, что онъ, сѣдокъ, не умѣетъ самъ управлять автомобилемъ и только потому не рискуетъ взять шоффера за шиворотъ и сбросить въ пучину, но, конечно, раздѣлается съ нимъ тотчасъ-же, какъ только выѣдетъ изъ горъ на ровное мѣсто...

На собраніяхъ подробно разрабатывался проектъ натиска на власть, одновременно всѣми слоями общественности, причемъ особыя надежды возлагались на содѣйствіе прогрессивнаго блока Государственной Думы. Настроеніе было весьма возбужденное и оптимистическое. Въ успѣхѣ натиска уже никто почти не сомнѣвался. Одинъ изъ болѣе экспан-

сивныхъ членовъ президіума такъ приблизительно резюмировалъ положеніе дѣла на мѣстахъ: «работа Земгора на фронтѣ расположила въ нашу пользу Армію и подготовила должное настроніе въ средѣ солдат и офицеровъ. Военно-промышленные комитеты объединили и сорганизовали рабочихъ. Во всѣхъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ имѣются у насъ надежные сторонники; торговопромышленники примкнули къ намъ, остается только объединить крестьянъ и тогда мы покажемъ Николаю II-му кулакъ, котораго Онъ испугается больше, чѣмъ нѣмецкихъ пушекъ».

Министерскіе портфели казались уже въ рукахъ и собраніе приступило къ ихъ распредѣленію. Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ намѣченъ былъ князь Г. Е. Львовъ, Министромъ Военнымъ и Морскимъ А. И. Гучковъ, Торговли и промышленности А. И. Коноваловъ, Юстиціи В. А. Маклаковъ, Путей Сообщенія А. А. Бубликовъ и Народнаго Просвѣщенія Мануйловъ. Кандидатура М. В. Челнокова на Министерскій постъ была почему-то снята.

Не трудно усмотрѣть полное почти тождество этого перечня съ первымъ составомъ Временнаго Правительства, изъ котораго пришлось только устранить Маклакова, чтобы дать мѣсто Керенскому, а Бубликова замѣнить Некрасовымъ.

Возникшая, по настояніямъ и подъ покровительствомъ А. И. Гучкова, рабочая секція Главнаго Военно-промышленнаго комитета избрала предсѣдателемъ рабочаго К. Г. Гвоздева и, быстро самоопредѣлившись, обратилась въ своего рода правительство для рабочихъ. Пользуясь казенными субсидіями и прикрытіемъ флага общественности, секція эта вмѣсто работъ на оборону занялась организаціей рабочаго движенія на лозунгахъ «интернаціонала», положенія котораго совсѣмъ не соотвѣтствовали видамъ общественности.

Это смутило даже А. И. Гучкова, все время отстаившаго передъ правительтвомъ полную неприкосновенность рабочихъ организацій Военно-промышленнаго комитета, и онъ обратился съ письмомъ къ рабочимъ, въ которомъ называя ихъ товарищами, призывалъ работать на пользу арміи, давая понять, что время свести счеты съ Царскимъ режимомъ не уйдетъ, но что раньше надо напречь всѣ силы, чтобы одержать побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ.

На это обращеніе К. А. Гвоздевъ, впослѣдствіи одинъ изъ Министровъ Временнаго Правительства, отвѣтилъ Гучкову открытымъ письмомъ, указывая, что рабочимъ не по пути съ «буржуями», почему со-

чувствовать работѣ на оборону они не могутъ прекрасно сознавая, что только пораженіе Россіи обезпечитъ побѣду рабочему классу.

Полная отчужденность крестьянъ и обозначившаяся пропасть между стремленіями рабочихъ и «общественности» должны были лишній разъ подчеркнуть грозу, которая собиралась надъ головою послѣдней. Но предостерегающіе симптомы замѣчены не были, вожаки продолжали свое дѣло, а «общественность», упоенная миражами будущей политической роли, слѣпо катилась за ними въ бездну, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ.

Наступилъ конецъ Февраля 1917-го года, а съ нимъ и «великая, безкровная «революція», которая отдала въ руки нашей общественности, въ полной неприкосновенности, всю Верховную Власть въ огромной странѣ.

2-го Марта Государь Императоръ отрекся отъ престола, ввѣривъ Государственной Думѣ судьбы Русскаго народа, а также собственную жизнь и жизнь Своей Семьи. Несомнѣнно, что Государь этимъ актомъ величайшаго самопожертвованія надѣялся спасти Россію отъ потрясеній, которые должны были пагубно отразиться на успѣхѣ войны.

Въ это время настроеніе арміи на фронтѣ и настроеніе деревни, куда работа общественности проникала слабо, были совершенно далеки отъ мысли о революціи,и Государю было ясно,что не волею народа Государственная Дума возглавила собою уличный Петроградскій бунтъ. Но Онъ сознавалъ также и то, что если не будетъ отреченія, то на ряду съ войною на фронтѣ можетъ вспыхнуть и междуусобная: что фронтъ пойдетъ на тылъ и что это дастъ нѣмцамъ гораздо больше выгодъ, чѣмъ бывшая недостача снарядовъ.

Царь не рѣшился на это и предпочелъ подвергнуть риску Свою жизнь и жизнь Своей Семьи, вручивъ ихъ Думѣ, у которой не оказалось власти, и Временному Правительству, у котораго не оказалось чести.

Комитетъ Государственной Думы и едва успѣвшее народиться Временное Правительство съ мѣста-же утратили всякое значеніе и были вынуждены въ каждомъ своемъ выступленіи считаться съ волею «пролетаріата», представители котораго, завладѣвшіе и помѣщеніями самой Думы, оказались болѣе рѣшительными и сильными.

Дѣятели Временнаго Правительства любятъ говорить, что они не виновны въ развалѣ Россіи, что причиной всему то ужасное наслѣдіе, которое они получили отъ «проклятаго стараго режима». (Рѣчь Шин-

гарева къ депутатамъ отъ фронтовыхъ частей). Но, вѣдь отрекшійся Государь оставилъ Временному Правительству могучую дисциплинированную и снабженную всѣмъ необходимымъ армію, которую напутствовалъ честнымъ и трогательнымъ завѣтомъ... «защищайте доблестно нашу Великую родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь своихъ начальниковъ...» и что сталось съ этой арміей послѣ прикосновенія къ ней Временнаго Правительства? Государь передалъ также въ полной неприкосновенности весь аппаратъ внутренняго управленія великой страной. Аппаратъ этотъ тотчасъ-же былъ разрушенъ Кн. Львовымъ и вмѣсто созидательной работы на народъ посыпался градъ трескучихъ фразъ, самыхъ заманчивыхъ, но лживыхъ, разжигающихъ дурныя страсти обѣщаній и всевозможныхъ «свободъ» съ уродливымъ креномъ все въ лѣвую сторону.

Временное Правительство исчезло, но печальной памяти герои его съумѣли не только сохранить себя, своевременно скрывшись заграницу, но и широко обезпечить себя матерьяльными средствами, оставшимися отъ «ненавистнаго Царскаго Правительства».

Теперь они обосновались въ Парижѣ и въ Прагѣ и содѣянное не вызвало въ нихъ чувства раскаянія и не уменьшило ихъ развязной самовлюбленности. Они продолжаютъ крениться влѣво, пребывая въ полной нетерпимости ко всему тому, что носитъ на себѣ печать принадлежности къ старой, Великой Россіи. По прежнему лгутъ и интригуютъ и подъ шумокъ протягиваютъ руку порожденнымъ ими большевикамъ, явно разсчитывая путемъ этого соглашательства еще хоть на мигъ побывать у власти.

Они развязно приглашаютъ Русскихъ, лишенныхъ по ихъ преступленіямъ родины, оберегать «завоеванія революціи», дѣлыя видъ, что не замѣчаютъ того, что отъ этихъ завоеваній кромѣ ихъ личнаго благополучія и раззоренной, истерзанной и распродаваемой «Совѣтской» Россіи уже ничего и не осталось. Но врядъ-ли найдется хоть одинъ человѣкъ, который искренне признаетъ за ними право именоваться «народными вождями» и ввѣритъ имъ свою судьбу, а тѣмъ паче судьбы Россіи.

Экли.

БИБЛIОГРАФIЯ.

I. «ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦIИ», **И. Наживина.** — (Книгоиздательство «Русь»).

Изданныя въ 1921 г. «Записки о революцiи» И. Наживина посвящены памяти павшихъ за нашу старую Россiю — Великую, Единую, Недѣлимую. Записки изложены большею частью въ разговорной формѣ. Онѣ даютъ богатый матерьялъ для оцѣнки отношенiя къ революцiи со стороны народныхъ массъ и интеллигентныхъ круговъ, послѣ угара пугачевщины сильно поправѣвшихъ. Авторъ описываетъ время съ конца Февраля 1917 года до отъѣзда своего, послѣ крушенiя Деникина, въ Болгарiю.

Сынъ крестьянина Владимирской губернiи, Наживинъ провелъ большую часть революцiи въ своемъ родномъ селѣ и видѣлъ ее «въ самыхъ подлинныхъ низахъ народныхъ». Онъ много лѣтъ стоялъ на очень лѣвыхъ позицiяхъ, чуть ли не близкихъ къ анархизму, и называетъ себя «бывшимъ интернацiоналистомъ» (стр. 5,73). Тѣмъ болѣе имѣетъ значенiе искреннее признанiе имъ банкротства своего и вообще лѣвыхъ дѣятелей, которыхъ онъ призываетъ покаяться въ своемъ грѣхѣ передъ Россiей и громко признаться, что самовлюбленныя лѣвыя партiи, обѣщавшiя народу чуть не завтра земной рай, а себѣ ожидавшiя ряда трiумфовъ на поученiе всему человѣчеству, завели народъ на ложный путь и повергли Россiю въ униженiе, раззоренiе, позоръ и гибель.

Еще въ революцiю 1905-го года графъ Л. Н. Толстой, съ которымъ Наживинъ былъ долгiе годы близокъ, совѣтовалъ ему записать все, что видитъ и слышитъ, и какъ можно правдивѣе и точнѣе. «А то потомъ изъ всего этого сдѣлаютъ, какъ сдѣлали изъ Французской революцiи, какую нибудь эдакую ученую колбасу и будутъ отравлять ею миллiоны лю-

дей». Справедливость словъ Толстого мы уже и видимъ въ стремленіи заграничной русской печати, среди которой почти не имѣется правыхъ органовъ, замести слѣды и свалить всю вину въ русскомъ горѣ на однихъ большевиковъ, замалчивая первичные грѣхи и преступленія многолѣтней смуты и Февральскаго бунта 1917 года.

«Нельзя отрицать»,—пишетъ Наживинъ—«что и мы (русскіе интеллигенты), съ Толстымъ, въ этомъ разрушеніи Россіи, въ этомъ позорѣ и всемъ горѣ участвовали, хотя, конечно, съ самыми лучшими намѣреніями. Нельзя было говорить темнымъ массамъ то, что мы говорили съ Толстымъ. Онѣ неизбѣжно извратили и окровянили все. Не надо церкви? Прекрасно — вотъ висятъ на деревьяхъ старенькіе священники и епископы, часто хорошіе пастыри! Не надо воевать за отечество? Прекрасно — будемъ истреблять милліоны людей за «интерцентралъ». Собственность — кража, грѣхъ. Прекрасно — будемъ срывать съ рукъ замученныхъ офицеровъ золотые перстни...! И я не скрывалъ отъ себя и отъ людей этого—нѣтъ: мы опредѣленно виноваты, мы интеллигенція, мы вожди народные». (стр. 52) И впослѣдствіи Наживину приходилось слышать въ народѣ, что «не мы вѣдь, а баринишки Царя то предали» (стр. 256).

Вмѣстѣ съ Толстымъ Наживинъ признаетъ, что еще къ революціи 1905 года первымъ пристало все ограниченное и тупое, озлобленное и горластое. Рисуемая имъ картина революціонныхъ дней 1917 г., и въ деревнѣ и въ городѣ, даетъ такое же свидѣтельство и является обвинительнымъ актомъ для тѣхъ, кто, расшатавъ путемъ многолѣтней, тупоупорной сапы основы государства, разнуздалъ народъ, обратилъ его и армію въ злобную толпу хищниковъ и, наканунѣ побѣды, низвергъ въ бездну Великую Родину нашу.

Описывая разложеніе арміи, Наживинъ винитъ ту же интеллигенцію, легкомысленно потрясавшую основы, на которыхъ держалась Россія: церковь, монархію, государственное единство, родину, армію, семью, собственность. «Какъ ясно было теперь» пишетъ въ 1917 году Наживинъ «трагическсе положеніе стараго правительства: подъ нашимъ натискомъ (въ Японскую войну 1905 г.) оно объявляетъ осторожную «весну»; мы это принимаемъ за слабость и сейчасъ же ломимъ впередъ, на приступъ, и усиленно вызываемъ ту страшную революцію, которой вполнѣ основательно боялось правительство и которой хотѣло избѣжать посредствомъ этой своей «весны». И оно вынуждено было снова отмѣнять «весну» и снова силой гнать насъ назадъ отъ страшной погибели, въ которую мы слѣпо лѣзли». (стр. 75).

Первая вѣсть объ отреченіи Государя и о республикѣ должна была бы обрадовать революціонера, какимъ былъ Наживинъ. Но съ первыхъ же дней революціи онъ понялъ, что будетъ значить «республика» при «озлобленіи народа, при остервенѣлой, лишенной сдержанности борьбѣ нашихъ малокультурныхъ политическихъ партій». Зная деревню, Наживинъ видѣлъ,какой долженъ былъ воцариться хаосъ и кавардакъ.Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ (Владиміръ, Москва, Петроградъ) автору рѣзали глаза «основныя черты руской революціи — крайняя развязность на почвѣ полнаго невѣжества и крайніе предѣлы безобразія». А въ началѣ осени 1917-го года уже и слѣпымъ стало ясно, что революція стала пугачевщиной (стр. 83).

Интересны описываемыя авторомъ встрѣчи и бесѣды съ многими дѣятелями революціонной и дореволюціонной эпохи. Любопытна запись, сдѣланная И. А. Бунинымъ въ Орловской губерніи (стр. 59) о «бабушкѣ революціи» Брешко-Брешковской, въ народномъ представленіи. «Бабка то? Какъ же знаю..... маленькая такая, а глаза злющіе презлющіе... говорятъ сорокъ лѣтъ въ острогѣ на чѣпи держали, а уморить не могли.... И до чего хитра: въ острогѣ,и то милліонъ ухитрилась нажить. А теперь подъ себя мужиковъ скупаетъ. Говоритъ: и въ солдатахъ служить не будете, и земли дамъ, и все такое». (стр. 59).

И. А Бунинъ каялся Наживину въ прежнемъ своемъ легкомысліи (стр. 185), признаваясь, что получивъ у себя въ деревнѣ извѣстіе объ убійствѣ Столыпина, онъ бѣгалъ по террасѣ и визжалъ отъ радости. Каялись и многіе другіе, но не всѣ дѣлали это открыто.

Въ Іюлѣ 1918 г. Наживинъ сидѣлъ у редактора газеты «Власть Народа» Гуревича, когда подали телеграмму, что постановленіе Екатеринбургскаго совѣта объ убійствѣ Государя признано Московскими большевистскими властями правильнымъ. Гуревичъ (онъ былъ еврей), поблѣднѣвъ показалъ, что большинство подписей подъ этимъ документомъ — еврейскія. «Эта бумажка будетъ стоить евреямъ 50.000 головъ» сказалъ онъ. — «Если не больше», поправилъ Наживинъ, знавшій народныя настроенія и понимающій, что предотвратить подобный погромъ сможетъ только сильное національное правительство, конечно монархическое.

Благодаря прежнимъ революціоннымъ связямъ, Наживину удалось отбыть «заграницу» т. е. въ Малороссію, которую нынѣ уже и защитники единства Россіи легкомысленно именуютъ Украйной и которую тогда занимали Германцы. Въ Кіевѣ онъ удостовѣрился, что внѣдряемый австро-германцами, при помощи интеллигентовъ Мазепинскаго толка,

сепаратизмъ — явленіе чисто внѣшнее. «Передавался слухъ, что гетманъ Скоропадскій сказалъ русской делегаціи: «Да господа, я, конечно, стою за самостійную Украйну. Но эту самостійную Украйну, когда придетъ время, я положу къ ногамъ Его Императорскаго Величества» (стр. 156). Пищущему эти строки также случилось, въ бытность въ Швейцаріи въ 1919 г. бесѣдовать съ генераломъ Скоропадскимъ, и,конечно, не въ немъ украинскіе сепаратисты найдутъ себѣ сторонника.

Изъ Малороссіи Наживинъ перебрался къ Добровольческой арміи на Кубань и побывалъ въ Одессѣ во время Французской оккупаціи. На пароходѣ подъ Одессой, членъ Госуд. Думы князь Шаховскій познакомилъ Наживина съ бывшимъ Министромъ Юстиціи, бывшаго Временнаго Правительства Переверзевымъ (стр. 211). Въ разговорѣ съ нимъ Наживинъ отмѣтилъ откатъ назадъ вообще и въ крестьянскихъ массахъ въ особенности, — и до такой степени, «что онъ думаетъ, что есть уже опасность абсолютизма».

«Вполнѣ возможно.....» согласился Переверзевъ «Только почему Вы такъ странно выражаетесь: какая же опасность абсолютизма». «То есть какъ какая? — Я рѣшительно думаю, что въ абсолютизмѣ для Россіи есть дѣйствительная опасность». «Почему же... Присягнемъ нашему Государю Императору и будемъ вѣрой и правдой служить Ему» сказалъ къ удивленію Наживина революціонный Министръ, къ тому же бывшій представителемъ одной изъ соціалистическихъ партій. По своему признанію, Переверзевъ сталъ думать такъ,съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ у власти. Онъ охотно разрѣшилъ оглашать эту бесѣду, которая дала Наживину толчокъ къ выступленію съ рефератами по поводу революціи. «Сознаніе, что революція, какъ Царь въ сказкѣ, голая, что восхищаться красотою ея не существующей рубашки, какъ это дѣлали въ сказкѣ хитрые прихлебатели, можно намъ уже и перестать, видимо въ отдѣльныхъ лицахъ совсѣмъ уже окрѣпло, и надо было только, чтобы кто нибудь изъ си-девановъ выступилъ первымъ и во всеуслышаніе сказалъ то, о чемъ на ушко одинъ другому многіе говорили уже давно» (стр. 212).

Революціонная ложь и клевета выяснялись все больше, по мѣрѣ того, какъ проходилъ революціонный чадъ и угаръ, и выяснялся весь позоръ, до котораго довела Россію революціонная республика. Б. Н. Смиттенъ, членъ, назначенной Керенскимъ для разслѣдованія пресловутыхъ «преступленій» старой власти, слѣдственной комиссіи отвѣтилъ Наживину на его вопросы по поводу той грязи, которою «свободная» печать и часть публики распространяли о Царской Семьѣ (стр. 249) и о Распу-

тинѣ. «Въ нашихъ рукахъ были всѣ письма Императора и Его Семьи, были дневники Ихъ, были всѣ документы, которые мы могли только найти. Изучено все это было нами полностью».....« Всѣ накричали до слѣдствія о преступленіяхъ, а преступленій не оказалось....»

Чѣмъ чернѣе была клевета, тѣмъ сильнѣе долженъ быть расцвѣтъ монархической идеи въ широкихъ кругахъ народной массы. По словамъ Наживина, даже въ началѣ революціи развитая часть крестьянства была за монархію (стр. 17), осенью же 1918 г. деревня заговорила о Хозяинѣ по закону (стр. 143). И . А. Бунинъ тогда уже говорилъ Наживину про свою Орловскую губернію, что настроеніе среди крестьянъ «опредѣленно монархическое: Царя и никакихъ разговоровъ (стр. 185)». Въ дни увоза Государя въ Екатеринбургъ Наживину пришлось въ деревнѣ подслушать разговоръ: крестьяне, распрягая лошадей, говорили другъ другу тихимъ голосомъ: «А слыхалъ, Государя то Ампиратора, пишутъ, увезли неизвѣстно куда.... Неизвѣстно?.... Все извѣстно сукинымъ дѣтямъ — намъ только глаза отводятъ подлецы».

Опредѣленныя монархическія тенденціи замѣчались и на Кавказѣ, гдѣ, по словамъ Наживина,на городскихъ выборахъ не прошло ни одного соціалиста. На Кавказѣ татары, простой народъ, въ одинъ голосъ Царя требуютъ: «куды дѣвалъ Миколай.... давай назадъ Миколай».

Однако, скажутъ зоилы, если бывшій лѣвый анархистъ Наживинъ сталъ теперь монархистомъ и всюду находитъ монархистовъ, то это еще не значитъ, чтобы стала монархической вся Россія. Конечно, есть по этому вопросу и другія свидѣтельства. Такъ, напримѣръ эсъ-эръ Масловъ, членъ бывшаго Временнаго Правительства генералиссимуса Керенскаго, увѣряетъ, что крестьянство въ Россіи (а оно составляетъ 84 о/о населенія), въ своей активной и сознательной части — по Маслову люди отъ 30 до 50 лѣтъ — стоитъ за республику, и только старики еще вспоминаютъ съ горечью, что при Царѣ были хлѣбъ, законъ и порядокъ. Что же, спросимъ мы г. Маслова, у прочихъ т. е. у «сознательныхъ» память отшибло что ли? Вѣдь и г. Масловъ не производилъ въ Россіи плебисцита, и его утвержденіе болѣе голословно, чѣмъ свидѣтельство Наживина, вполнѣ совпадающее съ вѣковой традиціей. Тотъ же Масловъ утверждаетъ, что народъ теперь понялъ государственность, стоитъ за порядокъ за единую Россію, сталъ религіозенъ и отшатнулся отъ революціи и соціализма. Но вѣдь все это — свойства, присущія нашей былой, Монархической Россіи, а не пункты революціонныхъ программъ, и народъ не могъ этого забыть. Пять лѣтъ революціи и республики научили русскій народъ уму-разуму, и онъ понялъ, что

имъ утрачено послѣ сверженія Монархіи и перехода власти въ руки республиканскихъ сочленовъ с. р. Маслова по Временному Правительству. И если русскій народъ такъ выросъ, какъ увѣряетъ Масловъ, такъ дорожитъ національной независимостью, то это явилось у него a contrario послѣ революціонно-республиканскаго опыта, и правъ Наживинъ, указывая на поправеніе и отдѣльныхъ лицъ и народныхъ массъ. Доказательствъ и примѣровъ этого поправенія мы видимъ достаточно и въ эмигрантской средѣ.

Кромѣ записокъ Наживина, русская революція уже нашла себѣ отраженіе въ цѣлой волнѣ мемуаровъ, записокъ, воспоминаній, дневниковъ и очерковъ. Нѣкоторые считаютъ появленіе ихъ преждевременнымъ, ибо принято говорить, что оцѣнка событій можетъ быть сдѣлана лишь по происшествіи извѣстнаго промежутка времени. Но для правильной ихъ оцѣнки весьма важно, чтобы тѣ, кому есть, что сказать, не молчали и не откладывали на будущее, болѣе или менѣе отдаленное, свои сообщенія, а сдѣлали бы ихъ громко сейчасъ же. Этимъ они дали бы возможность находящимся въ живыхъ современникамъ внести необходимыя исправленія и дополненія, ибо мемуарная литература въ нихъ очень часто нуждается. Съ этой точки зрѣнія надо радоваться обилію выходящихъ въ свѣтъ трудовъ о русской революціи. Среди этихъ трудовъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ своеобразныя и правдивыя «Записки» Наживина.

II. Профессоръ **Т. В. Локоть**, «ЗАВОЕВАНІЯ РЕВОЛЮЦІИ». — Вѣна, 1921.

Если Ив. Наживинъ изъ анархистовъ сталъ монархистомъ, то и профессоръ Локоть, являющійся нынѣ украшеніемъ монархической партіи, былъ въ составѣ Государственной Думы перваго созыва представителемъ трудовиковъ. Очеркъ его «Завоеванія Революціи» составляетъ одну изъ главъ почти готовой къ печати книги «Философія русской революціи» и написанъ осенью 1920 г.

Съ момента Мартовской революціи 1917 г., пишетъ Локоть, Россія, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, раздѣлилась на два лагеря: милліоны горячихъ сторонниковъ революціи и небольшія тысячи ея противниковъ. Всѣхъ увлекали лозунги: «Земля и воля народу», «Да здравствуютъ соціалъ-революціонеры», «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь», «Да здравствуетъ Россійская соціалистически-федеративная республи-

ка» и т. п. Радовались активныя революціонныя партіи, и полуреволюціонныя партіи, прежде всего кадеты, радовались городскіе интеллигентные круги и лица вольныхъ профессій, радовались даже служилые люди. Армія, послѣ двухъ съ половиною лѣтъ войны, утратила прежніе военные элементы и также приняла революцію.

Немногочисленные противники революціи притаились или даже стали приспособляться къ ней. Къ противникамъ революціи, провозгласившей своимъ главнымъ лозунгомъ «Земля народу», Локоть причисляетъ: крупно-землевладѣльческій, преимущественно дворянскій классъ, который лишился земли и политической власти; православное духовенство, «крѣпкую» часть крестьянства, проникнутую идеей собственности, и, наконецъ, осторожные вдумчивые элементы разныхъ классовъ, болѣе многочисленные, чѣмъ это казалось. Но эти классы и элементы, не будучи организованы и потерявъ внезапно Царя и весь государственный аппаратъ — до городового включительно, — были парализованы. Даже и болѣе другихъ организованное дворянство на дерзнуло сдѣлать ни одного опредѣленнаго политическаго шага по отношенію къ революціи. Контръ-революція стала наростать только впослѣдствіи и постепенно, по мѣрѣ выясненія неспособности къ власти Временнаго правительства, разложенія арміи и захвата власти представителями интернаціонала. Тогда сталъ возникать и вопросъ, гдѣ же и въ чемъ состоятъ тѣ завоеванія революціи, которымъ такъ шумно и легкомысленно радовались весною 1917 г. Начался анализъ этихъ «завоеваній», анализъ, отражавшій реакцію психологическую, но еще не политическую.

Локоть задаетъ рядъ вопросовъ о причинахъ революціи и находитъ, что еще не имѣется достаточныхъ документальныхъ данныхъ, чтобы сказать опредѣленно, произведена ли революція внутренними силами, по ихъ собственному почину, или по иниціативѣ иностранной: германской или иной.

Во всякомъ случаѣ революція, въ лицѣ большевиковъ, установила въ свою пользу азіатскій деспотизмъ (прибавимъ, что и кн. Львовъ, и Керенскій тоже издавали законы безъ всякаго участія представительныхъ учрежденій). Поэтому «паденіе самодержавія» рано ставить во главу «завоеваній революціи», тѣмъ болѣе, что «диктатуру пролетаріата» очевидно смѣнитъ диктатура военная, — бѣлая или розовая — но во всякомъ случаѣ самодержавная. Если же въ концѣ концовъ, и соберется свободное Учредительное Собраніе, гдѣ подавляющее число голосовъ будетъ принадлежать крестьянству,то не потребуетъ ли оно Единаго Хозяина Земли Русской, въ лучшемъ случаѣ съ помощникомъ въ

лицѣ представительства отъ Земли, хотя бы это и не нравилось революціонной демократіи, которая, твердя, что большевики отодвинули Россію къ 17-му вѣку, все же воображаетъ, что эта отодвинутая назадъ Россія станетъ федеративной демократической республикой, едва ли не подобіемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Фактическимъ завоеваніемъ революціи, безспорно, является разрушеніе быстро развивавшагося государственнаго строя Россіи и ея политическій и соціальный развалъ. И не окажется ли, что для «взбунтовавшихся рабовъ» единственной возможной формой государственной власти является — именно власть не только самодержавная, но почти деспотическая, о чемъ свидѣтельствуетъ самый фактъ столь долго длящагося правленія большевиковъ.

Въ столь же малой мѣрѣ являются завоеваніемъ революціи и политическія «свободы», которыхъ, конечно, было неизмѣримо больше при Царѣ. Нельзя винить во всемъ этомъ одинъ лишь большевизмъ, ибо за всѣ ужасы и его и свои — вѣдь крови пролито было не мало и въ первые дни революціи — повинна прежде всего сама Мартовская революція. Не будь ея, не было бы и большевистскаго захвата власти. Этого, однако, доселѣ не хотятъ откровенно признать тѣ, кто продолжаетъ тупо настаивать на «пріятіи Мартовской революціи».

Въ чемъ же выражаются другія завоеванія революціи? Разрушеніе народнаго хозяйства и благосостоянія, промышленности, желѣзныхъ дорогъ, сельскаго хозяйства, финансовъ и разрушеніе, обнищаніе трудящихся массъ, бѣгство и истребленіе торгово промышленной буржуазіи, дикое и хозяйственно-безсмысленное раззорѣніе крупныхъ хозяйствъ, воровское расхищеніе и расточеніе государственныхъ запасовъ имуществъ, и ежедневныя разрушенія гражданской войны. Только наивно фанатичный и бездушный «идеализмъ» русской, специфически революціонной интеллигенціи можетъ успокаиваться на мысли, что революція требуетъ искупительныхъ жертвъ и что будущее вознаградитъ сторицею, — или, какъ Троцкій заявляетъ: «пусть погибнутъ три четверти русскаго народа въ борьбѣ, за то останется одна четверть настоящихъ коммунистовъ и возсіяетъ міровая пролетарская революція». Стимуломъ для всѣхъ этихъ людей — большевиковъ и не большевиковъ — является жажда власти и только. Чтобы властвовать — они готовы терроризировать и заклать всѣхъ инако мыслящихъ.

Прибавляя къ перечисленнымъ «завоеваніямъ революціи» политическое безсиліе Россіи, утрату суверенности, и можетъ быть обращеніе въ колонію для иностранцевъ, проф. Локоть отмѣчаетъ, что отри-

цательное значеніе этихъ завоеваній должна понимать и та демократія, которая, призывая къ національному объединенію, продолжаетъ стоять на почвѣ неосуществленныхъ началъ революціи и ея якобы благихъ порывовъ, свершить кои не было дано. Отсюда явствуетъ по мнѣнію Локотя, что будущее Россіи принадлежитъ не революціонной и не революціонно-соціалистической демократіи, а какой то другой — національно-трудовой, творческой, разумно консервативной и эволюціонно прогрессивной.

Въ другомъ своемъ трудѣ проф. Локоть видитъ эту будущую Россію страною Монархическою.

И такъ есть разрушенія революціи,но нѣтъ ея завоеваній.И эти разрушенія столь страшны и гибельны, что только слѣпые люди или безсовѣстные демагоги могутъ еще выкриками о «завоеваніяхъ революціи» пытаться обманывать одураченный народъ.

Но все же есть одно и притомъ безспорное «завоеваніе» Русской революціи. Оно отмѣчено Леонидомъ Андреевымъ въ посмертномъ дневникѣ. (Общее дѣло № 310). По словамъ Андреева, большевизмъ навсегда убилъ въ Россіи «религію революціи». Сто лѣтъ революціонеръ считался у насъ святымъ; отнынѣ же «синонимомъ дурака или мерзавца сталъ революціонеръ» пишетъ Андреевъ.

Таково предсмертное сужденіе этого виднаго революціоннаго писателя о русской революціи и ея герояхъ!

Н. Корево.

РУССКАЯ ДУША.

Въ странѣ, гдѣ счастья нѣтъ и нѣтъ свободы,
Гдѣ властвуетъ насилья наглый произволъ,
Гдѣ въ долгіе, мучительные годы
Народъ испилъ всю чашу самыхъ страшныхъ золъ,

Гдѣ все, что славнымъ прошлымъ созидалось,
Со злобой черною на смерть обречено —
Ты все таки безсмертною осталась
О, Русская душа! Тебѣ судьбой дано

Познать всѣ муки крестнаго страданья
Въ потокахъ крови смыть ошибокъ страшныхъ грѣхъ,
Принять предательство и поруганье
И гнусныхъ фарисеевъ торжество и смѣхъ.

Униженная, въ мукѣ нестерпимой,
Судьбѣ покорная, — Ты все еще живешь
И какъ лампады свѣтъ неугасимый
Въ себѣ Россіи возрожденіе несешь.

Зинаида Клюева.

БѢЛЫМЪ ОРЛАМЪ.

Была пора — на Югѣ, Сѣверѣ, Востокѣ
Сражались бѣлые орлы...
Въ борьбѣ, пролитой крови страшные потоки
По всей странѣ родной текли.

Тогда росли надежды, радость ожиданья,
Горѣли вѣрою сердца;
Казалось, послѣ долгихъ, горькихъ лѣтъ страданья
Дождались свѣтлаго конца.

Но дни побѣды радостной не наступали,
И стаи смѣлыя орловъ
На Сѣверѣ, Востокѣ, Югѣ погибали —
И стонетъ Русь въ рукахъ враговъ.

Теперь орловъ осталась маленькая стая,
Жизнь на чужбинѣ ихъ гнететъ......
И снится сонъ орламъ: что крылья расправляя,
Они на Русь направили полетъ,

Что вихремъ смѣлымъ на врага вдругъ налетѣли,
Его безъ жалости клюютъ,
Что тряпокъ красныхъ клочья въ воздухѣ алѣли,
Что всѣ предатели бѣгутъ.

Что отвратилъ Господь карающую руку,
Пришли свободы свѣтлой дни,
И далъ Господь оковъ невыносимыхъ муку
Имъ снять съ истерзанной страны......

. . . .

О, Бѣлые Орлы, сыны родной Россіи,
Исполнится вашъ вѣщій сонъ.
Услышимъ мы, неудержимый и стихійный
Колоколовъ побѣдныхъ звонъ!

Зинаида Клюева.

Части арміи генерала П. Н. Врангеля въ Галлиполійскомъ лагерѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ.

Цѣна второй книги «Русской Лѣтописи»

Во Франціи и Бельгіи . . . . **10 франковъ**

Въ прочихъ странахъ — особыя цѣны.

КОНТОРА ИЗДАНІЯ
«РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ» (LES ANNALES RUSSES)
14, rue de l'Yvette, Paris (16e)

Imp. Zeluk et C-ie, 216, Bd Raspail, Paris.